

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

4

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2012

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2012
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2012.
147 с. + 4 л. отд. цв. ил.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М. Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой государственного управления в сфере культуры факультета госуправления МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, прорекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М. Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И. Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев); *Г. Кундротас*, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Литовского эдукологического университета (Литва, Вильнюс); *Б. Н. Тарасов*, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

Т. В. Цвигун, канд. филол. наук, доцент — ответственный редактор
А. О. Чубарьян, д-р ист. наук, академик РАН — научный редактор
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор
А. И. Васкиевич, канд. филол. наук, доцент
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент
В. И. Повилайтис, канд. филос. наук, доцент
В. А. Смирнов, канд. полит. наук, директор Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта
А. Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНО

Русское слово – инструмент создания образа России за рубежом. Материалы круглого стола. Подготовка А. Чернякова.....	9
Третьяков В. Какое русское слово мы несем из России за рубеж? Что делают отечественные СМИ с русским языком?	9
Къеза Дж. Почему представление о России на Западе за последние 10 лет ухудшилось? Кто виноват?.....	12
Мамонтов В. Русский человек за рубежом: что изменилось со времен Тургенева?	14
Золян С. Русский язык и единое пространство высшего образования.....	16
Клинг О. Литература – хранитель и ретранслятор культурного кода России.....	19
Кулибина Н. Уроки чтения как возможность сохранения духовного наследия России	21
Молчановский В. Учебник русского языка как иностранного в ряду средств формирования образа России.....	22
Доманский Ю. Серийность в условиях глобализации: постановка проблемы	25
Бабенко Н. «Школа русского рассказа»: интегративные формы обучения русскому языку	28

ЯЗЫК: ПУЛЬС ВРЕМЕНИ

Русский мир сегодня: взгляды и мнения. Материалы Международного молодежного гуманитарного форума «XXI век: русское слово в России и за рубежом». Подготовка Т. Цвигун.....	33
Польця Н. Интерактивный музей национального языка как инструмент формирования культуры речи	34
Клюс Ю. Стереотип россиянина в польских СМИ.....	37
Момот К., Сивицки Р. Образ Калининградской области в польской прессе.....	43
Колесова Е. «Диалог культур» на уроке русской литературы в латвийской школе	52
Нылванд Я. Использование диалектизмов – заимствований из контактирующих языков на уроке иностранного языка	54

<i>Карвацка М.</i> «Лекции по русской литературе» Владимира Набокова в польской аудитории	57
<i>Сладкевич Ж.</i> Метаграфемика в публицистике в свете процессов контактоподдержания и смыслообразования.....	60
<i>Резюме авторских проектов участников форума</i>	69

ПЕРСОНА

Владимир Иванович Грешных (1941 – 2012)

<i>Стадников Г.</i> Не прощальное слово о Владимире Ивановиче Грешных....	95
<i>Чавчанидзе Д.</i> Судьба человека и <i>genius loci</i>	98
<i>Шарыпина Т.</i> Перечитывая письма... ..	100
<i>Ботникова А.</i> По живому следу... ..	102
<i>Исаев С., Владимирова Н.</i> Человек на все времена: о Владимире Ивановиче Грешных.....	106
<i>Ерохин А.</i> «Поиск ускользающей мысли»: В.И. Грешных о структуре художественного мышления немецкого романтизма	115
<i>Ольховская Л.</i> Учитель. Попытка портрета	119
<i>Яновская Г.</i> Дух учителя: нерасторжима связь времен	123
<i>Васкиневич А.</i> «Атмосфера духа как реальность»: из лекций В. И. Грешных	127
<i>Грешных В.</i> <Фрагмент о фрагменте>	129
<i>Summary</i>	140
<i>Об авторах</i>	142

CONTENTS

FEATURE

The Russian Word: Creating the Image of Russia Abroad. A round table discussion. Compiled by <i>A. Chernyakov</i>	9
<i>Tretyakov V.</i> How Does the Russian Sound Abroad and What Exactly Do Russian Media Do with the Language?.....	9
<i>Chiesa G.</i> Why the Image of Russia in the West Did Not Improve in the Last Decade? Who is to Blame for That?.....	12
<i>Mamontov V.</i> A Russian Abroad: What Has Changed Since Turgenev's Time?	14
<i>Zolyan S.</i> Russian Language and the Common Space of Higher Education ..	16
<i>Kling O.</i> Literature: Keeping and Transmitting Russian Cultural Code	19
<i>Kulibina N.</i> Saving Russian Spiritual Heritage through the Reading Lessons	21
<i>Molchanovsky V.</i> RSL Textbooks and Creating the Image of Russia Abroad..	22
<i>Domansky J.</i> Seriality in the Age of Globalization: Defining a Problem	25
<i>Babenko N.</i> Russian Short Story and Language Teaching: an Interactive Approach.....	28

LANGUAGE: THE PULSE OF TIME

Russian World Today: Thoughts and Opinions. The Proceedings from the International Youth Humanities Forum, Russian Word in Russia and Abroad in the 21 st Century. Compiled by <i>T. Tsvigun</i>	33
<i>Polytzya N.</i> Interactive National Language Museum and the Development of Rhetoric Culture	34
<i>Klyus J.</i> A Stereotypical Russian in the Polish Media	37
<i>Momot K., Siwicki R.</i> The Image of Kaliningrad Region in Polish Printed Media.....	43
<i>Kolesova E.</i> Establishing the 'Dialogue of Cultures' at a Russian Lesson in a Latvian School.....	52
<i>Nõlvand J.</i> The Use of Dialectal Words and Borrowings from Adjacent Languages in Foreign Language Teaching	54
<i>Karwacka M.</i> Lectures on Russian Literature by Vladimir Nabokov for the Polish Audience	57
<i>Stadkiewicz Z.</i> Metagraphomy in Publicism and its Role in Contact-keeping and Meaning-generation	60
<i>Summaries of the Individual Projects Presented by the Forum Participants.....</i>	69

PERSONA

Vladimir Greshnykh (1941 – 2012)

<i>Stadnikov G.</i> This is Not a Farewell.....	95
<i>Chavchanidze J.</i> The Fate of a Man and Genius <i>Loci</i>	98
<i>Sharypina T.</i> Leafing through the Letters... ..	100
<i>Botnikova A.</i> The Living Trace... ..	102
<i>Isaev S., Vladimirova N.</i> Vladimir Greshnykh: a Man for All Times.....	106
<i>Erochin A.</i> 'In Search of Lost Thought': V. Greshnykh on the Structure of Creative Philosophy of the German Romanticism.....	115
<i>Olhovskaya L.</i> The Teacher. A Portrait.....	119
<i>Yanovskaya G.</i> The Teaching Spirit and the Joint of Time.....	123
<i>Vaskinevich A.</i> Spirit as Reality: Re-visiting Professor's Lectures.....	127
<i>Greshnykh V.</i> The Fragment: a Fragment.....	129
Summary	140
About the authors	142

АКТУАЛЬНО

...современные лингвисты, занимающиеся русским языком, сложили оружие либо не знают, что делать, у них просто нет этого оружия.

В. Третьяков

Защитить язык — русский, или итальянский, или французский — значит, переходить к новому представлению о коммуникации.

Д. Къеза

...за десять лет в России может перевернуться с ног на голову все, а за сто — ничего.

В. Мамонтов

...культурно-цивилизационное пространство невозможно без языка и культуры. Но при этом забывается, что язык и культура не даны сами собой, они не то что генетически приобретаются — им надо обучать.

С. Золян

...антиномия — культурная эволюция, культурный геном и культурный апокалипсис — во многом определяет состояние современной литературы и культуры.

О. Клинг

...выросло уже не одно поколение, которое владеет только техникой чтения, но не искусством чтения, о котором писали наши великие отечественные филологи.

Н. Кулибина

...со стороны людей, неравнодушных к культуре и языку, восклицания о том, что русский язык гибнет, — это не более чем кликушество.

В. Молчановский

...практически вся русская классика провоцирует такую серийность. Но эта серийность оказывается по большей части не востребована рынком, если исключить эксперименты рубежа 1980—1990-х годов, когда стали писать продолжения классических продолжений, совершенно непопулярные.

Ю. Доманский

Нужно быть заинтересованным в своем личном речевом здоровье.

Н. Бабенко

РУССКОЕ СЛОВО — ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ

Материалы круглого стола

Прошедший в Балтийском федеральном университете им. И. Канта 4 октября 2012 года круглый стол «Русское слово — инструмент создания образа России за рубежом» открыл работу Международного молодежного гуманитарного форума «XXI век: Русское слово в России и за рубежом», организованного при поддержке фонда «Русский мир». Русский человек как человек «вербальный», судьбы русского слова в историческом преломлении и современных реалиях, динамика облика слова в России и за рубежом, русское слово в современных СМИ, речи метрополии и диаспор, художественной литературе и искусстве, обыденной жизни и политике, новейшие методики обучения русскому языку — эти и многие другие вопросы стали предметом дискуссии, объединившей лингвистов, литературоведов, педагогов, журналистов из России, Италии и Армении. Представленные материалы выступлений на круглом столе демонстрируют остроту полемики о современных судьбах русского языка и многообразии путей сохранения русского слова как транслятора образа России в диалоге с зарубежными странами.

*Виталий Третьяков, декан Высшей школы (факультета) телевидения
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

Какое русское слово мы несем из России за рубеж? Что делают отечественные СМИ с русским языком?

Я в своем выступлении буду говорить о России, в первую очередь о Москве как о центре Вселенной под названием Русский мир; а поскольку Русский мир всегда центричен, то, конечно, импульсы, идущие из центра, задают моду всему остальному пространству. Что происходит в центре? В центре есть исследователи (и, как мне казалось раньше, они же должны быть хранителями русского языка), часть из них представлена за этим столом; и есть такие люди, которых я бы назвал «актерами и драйверами современного русского языка». Драйвер —

это одно из любимых слов наших первых лиц, актер — одно из любимых слов нашего интеллектуального, креативного класса, можно догадаться, что имеется в виду под тем и другим.

Я провел в рамках своей программы «Что делать?» не менее трех передач, специально посвященных русскому языку. И тут есть некоторая путаница, на мой взгляд: меня поражает академическое, я бы сказал кладбищенское, спокойствие современных лингвистов, которые занимаются русским языком. От абсолютного большинства из них я всегда слышу одно: «Язык всегда развивается, язык всегда изменяется, не волнуйтесь, он выживет. Он все переварит». Я утверждаю (и надеюсь, что лингвисты, здесь присутствующие, в пух и прах разобьют это мое утверждение, но аргументированно), что современные лингвисты, занимающиеся русским языком, сложили оружие либо не знают, что делать, у них просто нет этого оружия.

Второй пункт — это «актеры и драйверы». Во-первых, кто это? Это политики. Сейчас они часто выступают, что многократно транслируется, остается в сознании, в том числе в сознании языковом. Я считаю, что это преступление перед собственной культурой, особенно если ты рассуждаешь об этой культуре, когда в своих выступлениях ты используешь каждое второе слово иноязычное, причем не в XVIII—XIX веке привнесенное в русский язык и действительно им одомашненное, а вот только что прибывшее, слово, которому и перевод-то найти легко, только определенные усилия нужно приложить. И здесь мы должны признать, что в политическом смысле главными хранителями русского языка, извините, являются коммунисты и все остальные державники. Все, кто левее или правее по нашему спутанному политическому спектру, несколько перевернутому по отношению к западным ориентирам, они все против, они все убивают русский язык... Еще, кстати, ни один из современных политиков не сказал тех коротких слов, которые мы учили в Московском университете... Этот кусочек из Ленина: «Русский язык мы портим...», ну и далее. Кто из современных русских политиков произнес эти два абзаца, таких точных, правильных?

Я много раз задавал вопрос профессиональным лингвистам: объясните, как так получается, судя по тенденции, что русский язык (но, видимо, не только русский) постоянно ухудшается? Раз он все время ухудшается, значит, он ухудшится до предела, и мы к этому пределу приблизились. Если сейчас официальные лица, первые лица государства позволяют себе говорить «имеет место быть», то скоро все остальные будут использовать в речи лингвистические шутки семидесятых годов, рождавшиеся на московских и питерских кухнях: «морда лица», «шутка юмора»! Как же можно быть носителем русского языка и не

понимать, что «имеет место быть» — это искусственная, специально созданная конструкция и что ее нельзя распространять благодаря своему авторитету?!

Языковые нормы всегда задавали представители высокой культуры, сейчас это прекратилось вовсе. По политическим ли соображениям или по каким иным, но языковые нормы сегодня задают крупные политические фигуры, так называемые ньюсмейкеры, второе — это СМИ, а третье — шуты гороховые, те, кто раньше выступали на площадях на ярмарках; там тоже были красивые словечки, безусловно, и они входили в литературный язык, однако не так массово. Но не шутам гороховым позволялось составлять словари и прямо нести слово в народ — все-таки это делала какая-то аристократия духа, крови, языка или чего-то другого, точнее, всего в совокупности... Это очень опасная тенденция: я вообще не вижу выступлений филологов в средствах массовой информации, да и на эти темы редко кто что-то скажет.

Единственным полемическим приемом, единственным способом отношения к жизни у нас осталось то, что было всегда в арсенале умных, образованных, культурных, интеллигентных людей, — ирония. Сейчас, правда, ирония — это стеб (вот один из немногих случаев, когда иноязычное слово как раз получило русский эквивалент). Но нельзя же только с помощью иронии подходить ко всему в мире, в том числе к лингвистическим проблемам! Я не знаю, какой должна быть, какой может быть моя ирония, когда я уже видел в газете напечатанный заголовок: «Девятеро водителей попало в аварию»... девятеро... скоро будут говорить и писать «двадцатеро», «тридцатеро»! Как лингвисты молчат, я не понимаю...

И последнее предложение. В каждом приличном американском университете, каким бы он ни был по масштабу и по направленности, обязательно есть кафедра поэзии, ее возглавляет поэт. Ясно, что он никакой не ученый, его дело — писать стихи. Вот такую поэтическую культуру у нас тоже каким-то образом надо прививать. Я бы в каждый российский университет — в университет русский, то есть функционирующий на русском языке, — поставил по писателю из «тех»: из левых, из патриотов, из державных, из тех, кто за русский язык радеет. Учредил бы каждому кафедру, положил бы гигантский оклад только за то, чтобы они приходили, беседовали со студентами, поправляли младших и старших коллег... Этого, конечно, не случится, но мечтать... что нам еще остается, кроме как мечтать. Русский язык умирает, я в этом совершенно уверен, к сожалению...

Спасибо за внимание.

Джюльетто Кьеза, журналист, политолог, экс-депутат Европарламента

Почему представление о России на Западе за последние 10 лет ухудшилось? Кто виноват?

Во-первых, я хотел бы, чтобы вы меня извинили, потому что я не представитель русского языка, я итальянец, поэтому рассуждаю извне; но тем не менее все, что происходит у вас, имеет для меня большое значение. Я хочу обратить ваше внимание на фундаментальные идеи, они отвечают тем проблемам, о которых только что говорил Виталий Товиевич.

Единое мнение передается через единый язык. Весь западный мир в последние 50 лет был колонизирован (это единственное слово, которое я могу в данном случае использовать), и поэтому идеи, единицы мышления проникли во все языки, во все культуры... Американская, голливудская структура захватила всё, средства массовой информации набрали гигантскую мощь, которая действовала и действует до сих пор очень-очень сильно. Я говорю не только об информации, но о коммуникации вообще. Наши чувства смоделированы на базе этой структуры, наши идеи, наша шкала ценностей — практически все наше мышление. Я уже писал в своих книгах, что Советский Союз был разрушен этим средством; а по существу, не только Советский Союз — это Россия потерпела такое большое поражение, которое продолжается до сих пор. Это удивительная вещь: Запад, Америка, Уолл-стрит плюс Сити Лондона — они колонизировали всех, включая европейцев, а здесь еще часть интеллигенции любит колонизаторов. И их язык, конечно, тоже, это очевидно, это было понятно уже 20 лет назад. Поскольку я живу в Европе, я вижу, что происходит: европейское общество находится в самом глубоком кризисе своего исторического существования. Это конец цивилизации.

Вот эпизод, который мне кажется интересным: война России с Грузией. Я очень хорошо знаю эту ситуацию как журналист, потому что много раз был в Осетии, я следил за ней и писал, сидя не в Москве, а в Риме, в Европе. Итак, начинается война, через три минуты все средства массовой информации говорят, что Россия атаковала Грузию, намерена была захватить Грузию, заменить правительство Грузии... Все газеты, все телеканалы одновременно сказали полную, тотальную,

сто процентную ложь. Я лично провел маленькое исследование: шел по улице в Риме и опросил первые сорок человек — кто виноват? И все ответили одно и то же: Россия! Конечно, Россия! Вот заявленная тема моего выступления: «Почему представление о России на Западе за последние 10 лет ухудшилось?» Но ведь не только за последние 10 лет — с Запада продолжается волна обвинений, волна против России. Не важно, что происходит — проблемы ли со снабжением Европы газом из России, — кто виноват? Россия.

Вы живете здесь, смотрите западные каналы. Все западные каналы — я не говорю один, если бы один, это ничего, можно ошибаться, если бы было два — тоже ничего, можно ошибаться, — но все каналы одновременно передают одну и ту же информацию: юридическая система России плохая, Путин отреагировал неправильным образом и так далее. Это удивительно, это информация, которая по существу на сто процентов ложная. Значит, наша публика получает стопроцентно ложную информацию!

Добавлю еще и на этом закончу. В основном телевидение, а сейчас и Интернет (потому что телевидение уже эмигрировало в Интернет), все средства визуальной информации, которые намного более значимы, чем газеты и журналы, — всё это уже не информация, это реклама, это развлечения. А через рекламу, через развлечения передача мыслей и ценностей проходит намного глубже в наше сознание, чем через чтение. И вся эта волна, которая захватывает миллионы людей, миллиарды людей несколько часов каждый день, а для молодежи еще больше, потому что сейчас это уже можно найти в телефоне, а не только в компьютере... телефон, компьютер, телевидение и так далее, — это гигантская река мысли, ценностей, одновременно идущих в одном направлении. Это означает, что если Россия не начнет создавать свои средства массовой информации на Западе, то ничего нового не будет — вы там не найдете никаких союзников, никогда. Запад, который некоторые представители вашей интеллигенции так любят, вас не любит. Это очевидно, вас не любят, потому что не в их интересах вас любить...

Вот это фундаментальные идеи, которые я хотел бы вам передать. Нужно новое видение коммуникации. Здесь, как ни парадоксально, вы все еще живете в мире *homo legens*, человека читающего... а они уже давно живут в мире *homo videns*, человека, который видит. Это совершенно другая вещь, новая структура: антропологически новый человек, который создался за последние 50 лет, — это человек *videns*, видящий, и в будущем он станет доминирующим. Защитить язык — русский, или итальянский, или французский — значит, переходить к новому представлению о коммуникации. Спасибо.

Владимир Мамонтов, журналист, президент редакции газеты «Известия»

Русский человек за рубежом: что изменилось со времен Тургенева?

Во-первых, я хотел бы поблагодарить университет и всех присутствующих за честь и возможность выступить у вас. Я прокомментирую заявленную тему выступления и расскажу, почему Тургенев. Это как обычно бывает: как-нибудь так цепляется в голове одно за другое, и я подумал, что меня сейчас волнует лично как журналиста. Вот об этом я и буду говорить...

Я сейчас очень много летаю, и для того, чтобы в процессе перелетов не скучать, я скачал на телефон такое интересное приложение для iPhone: «1900 книг. Классика русской литературы». Есть малоизвестные русские классики, как выяснилось, для меня это было новостью... Я стал читать в перелетах, вместо того чтобы бессмысленно спать или играть в игры, и наткнулся на просто блистательные тургеневские оценки, перечитал в первую очередь именно его — как тогдашние люди и тогдашнее поколение, либералы и государственники, относились к России, к тому, что в ней происходит, к реформам, к еще каким-то очень важным вещам. Если вы возьмете на себя труд это перечитать, то вы обратите внимание на такую странную особенность: в общем-то, мало что изменилось. Подтверждается старинная, не мной, разумеется, придуманная история о том, что за десять лет в России может перевернуться с ног на голову все, а за сто — ничего. Абсолютно интересная, абсолютно справедливая, если почитать Тургенева, вещь.

Я приведу вам просто маленькую цитатку, которая мне представляется очень важной. Это из «Дыма», история в том, что герой, как здесь написано, из чиновника переходит в помещики и становится на новую, европейскую колею, тому способствует его супруга. И вот что с ним происходит (я думаю, мы узнаем кое-что в этой цитате): «По ее милости он стал и одеваться опрятно, и держаться прилично, и браниться бросил; стал уважать ученых и ученость, хотя, конечно, ни одной книги в руки не брал, и всячески старался не уронить себя: даже ходить стал тише и говорил расслабленным голосом, все больше о предметах возвышенных, что ему стоило трудов немалых. "Эх! Взят бы да выпорол!" — думал он иногда про себя, а вслух произносил: "Да, да, это... конечно; это вопрос"». И далее: «Дом свой мать Литвинова тоже поставила на европейскую ногу; слугам говорила "вы" и никому не позволяла за обедом наедаться до сопения. Что же касается до имения, ей принадлежавшего, то ни она сама, ни муж ее ничего с ним сделать не

сумели: оно было давно запущено...» — ну и так далее... Эта любовь к каким-то вещам, как бы обустроить себя под европейцев — это пере-
нимается легко, а вот внутренние переустройства даются тяжело. Большой вопрос: а нужно ли это переустройство? Или великое счастье заключается в том, в парадоксальном смысле, что папа господина Литвинова все-таки полагает: «А не выпороть ли?» Может быть, сначала имение обустроить, а потом — полюбить кого-то еще там, за рубежом? Всегда был этот огромный зазор, и всегда было какое-то огромное внутреннее познание...

Если же вернуться к тому, что происходит с нашим человеком, когда он все-таки оказывается там со своим русским языком, со своими представлениями, как он пытается там жить... Буквально вчера мы встречались с собкором одного из изданий. Она не тургеневская девушка, безусловно, она не Джема какая-нибудь и даже не Полозова из «Вешних вод», но мы поговорили очень интересно. Она четыре года прожила в США. Она страшно любит США... страшно любила США, она мечтала долго-долго, она грезилась Англией, грезилась Америкой... она вообще не любит Россию, ей все здесь противно, все какие-то не те, неправильные, неевропейские. Знаете, что она мне сказала? Она мне сказала: «Я не люблю Россию, эту страну... Но я четыре года прожила в Америке, и ведь она мне не помогла, — говорит она с некоторым таким наивным, я бы даже сказал, изумлением, даже удивительным для нее изумлением. — Ну что ж, буду здесь... как субстрат в проруби». И все равно какая-то вот эта вчерашняя любовь в ней присутствует, она в ней существует.

Почему я об этом вспомнил? Она довольно хорошо пишет и говорит по-русски, но в каждую секунду, если есть такая возможность заменить русское слово любимым ей словом из другого языка, она это делает. Ей кажется, что вот так она, как отец Литвинова, внешне приближается к «европейскости», к чему-то западному, и она даже не замечает этого. Это уже вошло, влилось ей в определенный участок мозга, она таким образом мыслит. Для противоположного примера у меня есть тоже хорошая знакомая, мы с ней очень долго работали. Она по воле случая оказалась за рубежом, так вот, она — наоборот: писать на русском языке, сидя в Европе, возможность печататься и говорить по-русски для нее является огромной отдушиной в жизни. У меня есть такое предположение, что первая моя знакомая отлично знает английский язык и всегда хотела, как та Дунька, в Европу, а вторая моя знакомая плохо знает английский язык и почти не знает других языков — и никогда туда не хотела, ей всегда здесь хорошо жилось и все нравилось.

Мое выступление носило характер сбивчивых замечаний, но у нас еще предусмотрены две дискуссии, поэтому те вопросы, которые я сейчас затронул, я с удовольствием для себя и, возможно, с каким-то интересом для вас развил бы еще потом, в ходе этих наших общих слушаний. Спасибо за долготерпение.

Сурен Золян, д-р филол. наук, профессор, член комитета экспертов Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств

Русский язык и единое пространство высшего образования

Я хотел бы продолжить разговор на тему, о которой я имел честь говорить здесь в апреле этого года. Это «Русский язык и культурно-цивилизационное пространство СНГ». Естественно, язык — один из самых главных факторов форматирования этого пространства, пространства образования, в частности высшего образования. Это очень важно, поскольку именно высшее образование решает проблемы будущего.

Переиначивая слова Пушкина, можно сказать: «Две темы дивно близки нам, в них обретает сердце пищу...» Это, с одной стороны, тема русского языка, с другой — высшего образования, единого образовательного пространства. К сожалению, эти темы никак не связаны между собой, и вначале мне придется говорить о русском языке, а потом об образовании.

Сейчас отмечается своеобразный юбилей решения о концепции формирования единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств, которое было принято еще в 1997 году, 15 лет назад, однако фанфар что-то не слышно... В 2001 году закончились все ратификации и была утверждена окончательная программа реализации. На самом же деле в 1997 году была уже запоздалая попытка сохранить то, что существовало, — а оно существовало, это единое образовательное пространство, и нужно было его развивать, а не изобретать новое. Но развитие пошло по совершенно другому пути.

Если мы рассуждаем о каком-то информационном базисе, то при всей важности экономических и политических факторов необходимо говорить о культурно-цивилизационном пространстве. А культурно-цивилизационное пространство невозможно без языка и культуры. Но при этом забывается, что язык и культура не даны сами собой, они не то что генетически приобретаются — им надо обучать, даже родному

языку. Естественно, язык и культура понимаются как система выразительных форм для выражения ценностей и смыслов, и, безусловно, необходимо думать, а что же представляют вот эти ценности, о которых было тут сказано, и что представляют собой эти смыслы?

Функционирование языка определяется тем, какую реальную работу он выполняет. На пространстве СНГ русский язык играет особую роль: он остается носителем или, как минимум, транслятором тех смыслов, которые взаимопонятны для всех, кто принадлежит к пространству не только бывшего Советского Союза, но и Восточной Европы. Это идет еще со времен Российской империи. Я хочу подчеркнуть, что если, например, армянин и грузин говорят между собой на русском языке, то это происходит не для того, чтобы сделать приятное русскому человеку, — действительно, это наиболее адекватная форма коммуникации, где мы можем лучше понять друг друга. Безусловно, русский язык в этом отношении важен не только как родной для проживающих вне России соотечественников, хотя программы поддержки русского языка направлены в первую очередь на них.

Продолжая аналогию между языком и культурой и местом в образовании, хочу напомнить, что обучение родному языку уже на начальном этапе дополняется изучением других языков — языков меньшинств и иностранных. В современном мире признано, что знания одного языка недостаточно, потому что многоканальность информации и сложность ее структурируемости требует различных каналов коммуникации. И именно различие языков, многоязычие помогают понять язык, понять мир в его сложности.

Язык — это основа идентичности. И поэтому здесь даже не должен стоять вопрос: «А зачем это надо?» Что касается других функций, то мы рассматриваем язык как средство коммуникации, как инструмент хранения и создания информации, и, естественно, приходим к выводу, что наряду с многоязычными и культурными идентичностями, кроме национальной и этнической, возникает и многоязычная идентичность, которая может быть только результатом образования.

Теперь несколько слов о том, сколько людей владеют русским языком. Сейчас это 280 миллионов, причем постепенно увеличивается доля владеющих русским языком за пределами СНГ, людей, для которых он является и языком иностранным. Это положительный факт: значит, русский язык востребован. Сегодня для примерно 120 миллионов человек русский язык — второй или иностранный, 140 миллионов — это те, для кого русский язык родной. Причем даже в самой России

для более 12 % населения русский язык не является родным. Ситуация в Армении в этом смысле показательна, потому что русская община, которая возникла во времена Николая I, здесь никогда не была многочисленной — это всего 23 русских селения. Функционирование русского языка в Армении обеспечивает большинство, 85 % населения, которое считает родным языком армянский, а не те 13 %, которые считают русский язык родным. То есть роль русского языка в данном случае обусловлена не этническим, а культурно-цивилизационным фактором.

В странах СНГ и Балтии русский язык изучают 12 миллионов, в дальнем зарубежье — почти два миллиона человек, причем за пределами СНГ он изучается в основном в университетах и на курсах. Университеты предопределяют отсутствие будущего или его наличие, и, безусловно, необходимо не копирование форм, которые существовали в Советском Союзе, причем они были достаточно неудачными, а создание новых, которых, к сожалению, мы пока не видим.

Очень интересны исследования тех, кто сегодня заинтересован в дистанционном обучении. Они показывают, какой огромный ресурс развития русского языка существует в странах СНГ. Кто же в этом заинтересован? Это лица 20—27 лет, причем люди с высшим образованием, а также аспиранты. Вот дистанционное образование, вот для чего нужен русский язык, это востребовано... Но все это нуждается в государственной и межгосударственной поддержке. В первую очередь, это качественные учебные программы. Пусть на прекрасном русском языке написаны прекрасные учебные программы, но если они не интересуют будущего или уже состоявшегося специалиста, то эти программы окажутся невостребованными. Значит, для создания конкурентоспособной среды необходимо помогать вузам, потому что сегодня это кооперация по преимуществу межвузовская, она держится только за счет энтузиазма, межгосударственной поддержки очень мало. Очень важны обмены, стимулирование вузов, которые создают инновационные программы, совместные академические проекты, важны ресурсные центры, где учебные программы будут, естественно, переводиться на русский язык, чтобы они были доступны студентам. В странах СНГ, которые готовы предоставлять образование на русском языке, существует огромный ресурс, но для него нет соответствующей поддержки, и, соответственно, вузы переходят на английский язык.

Благодарю вас за внимание.

Олег Клиг, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Литература – хранитель и ретранслятор культурного кода России

Сейчас закончилась эпоха литературоцентричности – не только в России и бывшем Советском Союзе, но и во всем мире. Наша кафедра теории литературы довольно давно занимается такой темой: «Художественный текст и культурная память». Почему возникла необходимость в этой теме? Несмотря на то, что вроде бы сегодня литература переживает кризисное состояние, надо сказать, что это происходит не впервые, это не сиюминутный фрагмент в развитии мировой культуры. Вся история мировой культуры – это эпоха взлетов и кризисов, и такие взлеты и кризисы знает не только та или иная литература, но и каждый художник, поэт на протяжении своего поэтического развития. Тем не менее литература создавала очень прочные механизмы сохранения культурной памяти.

Например, возьмем такую категорию, как жанр. Уже давно М. М. Бахтин ввел понятие «память жанра», и действительно, мы знаем, что на протяжении разных этапов развития мировой культуры функция жанра осуществлялась по-разному: были эпохи, когда категория жанра выдвигалась на первый план, и эпохи, когда она была совсем не актуальна. Главным для поэта, писателя является стремление к новизне, но как бы ни обновлялась жанровая палитра современной литературы, в глубине память жанра остается в чем-то неизменной и оказывает довольно большое влияние на писателей, которые, может быть, и не получили филологического образования, не владеют теоретическим представлением о жанрах. Эта память жанра во многом предопределяет, например, становление и развитие современного романа. То же самое можно сказать о категориях сюжета и фабулы. Да, сегодня, как правило, доминируют бессюжетные романы, когда функцию сюжета берет на себя композиция, но и в таком произведении, где, казалось бы, нет сюжетного элемента и его роль играет композиция, тем не менее остается эта вот традиционная роль сюжетосложения, архитектоники.

Или если мы, например, обратимся к стилизации, то стилизация – тоже один из механизмов сохранения культурной памяти. Мы знаем, что в пушкинскую эпоху была высокая культура стилизации, сам Пушкин создал немало произведений, где он имитирует других, – например, стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...», в кото-

ром Пушкин одним из первых в России обращается к поэзии трубадуров, к средневековой поэзии. Это проявилось и в «Маленьких трагедиях», и в других произведениях. Затем наступила эпоха (как, например, считал В. Брюсов), когда культура стилизации была утрачена, но она возродилась в начале XX века, в эпоху Серебряного века, и находит продолжение в современных литературных произведениях.

Если мы говорим о современном состоянии культуры, то я хочу обратить внимание, что появились понятия «культурный геном», «культурная эволюция». Есть даже такая точка зрения, казалось бы, в корне вступающая в противоречие с реальностью, что если биологическая и иная эволюция закончилась, то на антропологическом уровне сегодня видны какие-то изменения в плане культурной эволюции. Безусловно, это вступает в конфликт с ощущением культурного апокалипсиса, в котором мы существуем. И вот эта антиномия — культурная эволюция, культурный геном и культурный апокалипсис — во многом определяет состояние современной литературы и культуры. Мне кажется, что не так все трагично: всегда в противостоянии двух этих начал, того, что условно можно назвать Хаос и Гармония, происходит становление нового.

Конечно, сегодняшние журналы — их роль в обществе заметно отличается от прежней (я имею в виду так называемые толстые журналы, как их понимал еще Белинский), отличается от того, что было в эпоху перестройки, когда журналы выходили миллионными тиражами. Но если мы вспомним прошлое, то настоящая культура — это не та, которая востребована массами и называется «массовой культурой». Культура всегда была довольно элитарным, штучным явлением, даже в эпоху Пушкина... На самом деле время расставляет все на свои места, и мы порой не очень высоко ценим современную литературу, потому что всегда очень трудно приглядеться к тому, что происходит в данный момент; но вот здесь-то и вступает — а может быть, наоборот, проявляется — сила механизмов культурной памяти и литературы.

Довольно устойчива точка зрения, что не только литература не востребована, но и функция пророчества, которая была у русской литературы, иссякла. Даже если допустить, что не будет гениев (хотя это не так), а останутся только мастеровые средней руки, мне кажется, сама литература, веками создавая механизмы памяти, обеспечила то, что будет очередной период (как это было во время кризиса реализма, когда господствовали русские последователи Золя), будет очередной взлет. В самой литературе, на уровне текста, все останется, эта культурная память никуда не исчезнет и предопределит новый виток развития литературы и мировой культуры. Спасибо за внимание.

Наталья Кулибина, д-р пед. наук, профессор, декан факультета повышения квалификации Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Уроки чтения как возможность сохранения духовного наследия России

Дорогие коллеги, прежде чем начать выступление, я не могу не ответить на те упреки, которые были высказаны в сегодняшних выступлениях. Несколько лет тому назад, когда в России проходил Год русского языка, очень часто по телевидению проводились разные ток-шоу, их главной темой было: «Нужно ли спасать русский язык?» Я уже не помню, на каком канале, в рамках одного из таких шоу было сказано очень правильно, я люблю повторять эту фразу: «Не надо его спасать и не надо его защищать. Русский язык нужно любить, изучать, преподавать». И вот с этим я абсолютно согласна.

Очень много говорится о потенциях русского слова, да и вообще любого слова как хранителя информации; я не буду в этом повторяться и отмечу только, что, как правило, речь идет только о слове говорящего или пишущего. Юрий Михайлович Лотман называл слово, прежде всего слово художественное, самым экономным и компактным способом хранения и передачи информации. И конечно, русское слово хранит русский культурный код и духовный генофонд, вообще все культурное достояние России. Но для того чтобы эта информация, так экономно и компактно упакованная в русском художественном слове, стала знанием, освоенным читающим, необходимо приложить определенные усилия, подчас усилия немалые, и подключить к этому написанному слову свой ум, свою душу, впустить его в свой духовный мир, а тем самым впустить в свой мир другого, написавшего это слово. И вот здесь возникают проблемы.

Привычными стали стенания по поводу того, что наши дети не читают классику. Поскольку я работаю на факультете повышения квалификации, то имею возможность общаться с преподавателями русского языка из разных стран. И во всем мире дети не читают классику, не читают художественную литературу. Но есть и другой сигнал. Дмитрий Быков, наш известный журналист, одну из своих недавних статей начал так: «Сограждане, мы с литературой! Но без читателя. Мы дожили, господа, до удивительных времен. Прежде наше нежелание читать — столь массовое у подростков, но встречающееся и у зрелой публики — можно было объяснить отсутствием приличной литера-

туры. <...> В 2009 году нас можно поздравить с прозой. Хорошей и разной, современной, реалистической, тиражной, актуальной, качественно изданной, чуткой к новым веяниям. <...> Читаем мы ее? Дудки».

Так вот, почему же не читаем? Потому что не умеем, потому что не научили... Потому что выросло уже не одно поколение, которое владеет только техникой чтения, но не искусством чтения, о котором писали наши великие отечественные филологи Лев Владимирович Щерба, Григорий Осипович Винокур, Дмитрий Сергеевич Лихачев и Сергей Сергеевич Аверинцев. А без навыков искусства чтения читателю недоступна вся та информация, которую хранит русское слово. Наша история, наша культура, традиции, знаковые факты и имена, система ценностей — все это остается вне нас, нечитателей. Но не уничтожается, потому что это не может исчезнуть. Оно просто сдается в музей, хранится, но не используется. А духовное достояние нации не должно храниться — оно должно использоваться, должно жить. И именно художественное слово, художественная литература — это то, что принадлежит нам, и то, что может быть в нас. Нужно только научиться читать. Особую роль получает здесь та наука, к которой принадлежит большая часть присутствующих здесь, я так думаю, а именно филология. Знаете, как называл филологию С. С. Аверинцев? Службой понимания, которая помогает человеку в выполнении его главной человеческой задачи — понять другого.

Благодарю за внимание.

Виктор Молчановский, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе и инновационным проектам Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Учебник русского языка как иностранного в ряду средств формирования образа России

Среди тех, в чьем сознании формируется образ России, русского языка, русской культуры, много людей, которые специально этим занимаются, изучая язык. И этот образ России, и представление о России у всех разные. Нельзя говорить, что оно или очень отрицательное, или очень положительное...

Надо отметить, что мы в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина не испытываем недостатка в желающих изучать русский язык. Ежегодно к нам поступают до двух тысяч человек. В какой-то период, когда в стране был общий кризис, к нам просто боялись ехать: тут все взрывалось и ничего не продавалось... А сейчас желающих изучать русский язык много, и это говорит о существую-

щем интересе. Изменился контингент учащихся, изменились приоритеты, но желание изучать русский язык сохраняется.

Одним из каналов, средств формирования образа России, русской культуры, русского языка являются учебники. Это совершенно естественно, и в свое время именно у нас в институте возник такой методический и научный аспект, который назывался лингвострановедение, в числе его основателей были Виталий Григорьевич Костомаров вместе с профессором Евгением Михайловичем Верещагиным. С самого начала формирования нашей отечественной методики преподавания русского языка как иностранного проблема соизучения культур в процессе изучения языка была на одном из первых мест. Нас обвиняли в том, что это аспект, который политизирует, идеологизирует процесс обучения языку; и для того, чтобы совсем уж дистанцироваться от этого, методику называли лингвокультурология, лингвокультуроведение.

А одна из самых актуальных, самых интересных проблем — это история нескольких столетий формирования образа России в учебниках, причем не только по русскому языку, но в первую очередь по географии и истории. Естественно, результат формирования этого образа различался в зависимости от того, где создан учебник: на родине учащегося, за границей, или у нас в России. Наша коллега из Италии Рафаэлла Романьоли проанализировала учебники для средней и высшей школы и сделала такие выводы: во-первых, информация о России представляется преимущественно, если не исключительно, в западноевропейском контексте, во-вторых, она чаще всего сосредоточена во-круг событий не столько российской, до 1917 года, сколько советской истории. Последнее концентрирует внимание учащихся на факте противостояния Советского Союза и Западной Европы, что объективно способно негативно влиять на представления учащихся о современной России и ее народе.

Об участии школьных учебников по географии XVIII—XX веков в формировании образа русских людей в датском менталитете остроумно и детально заметил профессор Петер Ульф Мёллер. Приведу цитату: «Образ русских, во всяком случае каким он представлялся в учебниках географии, вплоть до 1960 года базировался на небольшом и неизменном запасе весьма скромных добродетелей и серьезных пороков, давно утвердившемся в записках западных путешественников. К счастью, этот образ — далеко не полная картина». Очевидно, что в этой ситуации мог сложиться устойчивый негативный культурный стереотип. В формировании этого стереотипа некоторую роль играет смешение, как бы соединение понятий до 1991 года: «русский» и «со-

ветский». «Советский», вне зависимости от того, из какой республики или части нашего государства приезжал человек, все равно воспринимался как «русский» и назывался «русским». Теперь происходит то же самое: «русский» и «российский», полная идентификация. Вот впечатление одного из наших соотечественников, который уехал на Запад: «Нетрудно видеть, что словом "Раша" покрывается все, и один коллега всю чернуху, которую показывают по ТВ и в газетах печатают, вылил на меня разом: Россия — нищая страна, дети голодные, женщины — проститутки, мужчины — алкоголики, кругом все воруют. Каждый раз он приносит мне статьи о России, тыкая мне при всех в них и громко рассказывая мне об этих русских. Тут мне и за "новых европейцев" достается заодно. Коллеги не вмешиваются, но я вижу, что они одобрительно относятся к его высказываниям».

Можно долго продолжать, потому что тема очень обширная; конечно, есть разные каналы: учебники, СМИ, телевидение, сейчас еще Интернет. Недавно одна наша коллега, бывшая соотечественница, Ирина Толстикова-Маккей, которая живет в США, защищала у нас диссертацию о метафорах в русскоязычной прессе — казалось бы, глубоко академическая проблема. Она анализировала русскоязычную прессу в Америке и сделала вывод, что в основном с помощью метафор формируется если не остро негативный, то во всяком случае отрицательный образ. Но если сравнить это с нашей прессой, то оказывается, что через использование метафор создается образ гораздо более негативный в сравнении с даже прессой эмигрантской.

И вот в связи с этим хочу несколько отойти от своего основного вопроса, чтобы также откликнуться на прозвучавшие высказывания и обвинения. Были у нас «оборотни в погонах», были «оборотни с указкой в руках», в свое время в белых халатах тоже были вредители, это мы еще не забыли; теперь вот учителя, которым вместо премии в пору наручники надевать и отправлять в места не столь отдаленные за то, что они так безразличны и равнодушны к судьбам языка за ту зарплату, которую им положили. Так вот, я считаю, что со стороны людей, равнодушных к культуре и языку, восклицания о том, что русский язык гибнет, — это не более чем кликушество. Восклицания со стороны политиков, совершенно бескорыстных и неподкупных, и особенно со стороны журналистов, которые, как известно, в нашей стране тоже совершенно независимы даже в независимых изданиях и поэтому уж абсолютно никакой ответственности не несут за судьбу русского языка, — а вот остались только эти купленные лингвисты в Академии наук, которые ходят неизвестно зачем на работу, вот они-то русский язык всячески портят. И на «Эхе Москвы», и в других средствах массовой информации активно говорят о засилье иностранных слов, хотя

более трех фраз, не используя иностранных слов, сформулировать не могут... Можно говорить о том, что не гибнет, а резко снижается до безобразного состояния общая культура, культура речи, культура использования языка. И даже если лингвисты, эти вредители в академических шапочках, будут на каждого нарушителя неких неустановленных норм по количеству использования лексики, неприятной для слуха, надевать наручники, то, я думаю, положение не исправится.

Вот, скажем, один блюститель и ревнитель русского языка, очень активный, очень темпераментный политический деятель, приходил к нам в институт и тоже агитировал нас за то, чтобы мы «не были равнодушны», предлагал поступить по примеру Шишкова 200-летней давности, который тоже «мокроступы» хотел ввести вместо «калош», но не получилось ничего... Так вот, он, Владимир Вольфович Жириновский, говорил о безобразном количестве иноязычных заимствований, о том, что надо с этим бороться и устанавливать законодательные меры. Он много примеров приводил, но один мне больше всего запомнился: «парикмахерская» — не потому, что это иностранное слово, а потому, что трудно этому слову детей учить; он предложил перевести это, по-моему, как «стригальня», а парикмахер кто? — «стрижак»! Только вот такого рода преобразования язык не примет, а самым большим нарушителем норм, традиций, языкового вкуса в начале XIX века был... Пушкин! Он до какого-то известного возраста и по-русски-то не говорил... Так вот, Пушкин писал Погодину: «Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности... Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. (Как будто о нашем времени пишет, не двести лет назад!) Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, соответственно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность».

Спасибо за внимание.

Юрий Доманский, д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета

Серийность в условиях глобализации: постановка проблемы

Я в своем выступлении буду говорить о серийности, это постановка проблемы. По Умберто Эко, серийность прежде всего соотносится с культурой, с литературой; Эко отмечает, что открытое произведение провоцирует серийность. Первый же художественный текст, который здесь приходит на ум, — это «Евгений Онегин» Пушкина: вот пример

произведения, которое потенциально не завершено и потенциально провоцирует серийность. (Хотя не только потенциально, мы знаем, что были и продолжения.) Второй пример, который сразу же встает за «Евгением Онегиным», — это «Мертвые души», которые не завершены по понятным причинам и тоже вполне могут провоцировать серийные продолжения. А когда я попытался найти третий, четвертый, пятый примеры, я понял, что практически вся русская классика провоцирует такую серийность. Но эта серийность оказывается по большей части не востребована рынком, если исключить эксперименты рубежа 1980—1990-х годов, когда стали писать продолжения классических продолжений, совершенно непопулярные...

Мне представляется, что сегодня имеет смысл говорить о нашем мие и его серийности в несколько ином плане. Прежде всего, это серийность в сфере книгоиздательства. Она уже довольно давно показала, что серии коммерчески успешнее, нежели отдельные издания. Можно вспомнить советские времена: серии «Классики и современники», «Всемирная литература», можно вспомнить еще более популярные серии фантастики, приключений и более авторитетные — «Литературные памятники», «Библиотека поэта». (Сейчас эта тяга к серийности реализуется, как мне кажется, не только в книжных изданиях — обратите внимание на наши киоски печати и посмотрите, сколько там серийных журналов! И у всех них есть референтные группы, эти журналы покупают и дети, и взрослые люди.) В современном книгоиздании я хочу отметить по крайней мере три серии, уже много лет активно продающиеся на нашем рынке, несмотря на общий кризис книгоиздательства, — это серия «Азбука-Классика», это «оранжевая» серия западной (прежде всего экстремистской — в хорошем смысле экстремистской) литературы, и это черно-оранжевая серия, сравнительно недавняя, издательства «Эксмо».

Перейдем теперь к культуре более массовой. Взять, к примеру, так называемые ситкомы, я имею в виду корневые проекты, такие как «Женаты... с детьми», «Моя прекрасная няня», «Папины дочки» и иже с ними. Сама технология создания этих проектов заключается в том, что берется общий сюжет, выработанный на американском телевидении, а потом он подгоняется под ту или иную национальную почву. Все эти проекты существуют, они легко узнаются и, в общем-то, смотрятся как вполне родные, потому что мы уже к ним привыкли. Еще одна серийность подобного рода — это фастфуд, прежде всего, конечно, «Макдоналдс» — безусловно, серийный проект в условиях глобализации. Я напомним, что когда у нас в стране появились первые «Макдоналдсы», то кое-где они пытались как-то формировать национальную

или городскую идентичность. Например, в Казани первый «Макдоналдс» был оформлен фотографиями старой Казани, то же самое я наблюдал в Петербурге; но потом постепенно «Макдоналдсы» были унифицированы. Почему это происходит? Потому что, наверное, как раз «Макдоналдс» и является тем видом сериальной продукции, который должен не быть национально-идентичным, который должен быть принципиально глобальным, чтобы человек, приехав в любую страну, мог увидеть знакомую надпись, зайти туда и чувствовать себя абсолютно как дома.

Конечно, отдельно стоит вопрос о серийности в кинематографе. Когда отечественный кинематограф пытается выехать на такой серийности, в подавляющем большинстве случаев он, конечно, терпит неудачу. Я имею в виду попытки создания сиквелов и ремейков популярной советской классики 1960–1970-х годов: и «Ирония судьбы», и «Джентльмены удачи», и «Кавказская пленница», и «Служебный роман» — не было ни одного примера не только хоть сколько-нибудь подобного оригиналу, но хотя бы просто хорошего фильма, который можно было бы с интересом смотреть. И совсем иная ситуация с серийными проектами, идущими из Соединенных Штатов, — прежде всего, это серийные проекты для подростков, но по понятным причинам эту продукцию с радостью потребляют не только они, но и подростки повзрослевшие, и маленькие дети, и люди совсем уже взрослые. Это не просто серийные проекты — это проекты, которые формируют целые культы фильмов и книг, причем это серийность полиавторского свойства. Здесь можно вспомнить, например, и «Властелина колец», и «Хроники Нарнии», и особенно, наверное, «Звездные войны» и «Пираты Карибского моря». Продолжений этих проектов, безусловно, ждут, к ним готовятся, создаются специальные группы и в сети, и вне ее. Вспомните, как еще полгода назад все поклонники фильма десятилетней давности вновь пошли в кинотеатры на «Титаник» в 3D, и вовсе не из-за того, что фильм демонстрировался в 3D, а из-за того, что это — определенный культ, культ серийности. Достаточно пройтись в Лос-Анджелесе по Голливудскому бульвару, чтобы увидеть, что там в основном, помимо туристов, собираются как раз продукты серийного кинематографа: там можно встретить и Спайдермена, и Супермена, и Бэтмена, и всех прочих -менов — и Икс, и Блэк... Апогей такой «культовости» — это, конечно же, «Гарри Поттер». Вроде бы проект завершен, книги написаны, фильмы сняты; но достаточно погулять по Интернету, чтобы увидеть, как, где и каким образом этот проект продолжается — в разного рода школах, студиях, мастер-классах и прочих элементах нашего серийного мышления.

На мой взгляд, сегодня серийность — это знак общего языка людей всего мира. Моду здесь, конечно, задает англоязычная культура, но мне кажется, что это совершенно непринципиально, просто на сегодняшний день она ведущая и лучшая в мире. Русская культура в этих условиях как раз должна доказывать свою состоятельность — как, впрочем, и другие культуры мира. А в условиях глобализации доказывать свое право на культурную идентичность приходится именно через конкурентоспособность с серийными проектами Соединенных Штатов. Если же не получается реализоваться в плане серийности, значит, надо искать какие-то свои ходы, создавая что-то приличное для своего внутреннего рынка, самим искать себя на иных нивах. Благодарю вас.

Наталья Бабенко, д-р филол. наук, профессор кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта

«Школа русского рассказа»: интегративные формы обучения русскому языку

Уважаемые коллеги, хочу высказать свои соображения по всем тем проблемам, которые здесь сегодня были подняты. Конечно же, конечно же, дело плохо. «Дело хорошо», — говорят лингвисты и методисты. «Дело плохо», — говорю я, лингвист, русист; но что именно плохо и как именно плохо?

Все дело в том, что все наши публичные люди (я имею в виду публичность — начиная от учителя и заканчивая президентом, естественно, включая всех журналистов и прочих публичных людей) обладают достаточно высоким образовательным цензом. Я уж не говорю о том, что среднее образование у нас всеобщее, у нас и высшее почти всеобщее... И что требуется в настоящий момент для того, чтобы понять: «искра» или «искра́», когда «надеть», когда «одеть», «играть значение» или «иметь роль», — что для этого нужно? Для этого нужны какие-то титанические усилия профессионалов-лингвистов? Ничего подобного. Для этого нужна внутренняя цензура, внутренняя цензура. Нужна сугубо личная ответственность. Надо знать — а я думаю, все это знают, — что эти самые лингвисты, которые должны действительно стоять на страже красот нашего языка и его сокровищ, что эти лингвисты написали массу словарей, массу справочников, массу очень тяжелых академических трудов и массу карманных пособий, которые всем доступны. Нужно знать, что есть многие сайты, посвященные именно этим проблемам... Нужно быть заинтересованным в своем личном речевом здоровье.

Сейчас так много говорят о здоровом образе жизни. Если у человека какие-то жуткие рези, боли, он идет к специалисту, потому что самолечение исключено. А если человек не знает, где поставить ударение?.. Меня всегда удивляли такого рода передачи, когда пишут в Москву письмо: «Как поставить ударение в таком-то слове?» Ну что ж ты пишешь письмо в Москву, потом ждешь полгода — то ли ответят на это письмо, то ли нет, — когда рядом книжная полка? Сними словарь и посмотри, как надо ставить ударение в этом слове! Вот что требуется — требуется внутренняя речевая цензура. Это первое.

Второе. Требуется внешняя речевая цензура, я в этом совершенно убеждена, в том случае, когда речь идет о СМИ, печатных или электронных — все равно. Я имею в виду цензуру не идеологическую, вы сами понимаете, а сугубо речевую. То время, когда дикторы сменились «модераторами», было временем такой раскованности, такой свободы! И эта свобода, оказалось, была предоставлена тем, кто не владеет нормативным литературным русским языком, а соответственно, в речевом отношении крайне... дефектен, в каком-то смысле. И так продолжается до сих пор. Авторитетные источники речи рухнули. Мы это понимаем, мы это осознаем; и мы считаем, что в этом смысле мы свою функцию выполняем, потому что говорим об этом при каждом удобном случае... Но ведь совершенно понятно, что дальше стен этой аудитории, к сожалению, ничего не пойдет. И мы здесь ничего не сможем изменить.

Итак, речевая цензура внутренняя и внешняя. Если бы мы это сделали, ситуация бы изменилась и речевые недуги, которые, безусловно, у нас есть, ушли бы. Ну и, конечно, я абсолютно солидарна с Виктором Васильевичем Молчановским в том, что заставить измениться что-то в языковой системе или даже в актуальном словаре практически невозможно. Это просто надо знать, это полезное знание. Если в первой четверти XIX века Грибоедов осуждал смесь французского с нижегородским, если в середине XX века академик Филин осуждал ростово-американский сленг, а в начале века XXI говорят о провинциальном говоре и смеси его с иностранщиной, о том, что это безобразно, то все-таки надо думать об объективности процесса! Конечно же, Солженицын не профессиональный филолог, его словарь расширения русского языка — попытка очень интересная, но для филологов и совершенно бесперспективная с точки зрения обогащения языка. То, что сейчас предлагает Михаил Эпштейн в своем очень мощном интернет-проекте, тоже очень интересно рассмотреть, проанализировать с филологической

точки зрения, но бесперспективно думать, что эти слова хлынут в русский язык и обогатят его. Так что будем действительно надеяться на то сито лексическое, которое будет работать, благодаря которому какие-то слова останутся, какие-то уйдут.

Теперь еще немного о любви, если позволите, и о Тургеневе. Что касается любви, то любим ли мы Запад? И что значит любить Запад? Я не готова любить Запад в политическом или экономическом отношении, я не умею этого делать; но не ценить западную культуру, которая бессмертна, как культура вообще, невозможно, даже при всем том, что, предположим, Запад нас не любит. Вот мы по возможности активно имеем дело с нашими соседями: Польша, Латвия, Литва... Я ни разу не заметила от них неприязни, если мы говорим о русской культуре, если мы говорим о русской литературе — и в ее классическом, и в современном изводе. Интерес есть, безусловно.

Мы в Балтийском федеральном университете им. И. Канта создаем электронный образовательный ресурс «Школа русского рассказа», в котором представлено сто рассказов русских писателей начиная от Тургенева и заканчивая самыми современными авторами. В этом электронном ресурсе мы пошли по интегративному пути — не потому, что он сегодня моден, но потому, что мы видим как раз в этом залог разностороннего культурного знакомства с Россией. Здесь представлены, во-первых, тексты самих рассказов, конечно же, сопровождающиеся словарями, культурным комментарием, вопросами по содержанию текста, заданиями к этим текстам. Во-вторых, это пособие снабжено аудиозаписью каждого рассказа, и, вы знаете, красивый тембр голоса и культура актерской речи — они тоже воспитывают, тоже знакомят с возможностями русской культуры. В-третьих, здесь представлен очень богатый живописный материал, причем живопись только русская, только наших художников. И если напитать изучающего русский язык всей красотой русского слова, русской живописи, в известной степени даже русского актерского мастерства, красивым звучанием русской речи, если обеспечить такой интегративный подход (а наше пособие призвано сделать именно это), то будут ли тогда любить Россию? То, что ее будут ценить, — это безусловно, потому что красоту ценят все. Это то, что, несомненно, окажет гармонизирующее воздействие на наш такой дисгармоничный мир. Спасибо.

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

...музей языка может стать сильным инструментом в сохранении и воспитании культуры речи, привлечении интереса к родному языку.

Н. Польца

...результаты опроса показывают, что физический и культурологический аспекты стереотипизации россиян главным образом позитивны, а бытовой и политический — отрицательны.

Ю. Ключ

Европейское окружение <Калининградской> области сильно повлияло на ее жителей, они стали отличаться от остальных россиян в бытовой культуре.

Ж. Момот, Р. Сивицки

Наладить диалог прагматический и экономический — это, несомненно, важное дело; но увидеть в соседе интересного, духовно богатого партнера — это для современного педагога задача еще более важная, особенно актуальная в Латвии.

Е. Колесова

Преподаватель становится тем, кто создает общую картину нации преподаваемого языка, его цель — не только научить языковой системе и ее реализации, но и создать позитивное отношение к этносу.

Я. Нылванд

Набоков-преподаватель является интересным феноменом и вызывает размышления относительно того, как учить студента читать русскую классику и как вообще читать литературное произведение.

М. Карвацка

Современный публицистический текст организован так, чтобы привлечь к себе внимание потенциального читателя. Использование специальных способов коммуникативно-динамического членения информации в тексте, выразительного графического оформления вербального ряда обуславливает быструю «пропускную способность» информации.

Ж. Сладкевич

**РУССКИЙ МИР СЕГОДНЯ:
ВЗГЛЯДЫ И МНЕНИЯ**
**Материалы Международного
молодежного гуманитарного форума
«XXI век: русское слово в России и за рубежом»**

В этот раздел журнала вошли материалы докладов и авторских проектов, представленных участниками Международного молодежного гуманитарного форума «XXI век: Русское слово в России и за рубежом» (4–6 октября 2012 года, БФУ им. И. Канта при поддержке фонда «Русский мир»). В работе форума, направленного на построение единого научно-культурного контекста, объединенного осмыслением межнациональной роли и актуального статуса русского слова, установление и поддержание гуманитарных инициатив и научных, образовательных, культурных контактов между представителями гуманитарной мысли в России и за рубежом, а также на популяризацию традиций и новейших достижений российской науки и культуры, приняли участие молодые ученые-русисты, журналисты, магистранты, аспиранты, докторанты из университетов России и стран Балтийского региона (Польша, Литва, Латвия, Эстония), а также ведущие российские и европейские ученые и журналисты.

По прошествии десятилетий радикальных исторических перемен пришло время определить: почему русское слово по-прежнему формирует память культуры на постсоветском пространстве, а интерес к изучению русского языка за рубежом не снижается, а напротив, растет? Существует ли разрыв между гуманитарным знанием в России и тем, как это знание ретранслируется в европейских странах? Как воспринимают Россию и русское слово наши соседи и что нужно сделать для того, чтобы образ нашей страны был позитивным? Как обеспечить конкурентоспособность русскоязычных СМИ и образовательных учреждений в условиях дефицита профессиональных кадров в странах, где русский язык существует и развивается в своеобразном вакууме, в изоляции от естественной речевой среды? Вот лишь самый общий круг вопросов для обсуждения, определивших направления диалога в рамках научно-исследовательских школ под руководством ведущих российских и зарубежных методистов, лингвистов, литературоведов и журналистов («Глоттодидактическая школа», «Школа современной словесности», «Школа культурных дискурсов») и обусловивших многообразие тем, избранных молодыми исследователями для собственных авторских проектов.

Т. Цвигун

Наталья Польца
(Калининград)

ИНТЕРАКТИВНЫЙ МУЗЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ

В последние годы особое внимание уделяется вопросам сохранения и воспитания национальной культуры, в частности – проблемам культуры речи, понимания ценности языка, искусства чтения. Решение именно этих проблем обозначено в виде основных целей музеев национального языка, обретающих все большую популярность во многих странах мира.

К наиболее успешным проектам в этой области следует отнести Музей португальского языка в Сан-Паулу (Бра-

зилия) [3], Интерактивный музей литовского языка при Институте литовского языка в Вильнюсе (Литва) [2], Музей канадского языка [1] и Национальный музей языка в Мэриленде (США) [6]. Несмотря на существенные различия в масштабах, методах подачи материала и в самом контенте, цели, поставленные создателями этих учреждений, практически совпадают и сводятся к следующим базовым задачам:

- повышение интереса к национальному языку;
- представление языка как части национальной культуры, его роли в истории, культуре, обществе и в формировании единой нации;
- популяризация научного изучения языка и знакомство с актуальными исследованиями в области языкознания.

Музеи литовского, канадского языка и Национальный музей языка в Мэриленде родились при научно-исследовательских центрах и развивались в первую очередь под руководством ученых-лингвистов. Возможно, именно поэтому, не имея прочной государственной поддержки, масштабы их деятельности довольно скромны. В этом ключе особенно внимания заслуживает Музей португальского языка, ставший одним из самых крупных, прогрессивных и популярных учреждений культуры в стране.

Музей португальского языка открылся в 2006 году, в работе над его созданием трудились лингвисты, социологи, музееведы, художники. Проект разрабатывался и воплощался в жизнь под патронажем правительства штата Сан-Паулу. Всего на создание музея было выделено 37 млн долларов. Музей занимает три этажа, помимо экспозиционного пространства имеется большой образовательный сектор, лекционные залы, библиотека, книжный магазин [4]. Отдельно следует отметить формат экспозиций: музей широко использует новейшие технологии для интерактивного представления содержания, посетитель музея попадает в самый настоящий «планетарий языка».

Среди интерактивных экспозиций представлены многофункциональная «линия времени», знакомящая с историей португальского языка; «аллея слов» – этимологическая игра, позволяющая «играть» с созданием слова; карта диалектов Бразилии, на которой можно выбрать любую точку и прослушать, как говорят в том или ином регионе страны, и многое другое [5].

Музей в своей деятельности охватывает сферу культуры, науки и образования, он стал одной из самых популярных творческих площадок Сан-Паулу.

Анализируя опыт Сан-Паулу, можно убедиться в том, что музей языка может стать сильным инструментом в сохранении и воспитании культуры речи, привлечении интереса к родному языку.

Возвращаясь к вопросам русского языка, хочется заметить, что его богатство и история, его роль в развитии русской и мировой культуры представляются уникальным материалом для создания разнообразных интерактивных музейных экспозиций, при их создании нужно использовать весь потенциал современных музейных технологий и креативных решений.

Список литературы

1. *Canadian Language Museum [Mission]*. URL: <http://www.language-museum.ca/mission/> (дата обращения: 05.10.2012).

2. *Lietuvių kalbos institutas* [Lituanistikos židinys]. URL: http://www.lki.lt/LKI_LT/index.php?option=com_content&view=article&id=48&Itemid=51 (дата обращения: 05.10.2012).

3. *Museu da Língua Portuguesa*. URL: <http://www.museulinguaportuguesa.org.br/> (дата обращения: 05.10.2012).

4. *Museu da Língua Portuguesa* [Institucional]. URL: <http://www.museulinguaportuguesa.org.br/institucional.php> (дата обращения: 05.10.2012).

5. *Museu da Língua Portuguesa* [Atividades]. URL: <http://www.museulinguaportuguesa.org.br/atividades.php> (дата обращения: 05.10.2012).

6. *National Museum of Language*. URL: <http://www.languagemuseum.org/> (дата обращения: 05.10.2012).

Юлия Ключ
(Вроцлав, Польша)

СТЕРЕОТИП РОССИЯНИНА В ПОЛЬСКИХ СМИ

Стереотип — упрощенное и схематическое представление об определенном явлении [3, s. 171]. Выделим присущие стереотипам качества: познавательно ограниченный характер содержания, генерализация содержания (приписывание отрицательных черт всем членам определенной общности), устойчивость (стереотипы легко подтвердить, но невероятно тяжело опровергнуть), эмоциональный характер содержания (причем обычно эти эмоции являются отрицательными), социальный характер (стереотипы всегда относятся к группам), а также вербальность [4, s. 395].

Как указывает в своей статье выдающийся польский лингвист Е. Бартминьски, считается, что польский образ русского, формирующийся еще с XVI века, чрезвычайно устойчив и при этом довольно негативен. По результатам исследований, проведенных Бартминьским, в этом образе доминируют следующие черты и качества, характерные, по мнению поляков, для русского человека:

- 1) нейтральные: *бедный, сильный, выдержанный, упрямый, любит картошку, самогон и пение;*
- 2) положительные: *гостеприимный, мужественный, открытый, отзывчивый, откровенный, задушевный, дружелюбный, веселый, скромный, правдивый, приятный, покорный;*
- 3) отрицательные: *запуганный, отсталый, примитивный, максималист, пьяница, ограниченный, захватчик, толстокожий и др. [1, s. 269–271].*

Насколько редко в российских СМИ упоминается Польша, настолько в Польше чуть ли не каждый день появляются публицистические новости о России. Эта диспропорция вытекает из-за общественных убеждений, чаще анти-, чем пророссийских, испытавших на себе влияние истории и политики международных отношений Польши и России. Однако нельзя не отметить, что облик россиянина в польских СМИ не отождествляется с обликом самой России. Когда мы говорим об образе России в польских СМИ, в основном имеется в виду представление не о самой стране и ее социально-экономических или культурологических аспектах, а о международной политике России.

В статье на материале польских журналов-еженедельников «Gazeta Polska», «Polityka», «Newsweek», «Przegląd», «Wprost» и «Tygodnik Powszechny» мы рассмотрим примеры того, как современные польские СМИ изображают россиян.

В группе самых частотных характеристик преобладают определения, относящиеся к разным аспектам. Среди них, следуя шкале Е. Бартминьского, целесообразно выделить следующие: 1) психический (к нему относятся черты характера, например: *открытый, высокомерный*); 2) физический (внешний вид: *крепкий, сильный*); 3) социальный (как человек ведет себя в обществе или по отношению к другим, например: *гостеприимный, невоспитанный*); 4) культурологический (например: *любит петь, громко говорит*); 5) бытовой (материальная ситуация, привычки, например: *пьяница, трудолюбивый, ленивый*); 6) политический (например: *сформированный пропагандой, активист, захватчик*) и 7) идеологический (например: *националист, коммунист*).

Вот несколько примеров, иллюстрирующих приведенную шкалу характеристик¹.

«Последний россиянин» (Gazeta polska. 2009. 13 сент.): *Русское общество больно. Смертность мужчин возрастает из-за алкоголизма и беззаботного подхода к здоровью. Беременные женщины не имеют необходимой защиты, а больницы русские почитают местами, опасными для здоровья, которых надо избегать. Грубое поведение мужчин является причиной страха и отсутствия желания обзавестись семьей у женщин².*

В культурологическом аспекте отмечается то, что россиянин не придает значения стилю жизни, его грубость, простота, в бытовом — страх перед будущим (женщины), пьянство (мужчины).

¹ Материалы собраны на основании анализа польской прессы за последние восемь лет. В настоящей статье рассматриваются лишь несколько примеров, которые указывают на стереотипизацию, а часто и стигматизацию «типичного» россиянина польскими СМИ.

² Здесь и далее перевод автора. — Ю. К.

«Пьяная Россия» (Polityka. 2009. 7 сент.): Водка — это неотъемлемая часть русской тождественности, ее благословление и порок. Русские утверждают, что без водки не было бы успехов и побед Петра I, который награждал солдат огромными порциями этого напитка. Водка — это также вездесущий алкоголизм, семейный кризис и причина ранних летальных исходов у мужчин. Это причина социальной апатии — проклятья русского народа.

В бытовом плане отмечено пьянство, в психологическом плане — апатия.

«Вторая капитуляция Берлина» (Wprost. 2008. 21 окт.): Как выглядит типичный россиянин? Его зовут Иван, он воняет водкой, у него татуировки, он низкий и массивный, как танк Т-34. У обычной русской женщины ноги от ушей и макияж всех цветов. Но есть и другие россияне, еще похуже — «гиены туризма», которые тырят лежаки туристов на пляжах всего мира, и те самые страшные — новые русские, которые после банкротства коммунизма нажили миллионы.

В физическом аспекте констатируется грубая, вульгарная внешность, в социальном — нахальство и вороватость, в культурологическом — отсутствие манер.

«Лондонские адвокаты богатеют благодаря русским олигархам» (Newsweek. 2012. 4 сент.): Адвокатские канцелярии отметили 17%-ный рост прибыли по сравнению с предыдущим годом. На обогащение юристов главным образом повлияли судебные споры россиян.

В культурологическом аспекте отмечается легкое отношение к деньгам.

«В России популярна любительская война с педофилией» (Newsweek. 2012. 21 авг.): Тесак сегодня в России чуть ли не звезда. Он посещает телестудии и везде выступает в качестве борца за безопасность детей. А еще 2–3 года тому назад его показывали на телевидении исключительно в записях из судебных заседаний. Его показывали в клетке как самого опасного скинхеда России.

В психологическом аспекте отмечается эмоциональность, в социальном — неделикатность, агрессия, в идеологическом — фанатизм.

К счастью, далеко не все стереотипы о россиянах, которые создаются польскими СМИ, являются негативными, в доказательство чему рассмотрим следующие примеры.

«Россияне уже не пьют по праздникам. Они посещают музеи и спа» (Wprost. 2012. 1 сент.): Уже не актуальны стереотипы, касающиеся русских. В прошлое уходят новые русские, которые швырялись деньгами налево и направо. Уже нет диких перепоев «а la russe» с водкой и шампанским. Средний класс предпочитает спокойный отдых в окружении семьи, а вместо шумных дискотек выбирает процедуры в салонах спа и изысканный ужин.

В социальном аспекте отмечено, что россиянин — семейный человек.

«Зеркало» (Tygodnik powszechny. 2012. 28 авг.): *Зато русская культура на самом деле стала всемирной.*

«Странности России» (Przegląd. 2002. 12 авг.): *«Газета Выборча» посвятила свою художественную часть культурной жизни в современной России. Я признаю, что читал эти статьи с изумлением. Меня удивляло... большое количество новых фамилий писателей, поэтов, художников, актеров и режиссеров, о которых в Польше, где мы знаем каждую деталь из интимной жизни любой американской кино- или эстрадной звезды, вообще не говорится.*

В культурологическом плане отмечается богатая культура России.

«Русское Бородино — военное поражение — духовная победа» (Newsweek. 2012. 12 сент.): *Несмотря на поражение войск Кутузова, битва под Бородино в России до сих пор неофициальный национальный праздник. <...> Причиной гордости является, в частности, выдержка солдат в сражении при крайне неблагоприятных условиях. <...> Русские отличились терпением, мужеством и внутренней дисциплиной.*

В физическом аспекте отмечена крепость, в психологическом — мужество, в социальном — терпеливость, в идеологическом — идеализм русских воинов.

В Польше принято считать, что СМИ, идеологически связанные с левыми политическими силами, выступают сторонниками россиян и хотят поддерживать позитивные отношения с Россией, в то время как источники, придерживающиеся правых убеждений, склонны навешивать ярлыки на Россию и русских. Чтобы выяснить, какие стереотипы о русских, по мнению поляков, бытуют в польских СМИ и связаны ли они с политической идеологией, мы провели опрос 165 студентов из вузов Щецина³, результаты которого приводятся ниже.

Очень позитивный	Позитивный	Нейтральный	Негативный	Очень негативный
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в психологическом аспекте</i>				
5	5	90	51	14
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в физическом аспекте</i>				
15	45	87	18	0

³ В числе опрошенных — 72 студента Щецинского университета, 46 студентов Западнопоморского технологического университета, 47 студентов Морской академии в Щецине. Закрытые опросы проводились по психометрической шкале Ликерта в категориях от «очень позитивный» до «очень негативный».

Окончание табл.

Очень позитивный	Позитивный	Нейтральный	Негативный	Очень негативный
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в социальном аспекте</i>				
0	37	51	73	4
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в культурологическом аспекте</i>				
7	59	87	12	0
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в бытовом аспекте</i>				
0	13	16	112	24
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в политическом аспекте</i>				
0	13	47	79	26
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ, в идеологическом аспекте</i>				
0	17	96	37	15
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ левых, либеральных взглядов</i>				
6	19	130	10	0
<i>Медийный образ россиянина, создаваемый польскими СМИ правых, консервативных взглядов</i>				
0	3	49	108	5

Качества типичного россиянина, наиболее частотные в текстах польских СМИ левых, либеральных взглядов: *братская душа, патриот, любит детей, атеист, пьяница, смелость, традиционализм, анархия, готовность к сотрудничеству, общительность, открытость, образованность, семейный человек, трудолюбивый, спасли нас от Гитлера.*

Качества типичного россиянина, наиболее частотные в текстах польских СМИ правых, консервативных взглядов: *коммунист, антисемит, любитель диктатуры, новый русский, любит золото, пьяница, образованный, суровый, религиозный, бедность, неправдивость, империализм, не идет на компромисс, убили президента.*

Таким образом, результаты опроса показывают, что физический и культурологический аспекты стереотипизации россиян главным образом позитивны, а бытовой и политический — отрицательны.

В заключение хочется привести слова Анджея Кемпиньского, автора книг и статей о стереотипах русских о поляках и поляков о русских, а также великолепной монографии «Lach i Moskal. Z dziejów stereoty-

ри»: стереотипы немного говорят о тех, кого они касаются, зато очень много — об их «авторах», так как часто выдают их внутренние комплексы и фобии [2, s. 157]. Хочется призвать читателей к поиску таких способов общения между нашими — польским и русским — народами, чтобы взаимная стереотипизация будущих поколений была как можно более позитивной.

Список литературы

1. *Bartmiński J., Lappo I., Majer-Baranowska U.* Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie // *Etnolingwistyka*. Lublin, 2002. T. 14.
2. *Kępiński A.* Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Kraków, 1995.
3. *Niewiara A.* Polskie stereotypy narodowe w świetle badań diachronicznych // *LingVaria*. Rok 5. №2. URL: http://www2.polonistyka.uj.edu.pl/LingVaria/archiwa/LV_2_2010_pdf/014_Niewiara.pdf (дата обращения: 20.09.2012).
4. *Wójtowicz N.* Pojęcie i funkcjonowanie stereotypu. Dychotomiczny obraz masona ze szczególnym uwzględnieniem autostereotypu polskich «braci» u progu II RP // *Musica Sacra Nova*. 2007. №1.

*Катажина Момот, Рафал Сивицки
(Торунь, Польша)*

ОБРАЗ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛЬСКОЙ ПРЕССЕ

Россия и Польша, россияне и поляки — мы соседи. Наши страны существуют рядом несколько веков, но, кажется, мы все еще не очень много знаем друг о друге. А что именно мы знаем? В настоящее время сознание общества, в том числе отношение к другим народам, формируется под влиянием СМИ — мы знаем то, что видим по телевидению, читаем в газете или находим в Интернете. Именно такой тезис стал толчком к исследованию образа Калининградской области, представленного в польских газетах. Количество изученных текстов статей двух популярнейших польских ежедневных изданий — «Rzeczpospolita» и «Gazeta Wyborcza» — нами было сознательно ограничено временными рамками с января по сентябрь 2012 года. Также были использованы тексты, опубликованные на информационном веб-портале «Dziennik.pl», связанном с популярной польской ежедневной газетой «Dziennik Gazeta Prawna». В ходе исследований выяснилось, что все тексты укладываются в тематические блоки, которые постараемся обсудить в настоящей статье.

Местное приграничное передвижение

На портале «Dziennik.pl» самое важное место занимал вопрос местного приграничного передвижения. Проект договора был обсужден еще задолго до его вступления в силу. Впервые он появился в статье, критикующей восточную политику польского министра иностранных дел Радослава Сикорского. Для министра установление льготных поездок в приграничной зоне между Польшей и Калининградской областью является одной из важнейших задач, поскольку он считает, что это позволит приблизить Калининград к Европе и таким образом нейтрализовать его. Однако автор статьи в «Dziennik.pl» полагает, что интересы Калининградского региона решают не его жители, а власти в Москве, Сикорски же своей цели не достигнет, так как в области еще до конца года будут установлены ракеты «Искандер» [27].

Подробности самого договора о местном приграничном передвижении описаны в «Dziennik.pl» в двух статьях. Новый режим в них представляется шансом на ускорение социального, культурного и экономического развития, особенно в Польше. Выгоду должны извлечь преимущественно туристическая и гостиничная отрасли. Говорится также и о пользе для России, которая хочет достичь полной отмены виз в Европу для своих граждан [25; 29]. Однако в том же «Dziennik.pl» введение местного приграничного передвижения рассматривается и как угроза. В статье от февраля 2012 года можно прочитать, что заключение договора повысит риск проникновения в Польшу туберкулеза из Калининграда [24], в тексте от марта 2012 года — о том, что полиция высказалась против договора, указывая, что льготные поездки — это прежде всего шанс для российских преступных групп и контрабандистов. По мнению полиции, в связи с договором надо ожидать роста количества преступлений, совершаемых в Польше россиянами [31].

В «Gazeta Wyborcza» тема договора поднималась в двух больших статьях в конце июня 2012 года. Договор — это прежде всего экзамен для россиян на предмет того, не будут ли они массово нарушать постановления договора и выезжать за пределы приграничной зоны в Польшу. Как отмечается в статье, льготные поездки будут выгодны обычным жителям Калининграда. Визит к южному соседу предоставит им возможность сделать покупки подешевле, воспользоваться услугами польских врачей и т.д. [19; 20].

Тема местного приграничного передвижения занимает важное место и в ежедневной газете «Rzeczpospolita». Авторы статей акцентируют внимание прежде всего на положительных экономических аспектах этого договора и на ожиданиях польской и российской сторон. Так, калининградцы надеются, что поляки начнут вкладывать деньги в бизнес на территории области, и ждут польских туристов [14]. Однако в настоящее время можно заметить, что количество жителей Калининградской области, которые хотят поехать в Польшу, значительно выше, чем поляков, которые хотят навестить Россию. По словам польского консула в Калининграде, число желающих получить электронную карточку, благодаря которой можно пересекать польскую границу, значительно превзошло его ожидания [5].

Зачем калининградцы приезжают в Польшу? Прежде всего, за покупками, но также чтобы прогуляться по Гданьску, Ольштыну, пойти в театр, приятно провести время за границей [5].

Журналисты газеты «Rzeczpospolita» не упустили из виду неизбежного в приграничных районах явления — контрабанды. Калининградцы продают в своей области купленные в Польше продукты. Поляки ввозят в Польшу сигареты и топливо, так как они в России намного дешевле. Однако автор статьи видит в контрабандной деятельности отчасти положительное явление: она дает возможность развиваться польским приграничным городкам (таким, как Бранёво). Сетям дискаунтеров выгодно строить здесь свои магазины, так как число клиентов увеличивается как раз за счет контрабандистов [2].

Можно прийти к выводу, что сама идея местного приграничного передвижения журналистами «Rzeczpospolita» оценивается положительно. Однако они отмечают проблему, которая мешает спокойному перемещению россиян и поляков на территорию соседней страны. Это пограничные пункты. Две статьи [2; 5] говорят о длительном ожидании на границе из-за коррупции и бюрократии пограничников и чиновников.

Кроме экономического существует еще один положительный аспект местного приграничного передвижения, отмеченный в газете, — возможность лучше узнать соседей. С такой целью в мае совершился футбольный турнир для польских и российских детей из территорий, на которые распространяется действие договора [12].

За 2012 год в газете «Rzeczpospolita» было напечатано единственное интервью, представляющее отрицательный мнение о введении местного приграничного передвижения. Витаутас Ландсбергис, литовский депутат Европарламента, предостерегает поляков о возможном увеличении численности россиян (не только жителей Калининграда) в польских северных районах [7].

Размещение ракетных комплексов «Искандер»

Очередная крупная тема, которая заняла важное место на портале «Dziennik.pl», — это проблема размещения в Калининградской области ракетных комплексов «Искандер». Первый текст на эту тему появился только в январе 2012 года в связи с решением правительства России о том, что в Калининградской области ракеты «Искандер» будут развернуты и поставлены на боевое дежурство уже во второй половине 2012 года [23]. О том, что ракетные комплексы «Искандер» угрожают Польше непосредственно, «Dziennik.pl» заявил дважды в мае, после того как высокие представители Москвы высказались о возможности нанести превентивный удар по объектам американского антиракетного щита [30; 32]. Некоторые из них Вашингтон намеревается установить в Европе, в том числе и в Польше. При превентивной атаке на эти объекты Россия по всей вероятности воспользуется ракетами «Искандер». В обеих статьях в «Dziennik.pl» Калининградская область представлена как небольшая по размеру, но стратегически важная часть русской земли в центре Европы, которая позволяет России угрожать всему западному миру и может препятствовать завершению американских планов установления щита. Очередной раз Калининград в этом контексте упомянут в «Dziennik.pl» в августе, когда польский президент заявил о необходимости установления польского антиракетного щита [28].

В «Gazeta Wyborcza» тема ракетных комплексов «Искандер» в 2012 году не затрагивалась вовсе, но в конце предыдущего года можно было об этом прочитать в длинной статье [21]. В газете «Rzeczpospolita» этот вопрос практически не упоминается. Можно найти только одну короткую заметку от 20 января, которая сообщает, что генеральный секретарь НАТО раскритиковал Россию за планы установления на территории области ракетных комплексов «Искандер». По его мнению, они направлены против врага, который не существует [16].

Атомная электростанция

Тема атомной электростанции, которая по планам должна быть построена в Калининградской области, в газете «Rzeczpospolita» появляется очень часто (шесть раз). Чаще всего упоминания о ней представлены в статьях о польском проекте атомной электростанции [8; 9; 15], однако в польской прессе можно найти более подробную информацию о расположении АЭС и возможном времени ее открытия [6].

Журналист Роберт Гвиздовски считает, что проект электростанции в Калининграде из всех электростанции, которые строятся в Балтийском регионе в целом, наименее окупается в экономическом плане, однако он уверен, что россияне смогут первыми закончить строительство и будут продавать электричество Европейскому союзу [3].

На портале «Dziennik.pl» эта тема вообще не упоминалась, а в «Gazeta Wyborcza» была подробно описана лишь в конце 2011 года [22].

Экономика

За 2012 год в газете «Rzeczpospolita» появились две статьи, затрагивающие тему торговых отношений между Польшей и Калининградской областью. Польские производители экспортируют в Калининград прежде всего продукты питания. Калининградцы любят наши молочные продукты и охотно их покупают [1]. Однако некоторые российские фирмы хотят, чтобы местные власти запретили ввоз польской продукции, подозревая к тому же, что она оказывается в Калининграде контрабандным путем [17].

В «Gazeta Wyborcza» от 16 августа тоже появилась статья о том, что российских производителей продуктов питания волнует продажа в Калининграде контрабандных товаров из Польши. Они требуют от властей региона полного запрета такой возможности. Как заявила «Gazeta Wyborcza», по подсчетам калининградской полиции в городе существует более 300 пунктов, где продаются польские продукты, а сумма штрафов, выписанных полицией, уже в этом году превысила 300 тысяч рублей [18].

«Rzeczpospolita» упоминает о проекте создания в Калининградской области 21 завода, связанного с производством автомашин. Совместные с канадской компанией инвестиции составят около 100 миллиардов рублей; планируется, что заводы будут выпускать 350 тысяч автомобилей в год [13].

Прочее...

Кроме этих четырех крупных тем в анализируемых изданиях появлялись и единичные статьи, касающиеся других вопросов. Портал «Dziennik.pl» в тексте от 14 мая сообщает о подписании соглашения между Польшей и Россией о взаимодействии по гражданским делам. Как пишут авторы статьи, договор особенно важен для жителей Калининградской области и польской приграничной зоны. Соглашение предусматривает значительное упрощение порядка отношений меж-

ду компетентными органами при оказании правовой помощи по гражданским делам. На практике это означает, например, что суд в Калининграде и суд в Ольштыне отныне могут сотрудничать без посредничества министерств юстиции обеих стран, что позволит значительно сэкономить время [26].

Калининград на портале «Dziennik.pl» был упомянут еще в одной небольшой статье от 14 июня — о двух хулиганах, которые пытались выбить стекла в здании польского консульства в Калининграде. Как объясняли это несостоявшиеся преступники, их поступок — это попытка отомстить польским футбольным фанатам за атаку на русских болельщиков перед матчем между Польшей и Россией, который был разыгран в Варшаве 12 июня в рамках чемпионата Европы [33].

В газете «Rzeczpospolita» есть материалы, касающиеся политических отношений между нашими странами. Важным событием, по мнению журналистов газеты, является создание «Калининградского треугольника» — неформального форума обмена мнениями на уровне министров иностранных дел России, Польши и Германии. Его участники положительно оценивают работу форума. В прошлом году на саммите в Калининграде главной темой переговоров было местное приграничное передвижение, в настоящем году диапазон тем значительно расширился (программы молодежных обменов, сотрудничество маленьких фирм, европейская безопасность, Восточное партнерство) [4].

Также газета описывает идею членов калининградской оппозиции о проведении протестных акций на территории Польши, которые станут ответом на законопроект о введении высоких штрафов за нарушения на митингах — до миллиона рублей для юридических лиц [11]. В газете «Rzeczpospolita» один раз упоминается БФУ им. И. Канта. Нынешние выпускники средних школ в апреле могли узнать о стоимости обучения в этом российском вузе [10].

Итоги

Образ Калининграда, созданный в польской прессе, предельно неоднороден и отличается благодаря стратегиям, избираемым отдельными изданиями.

В 2012 году о Калининграде чаще прочих упоминала газета «Rzeczpospolita» (17 статей). Преобладали тексты, посвященные экономике и аспектам сотрудничества между нашими странами. Статьи были выдержаны в нейтральном тоне и представляли Калининград как соседа, которого стоит узнать и с которым стоит сотрудничать.

Портал «Dziennik.pl» за 2012 год опубликовал 11 статей о Калининградской области. Здесь этот регион России чаще всего был представлен как угроза для Польши и всей Западной Европы, как проблема, с которой Варшава пока не в состоянии справиться.

Хотя в «Gazeta Wyborcza» было напечатано меньше всего статей, однако именно там появился самый длинный и самый важный текст о Калининграде – «Зараженные Европой» [20]. Его автор, Вацлав Радзивиневич, захотел не только сообщить польским читателям о введении для части из них льготных поездок в Янтарный край, но и нарисовать его яркую и насыщенную картину. Автор статьи сначала приближает к полякам сложную историю Кёнигсберга, пишет о временах Тевтонского ордена, об университете Альбертина и его самом известном преподавателе, философе Иммануиле Канте. Особенное внимание обращает на события Второй мировой войны, которые в большей степени определили новейшую историю города и области. Радзивиневич показывает, как власти в Москве пытались превратить бывшую столицу Пруссии в надежный советский авианосец. Пишет обо всем, что близко современным калининградцам: о размещении в области многих военных частей и сооружений, об уничтожении Королевского замка и построении на его месте Дома Советов, о полном преобразовании центра города, об усердных попытках советских властей и ученых доказать, что территория Калининградской области является исконно славянской. Журналист указывает, что все это должно было внушить калининградцам, что их город лишен истории, а если у него какая-нибудь история есть – это только часть русской, а прежде всего советской истории. Как пишет Радзивиневич, только учитывая все это, можно понять современный Калининград. А именно потому, что жители города не сдались, что они «заразились Европой», у калининградцев вскоре возникло особое чувство локального патриотизма, они, вопреки советской пропаганде, перестали считать свое прусское наследие враждебным и фашистским, а наоборот, стали проявлять большой интерес ко всему, что удалось сохранить. Европейское окружение области сильно повлияло на ее жителей, они стали отличаться от остальных россиян в бытовой культуре. Как полагает Радзивиневич, это самый европейский и самый демократичный регион России, где реальность стран Евросоюза считается нормой, а русская реальность, по мнению калининградцев, нуждается в исправлении.

Таким образом, журналисту «Gazeta Wyborcza» удалось сказать много о самом Калининграде. Он не писал о возможности размещения в области ракет «Искандер» или о постройке новой АЭС. Он сосредото-

точился на самом важном — на жителях Калининграда. Попытался заинтересовать польских читателей их северным соседом, убедить их, что Калининград стоит посетить даже тем, у кого нет никаких деловых отношений с россиянами, что стоит узнать его европейскую, но все же русскую душу.

Список литературы

1. *Drewnowska B.* Świat jada po polsku // Rzeczpospolita. 28.04.2012. S. A 1.
2. *Gursztyn P.* Rosjanie kupują i dają nadzieję // Rzeczpospolita. 08–09.09.2012. S. A 6.
3. *Gwiązdowski R.* Czy to „Ruscy» są winni? // Rzeczpospolita. 27.07.2012. S. A 15.
4. *Jendroszczyk P.* Trójkąt Kaliningradzki ma się dobrze // Rzeczpospolita. 22.03.2012. S. A 12.
5. *Kościński P.* Kaliningrad w kolejce na Kasztanowej // Rzeczpospolita. 08–09.09.2012. S. A 7.
6. *Kościński P.* Kłopoty z atomem // Rzeczpospolita. 19.07.2012. S. A 9.
7. *Kościński P.* Moskwa nie liczy się ze swoimi sąsiadami // Rzeczpospolita. 22.03.2012. S. A 12.
8. *Kozmana M.* Elektrownia atomowa z opóźnieniem // Rzeczpospolita. 06.02.2012. S. B 2.
9. *Kozmana M.* Elektrownia jądrowa rozrusza branżę doradców i finansistów // Rzeczpospolita. 03.01.2012. S. B 5.
10. *Kozubal M.* Good Morning przed wykładem // Rzeczpospolita. 20.04.2012. S. H 1.
11. *Serwentyk T.* Przeciwnicy Władimira Putina chcą protestować w Polsce // Rzeczpospolita. 08.06.2012. S. A 12.
12. *Szczepłek S.* Małe dzieci, mały ruch, wielka gra o przyszłość // Rzeczpospolita. 25.05.2012. S. A 26.
13. *Trusewicz I.* Inwestycja za 2,5 mld euro w Kaliningradzie // Rzeczpospolita. 29.05.2012. S. B 6.
14. *Trusewicz I.* Mały ruch, duży stres // Rzeczpospolita. 13.08.2012. S. A 12.
15. *Trusewicz I.* Rosyjsko francuski sojusz atomowy // Rzeczpospolita. 24.07.2012. S. B 4.
16. *W skrócie* // Rzeczpospolita. 20.01.2012. S. A 10.
17. *W skrócie* // Rzeczpospolita. 17.08.2012. S. B11.
18. *Kaliningrad.* Chcą zakazać Polakom handlu żywnością. 16.08.2012. URL: http://trojmiasto.gazeta.l/trojmiasto/1,35636,12319256,Kaliningrad_Chca_zakazac_Polakom_handlu_zywnoscia.html (дата обращения: 23.09.2012).
19. *Radziwiłowicz W.* Z Kaliningradem bez wiz // Gazeta Wyborcza. 27.07.2012. S. 12.
20. *Radziwiłowicz W.* Zarażeni Europą. 28.07.2012. URL: http://www.archiwum.wyborcza.pl/Archiwum/1,0,7628563,20120728RP-DGW,Zarazeni_Europa.html (дата обращения: 23.09.2012).

21. *Radziwinowicz W., Zawadzki M.* Miedwiediew grozi wyścigiem zbrojeń. 23.11.2011. URL: http://wyborcza.pl/1,75477,10699009,Miedwiediew_grozi_wyścigiem_zbrojen.html (дата обращения: 23.09.2012).

22. *Zasłuż R.* Do atomu ze wschodu Polakom niespieszno. 12.12.2011. URL: http://wyborcza.biz/biznes/1,101562,10798322,Do_atomu_ze_wschodu_Polakom_niespieszno.html (дата обращения: 23.09.2012).

23. *Grożne rakiety przy polskiej granicy jeszcze w tym roku.* 26.01.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/376692,media-iskandery-w-kalinin-gradzie-w-drugiej-polowie-2012-roku.html> (дата обращения: 26.09.2012).

24. *Gruźlica przyjdzie ze wschodu. Z Rosji.* 23.02.2012. URL: <http://zdrowie.dziennik.pl/aktualnosci/artykuly/380604,duzo-ryzyko-zarazenia-gruzlica-przez-polsko-rosyjska-granice.html> (дата обращения: 25.09.2012).

25. *Mieszkańcy Kaliningradu wjadą bez wiz do Polski.* Duma się zgodziła. 25.02.2012. URL: <http://podroze.dziennik.pl/aktualnosci/artykuly/391988,mieszkanicy-kaliningradu-wjada-bez-wiz-do-polski-duma-sie-zgodzila.html> (дата обращения: 25.09.2012).

26. *Minister Gowin podpisze umowę z Rosją.* 14.05.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/390376,minister-sprawiedliwosci-jaroslaw-gowin-podpisze-umowe-z-rosja-o-wspolpracy-w-sprawach-cywilnych.html> (дата обращения: 24.09.2012).

27. *Parafianowicz Z. Sikorski – mistrz riposty i zerowej skuteczności.* 1.03.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/opinie/artykuly/381442,parafianowicz-sikorski-to-mistrz-riposty-i-zerowej-skuteczności.html> (дата обращения: 25.09.2012).

28. *Prezydent na przekór Rosji. Zbudujemy własną tarczę antyrakietową?* 04.08.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/polityka/artykuly/400157,prezydent-bronislaw-komorowski-chce-budowy-polskiej-tarczy-antyrakietowej.html> (дата обращения: 26.09.2012).

29. *Putin podpisał.* Rosjanie wjadą bez wiz do Polski. 15.06.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/394625,putin-podpisal-rosjanie-wjada-bez-wiz-do-polski.html> (дата обращения: 25.09.2012).

30. *Rosja grozi NATO przewencyjnym atakiem rakietowym.* 04.05.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/389314,media-rosja-grozi-nato-prewencyjnym-atakiem-z-uzyciem-iskanderow.html> (дата обращения: 26.09.2012).

31. *Rosyjscy przestępcy przez Polskę ruszą na podbój Europy?* 16.03.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/wydarzenia/artykuly/383321,przez-maly-ruch-graniczny-z-kaliningradem-przestepcy-zaleja-europe.html> (дата обращения: 25.09.2012).

32. *Tarcza w Polsce? Rosja grozi rakietowym uderzeniem.* 11.05.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/390126,rosja-znow-grozi-zniszczeniem-objektow-tarczy-antyrakietowej-w-europie.html> (дата обращения: 26.09.2012).

33. *Zemsta za Warszawę? W stronę polskiego konsulatu poleciała butelka.* 14.06.2012. URL: <http://wiadomosci.dziennik.pl/swiat/artykuly/394409,chuligani-w-kaliningradzie-rzucili-butelka-w-okno-polskiego-konsulatu-mowia-ze-to-zemsta-za-starcia-przed-meczem-polska-rosja.html> (дата обращения: 24.09.2012).

Екатерина Колесова
(Рига, Латвия)

«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» НА УРОКЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЛАТВИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Проблема диалога в обучении и воспитании не является новой. Но в большинстве случаев на уроках русской словесности в латвийской школе она сводится лишь к проблеме общения. Рассмотренный в рамках мастер-класса урок в 10-м классе «Дайна и частушка. Янтарные зерна дружбы» строился на основе педагогической технологии «Диалог культур», основоположником которой стал В.С. Библер. Кроме того, базой данной технологии выступают идеи М.М. Бахтина «о культуре как диалоге» и Л.С. Выготского о «внутренней речи». Возможен ли

сегодня «диалог культурных смыслов» на уроке русской словесности в Латвии? Актуален ли он? Автор мастер-класса пытается доказать, что и возможен, и актуален.

На примере сравнительного анализа фольклорных жанров даины и частушки можно увидеть, как много общего связывало и связывает русскую и латышскую культуры. Анализ текста помогает наладить диалог культурных и духовных ценностей, учит терпимости и взаимоуважению. Наладить диалог прагматический и экономический — это, несомненно, важное дело; но увидеть в соседе интересного, духовно богатого партнера — это для современного педагога задача еще более важная, особенно актуальная в Латвии. Правильно оценить роль культуры в современной школе помогут такие понятия, как «диалог культур», «речевая чуткость», «речевая восприимчивость» (понятия, которые ввел в педагогику В.С. Библер). Для данного урока центральным стало следующее утверждение В.С. Библиера: «Диалог — это еще и труд, создание "вещих вещей"» (цит. по: [4]). Урок строится так, чтобы сделать особый акцент на «вещих вещах», ключевых образах, пере-

сечениях, объединяющих культуры России и Латвии. Один из таких образов — янтарь, или алатырь-камень в русской традиции.

И учителю, и ученику необходимо понять и прочувствовать, что текст существует как граница встречающихся реплик, как встреча направленных друг к другу речей, как смена ответного говорения и внимающего слушания. Иначе — текста нет. Исследователь А. Н. Юшков, последователь учения В. С. Библера, вводит понятие «речевого заповедника». Он пишет: «Порой человеку просто необходимо... найти свой Заповедник» [4, с. 5]. Подобным «речевым заповедником» автор мастер-класса считает фольклор. На первом этапе ученики ищут общие черты при анализе текстов, но границы «заповедника» защищают конкретное, единичное, уникальное диалогическое понятие от слепой силы обобщения. Текст — это форма свободного общения уникальных и своеобразных культур, это и обращение к прошлому, возможность увидеть единый культурный исток. «*Культура*, — писал В. С. Библиер, — в ее собственном, существенном для XX века, пафосе, — это "наследственность" увеличивающегося числа *самостоятельных*, уникальных, сопряженных друг с другом в диалоге (не в "снятии") типов культуры, "формаций культуры", не сводимых друг к другу и не снимаемых друг в друге в лестнице просвещенческого восхождения» (цит. по: [2]). Интересны в этой связи и слова Ю. И. Абызова по поводу латышских дайн: «Первое ощущение от встречи с миром дайн — много непривычного! Но ведь можно и освоиться, привыкнуть, особенно если оглянуться на свое собственное прошлое, поворошить его, проникнуться духом своих предков и попытаться представить себе их образ зрения» [1]. Фольклор — это уникальная область, которая дает возможность почувствовать и связь культур, и связь времен.

Урок «Дайна и частушка. Янтарные зерна дружбы» был апробирован в российской школе, в русской латвийской школе, где русский язык изучается как родной, и в смешанной школе, где учатся представители как русской, так и латышской национальностей. Мастер-класс впервые был представлен на международном конкурсе «Учитель года Пушкиногорья — 2012» в номинации «Русская школа вне России», где удостоился первого места.

Список литературы

1. Абызов Ю. И. Мир дайн и проблема перевода. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/y-abizov-daini/> (дата обращения: 15.08.2012).
2. Берлянд Е. И. Школа диалога культур. URL: http://www.bibler.ru/shdkom_be_shdk.html (дата обращения: 15.08.2012).
3. Курганов С. Капризная индивидуальность понятия. URL: http://www.bibler.ru/shdkom_ku_kap.html (дата обращения: 15.08.2012).
4. Юшков А. Н. Ода своему заповеднику // Первое сентября. 1997. № 60.

*Янели Нылванд
(Тарту, Эстония)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИАЛЕКТИЗМОВ — ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Современный мир дает нам возможность взаимодействовать с разными культурами и нациями. В преподавании иностранного языка важно отметить особенности сопоставляемых культур (родного и изучаемого языков), а также сравнить их. Сейчас в мире высока опасность межэтнических конфликтов, и именно уроки иностранного языка могут стать тем местом, где конфликты предупреждаются еще до их возникновения. Преподаватель становится тем, кто создает общую картину нации преподаваемого языка, его

цель — не только научить языковой системе и ее реализации, но и создать позитивное отношение к этносу. Учителю иностранного языка необходим материал, на который можно опираться для создания положительного образа культуры и развития мотивации.

Реальный диалектный материал, а именно заимствования в говорах из соседних языков, хорошо подходит для этого, так как демонстрирует бесконфликтное взаимодействие двух этносов на протяжении многих лет. Использование таких диалектных слов на уроке неродного языка может вызвать у ученика эффект радости от узнавания родной речи в другой культуре, сформировать позитивное отношение к неродному языку и его носителям. Обращение к историческим этническим контактам делает чужую культуру психологически более близкой, особенно если этносы проживают на общей или смежной территории.

Нами был создан комплекс заданий по РКИ с включением диалектных эстонизмов и русизмов. Для проведения занятий была выбрана кулинарная лексика (названия блюд, продуктов и т. п.), заимствованная в русские говоры из эстонского языка (например, рус. диал. *ма́кса* и *ма́ксо* 'печень' < эст. *taks*), или, наоборот, заимствования в эстонские говоры из русского языка (например, эст. диал. *suhkar* < рус. *сухарь*). Кулинарная лексика универсальна, она содержится в любой культуре и отражает традиции конкретного этноса, а кроме того, входит в программу обучения любому иностранному языку.

В 2011 году нами был проведен ряд занятий с эстонскими студентами, изучающими РКИ на уровне А1.2 → А2 (занятия были подведены под тему «Еда»). Группа состояла из 13–16 человек (в зависимости от посещаемости), в нее входили студенты разных специальностей. Первое занятие носило ознакомительный характер: преподаватель рассказал о том, кто такие староверы, где они живут в Эстонии и каковы особенности их языка. Для этого использовалась презентация, в конце которой содержались пробные задания: была дана лексема из диалекта староверов, а учащиеся должны были угадать, какое слово соответствует ему в эстонском языке.

Например:

Общерусское слово	Диалектное слово	Эстонское слово
Вино	Вейн	Vein
Брюква	Ка́лика	Kaalikas

В целом занятие прошло в приподнятой атмосфере и вызвало у учеников позитивное отношение к обучаемому языку.

Два следующих занятия включали работу с собственно языковыми заданиями, которые были представлены «по нарастающей»: от более простых к более сложным. Более простым был первый комплекс упражнений (эстонизмы в русских говорах, далее – I), более сложным – второй комплекс упражнений (русизмы в эстонских говорах, далее – II). Задания имели следующие цели: задания I.1–I.3 – лексико-семантические, I.4 – морфологические, I.5–I.6 – словообразовательные; II.1–II.3 – лексико-семантические, II.4–II.5 – фонетико-морфологические. Например:

I.1. Узнать в русском диалектизме эстонский оригинал: *ка́лика* < эст. *kaalikas*.

I.2. Найти русское литературное соответствие: диал. *ка́лика* – лит. *брюква*.

I.3. Соотнести слово с картинкой.

I.4. Определить грамматический род диалектного эстонизма, опираясь на формальные признаки: *ма́зика* 'земляника' — ж. р. (эст. *maasikas*); *шпек* -Ø 'сало' — м. р. (эст. *pekk*); *ма́ксо* 'печень' — ср. р. (эст. *maks*).

I.5. Определить словообразовательное средство, при помощи которого образовано диалектное заимствование: *кли́мники* 'клецки' (эст. *klimp*) — суффикс *-ик(и)* и т. п.

I.6. Образовать деминутивы для слов русского литературного языка по образцу (соответствующие суффиксы предложены): *лож/ка* + *-ечк(а)* > *ложечка*, и далее — *карто́шка* > ... и т. п.

II.1. Узнать в эстонском диалектизме исходное русское слово (задание требует знания слова неродного языка): эст. диал. *kartohk* < рус. *картошка*; эст. диал. *kvass* < рус. *квас*.

II.2. Найти эстонское литературное соответствие: эст. диал. *kartohk* — эст. лит. *kartul*; эст. диал. *kvass* — эст. лит. *kali*.

II.3. Соотнести слово с картинкой.

II.4. Образовать от слов русского литературного языка псевдозаимствования в эстонский язык с учетом фонетических и морфологических особенностей эстонского языка. (Здесь студентами были предложены, например, такие варианты: *курица* > *kuurits* (7), *kuuritsa* / *kuritsa* (5); *сыр* > *sõir* (5), *sõõr* (3), *sõr* (2), *sõrr* (1) и т. д. Для «освоения» использовался прием морфологического и фонетического приспособления иноязычного слова.)

II.5. Установить, при помощи каких изменений слова заимствуются в диалекты. (Это задание оказалось трудным для самостоятельного выполнения и было сделано под руководством преподавателя.)

В заключение отметим, что диалектный материал может быть использован на занятиях по РКИ, он повышает внутреннюю мотивацию учащихся, знакомит их с культурой этноса изучаемого языка, а также способствует совершенствованию собственно языковых навыков, особенно усвоению словообразовательных и морфологических особенностей изучаемого языка.

Моника Карвацка
(Катовице, Польша)

«ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» ВЛАДИМИРА НАБОКОВА В ПОЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ

«*Л*екции по русской литературе» Владимира Набокова [2] вызывают постоянный интерес исследователей литературы благодаря присущему им инновационному подходу к анализу художественного текста, а также оригинальности тезисов, поставленных часто вопреки существующим литературоведческим и критическим интерпретациям произведений русской классики. «Лекции» оказываются очень полезным пособием для преподавателей истории русской литературы в работе с польской (и только польской) аудиторией — студентов привлекает необычность, «контroversийность» многих суждений автора «Дара». Преподаватели используют набоковские интерпретации произведений русской классики, чтобы показать, что возможны разные подходы к изучению литературного произведения. В «Лекциях» для университетской аудитории Набоков так формулирует цель своих литературоведческих усилий: «Я попытался научить вас трепету эстетического удовольствия, сочувствию не к персонажам книги, но к ее автору — к радостям и тупикам его труда. Наши беседы велись не вокруг книг, не по их поводу: мы проникали в самое средоточие шедевра, к его бьющемуся сердцу» [1, с. 478].

Набоков-преподаватель является интересным феноменом и вызывает размышления относительно того, как учить студента читать русскую классику и как вообще читать литературное произведение. Не-

повторимость его способа преподавания, как отмечает Лена Юркина, объясняется тем, что «в "Лекциях" он остается самим собой, то есть писателем и критиком, в творчестве которого ярко отразились черты русского и европейского модернизма» [4, с. 75]. Между современными польскими студентами и американскими студентами набоковского времени есть нечто общее — и те и другие не могут похвастаться обширными знаниями по русской литературе, правда, у польских студентов есть преимущество — они славяне, и это обеспечивает общность культурного опыта.

Набоков показывает, как совместить в лекции элементарные сведения (например, о жизни и творчестве) со сложными суждениями (собственные размышления преподавателя-писателя о литературном тексте). Эти сложные «инновационные» суждения Набокова как раз и представляют наибольший интерес: чего стоит хотя бы образ Гоголя... вампира, Гоголя — писателя метафизического, создающего новые, неслыханные миры с помощью слова, Гоголя, чье видение мира сопоставляется с важнейшими научными концепциями в физике... Такими гипотезами Набоков вызывает острейший интерес студента, будит воображение, настраивает на необычное восприятие, показывает, что подход к литературному произведению может быть индивидуальным, неповторимым. Он готовит студента к пониманию того, что существуют разные способы интерпретации литературного текста; в будущем этот опыт поможет ему пройти сложный курс истории литературоведения.

И еще один пример, который особенно важен, во всяком случае для польской аудитории. Как известно, Набоков не выносил дидактического подхода к литературе — как к учительнице жизни, по его мнению, великие произведения литературы существуют не для того, чтобы передавать знания о России. Однако к лекции, посвященной Толстому, его кумиру, он присоединяет обширный страноведческий комментарий, включающий большое количество запомнившихся Набокову реалий отечественной культуры. Очень важным, например, является его обобщение о роли интеллигента в русской жизни, с которой читатель знакомится в лекции о Чехове. Опыт показал, что студенты охотно запоминают такие сведения, и более того — они становятся активным знанием, которое в будущем может быть дополнено другими источниками.

Одной из самых интересных концепций, которая нашла отражение в «Лекциях», представляется набоковская «инструкция» чтения — многократное перечитывание текста. Это условие полного понимания и «прочувствования» художественного произведения. «На знакомство

с книгой необходимо потратить время», — убеждает своих студентов Набоков. «Читатель должен замечать подробности и любоваться ими», — заявляет он. Чтобы заняться «подробностями» — а они играют в восприятии литературы важнейшую роль — нужно «второе, третье, четвертое чтение» [2, с. 24, 26]. Тогда «общаешься с книгой» по-настоящему, получаешь ни с чем не сравнимое удовольствие (сравните этот тезис с бартовской идеей чтения как наслаждения).

Эта концепция тесно связана с эстетикой Набокова-писателя: как верно замечает Лена Токер, «особенность эффекта перечитывания Набокова в том, что незамеченные ранее штрихи влияют на осознание и оценки личностей и действий героев не только количественно (понимаем больше), но и качественно (понимаем иначе)» [3, с. 377]. Такое перечитывание русской классики кажется обязательным также на занятиях по литературе, но практика слишком часто обходит это условие. После первичного прочтения студенты, как правило, не замечают многих подробностей, которые необходимы для полноценного понимания текста. Дело здесь не только в психологических деталях, например чеховских, Набоков имел в виду разнообразие языковых особенностей и нюансов: согласно его убеждению, литература это «дело языка, не идей».

Текст должен служить развитию рецептивных способностей, благодаря которым мы можем достигнуть высшего уровня общения с текстом — читательского наслаждения. Студенты, привыкшие к классическим образцам анализа обсуждаемых на занятиях произведений, с интересом знакомятся с интерпретациями Набокова, его опыт может быть полезен и преподавателям — в нем есть идеи, которые актуальны и сегодня.

Список литературы

1. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
2. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996.
3. Токер Л. Набоков и этика камуфляжа // Владимир Набоков: pro et contra. СПб., 2001. Т. 2.
4. Юркина Л. А. Лекции В. В. Набокова о литературе // Русская словесность. 1995. № 8.

Жанна Сладкевич
(Гданьск, Польша)

МЕТАГРАФЕМИКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ В СВЕТЕ ПРОЦЕССОВ КОНТАКТОПОДДЕРЖАНИЯ И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ

*П*ублицистический дискурс может рассматриваться как *кооперативный* тип коммуникации, направленный на осмеяние общественного зла и (в идеале) на достижение всеобщего блага. В этой связи важным представляется рассмотрение тактик, реализующих стратегию контактоустановления и контактоподдержания. При обращении к массовой читательской аудитории коммуникативная интенция автора заключается в фасцинации, произведении на получателя эстетического впечатления, убедительном и

ярком донесении до него своей позиции.

В реализации аттрактивной (привлечение внимания адресата) и фатической (установление и поддержание контакта с реципиентом) стратегий публициста принимают участие ресурсы различных уровней текстовой организации:

– *структурно-композиционные* средства: заголовочный комплекс, интродуктивный коммуникативный блок, инферативный блок;

– *лингво-риторические* ресурсы, воплощающие диалогическую направленность публицистического текста: риторические вопросы, вопросно-ответные пары, вокативы, призывы, автореминисценции, иронизация повествования;

– *визуально-графические* средства, участвующие как в процессе контактоустановления, так и смыслообразования и акцентирования: иконические и метаграфические компоненты фельетонного текста.

Рассмотрим последнюю группу ресурсов (не касаясь иконических средств) реализации фатической стратегии в современном русском и польском фельетоне. Анализу было подвергнуто 860 текстов, написанных в 2002–2012 годах (это тексты В. Шендеровича, Д. Быкова, А. Проханова, А. Синцова, М. Соколова, А. Минкина, Д. Круторогова, Е. Федоровича (J. Fedorowicza), Е. Пильха (J. Pilcha), Е. Петжака (J. Pietrzaka), С. Тьма (S. Tuma), М. Огурка (M. Ogórka), К. Скибы (K. Skiby), Р. Земкевича (R. Ziemkiewicza), С. Мизерского (S. Mizerskiego) и др.)

Большинство современных русских и польских политических фельетонов можно отнести к *семиотически осложненному* типу текстов, в которых когнитивные структуры актуализируются не только через языковую проекцию, но и через визуально-графические образы, что указывает на сложную систему кодирования таких текстов.

По справедливому наблюдению А. Г. Сонины, «зрительная информация получает все более широкое распространение в создаваемых и потребляемых человеком текстах, нарушая монополию печатного слова» [12], а газеты и журналы значительно увеличивают долю иконической информации в предлагаемом читателю материале. Н. Л. Шубина отмечает, что «увеличение количества невербальных средств в печатных текстах и расширение их функций в организации информационного континуума текста обусловлено не только творческими поисками отправителя (автора) новых средств для решения коммуникативно-прагматических задач, но и внутренними эволюционными процессами, происходящими в языковой системе и речевой практике — адаптационными процессами, действующими внутри языковой системы, а также вмешательством языковой личности в ее систему с целью определенной корректировки в соответствии с изменениями условий функционирования языка» [13, с. 185]. К концу XX столетия произошла смена парадигмы в области социально-гуманитарного знания — «визуальный поворот, пришедший на смену повороту лингвистическому» [4, с. 186]. Изменение ценностных, когнитивных и технических факторов оказывает кардинальное воздействие на языковые и ментальные процессы, на социальное и речевое поведение носителей языка. Апеллируя к «Заратустре» Ницше, где речь идет о гипертрофии определенных органов у некоторых людей, вследствие чего появляются «человек-Ухо», «человек-Глаз» и прочие, А. Ю. Зенкова сравнивает современного человека с гигантским глазом, который «превращает само тело вместе со всеми другими органами чувств в свои придатки» [4, с. 188].

Стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации вызвал закономерный интерес лингвистов к различного рода авербальным знакам и привел к оформлению во второй половине XX столетия отдельной лингвистической дисциплины — *паралингвистики*. По мнению О. В. Мишиной, именно во второй половине

XX — начале XXI века невербальный компонент «превратился из вторичного, подчиненного источника информации в равноценный компонент текста, не уступающий по значению словесному ряду» [9, с. 2]. Традиционно различают три вида паралингвистических средств: *фонационные, кинетические и графические*. Для нашего исследования важна последняя из перечисленных групп — параграфемные средства языка. Согласно И. В. Вашуниной, к ним следует отнести самый широкий круг графических средств в их некодифицированном, то есть не предусмотренном правилами орфографии, употреблении [9, с. 2–3]. Иными словами, это использование кавычек, дефиса, скобок и других знаков в особых коммуникативных целях — для выделения важной информации, достижения оригинальности, образности, привлечения внимания читателя к определенному фрагменту текста. Такие тексты в научной литературе называются «паралингвистически активными» [2, с. 74].

В параграфемике включен очень широкий и разнообразный спектр семиотических единиц, что осложняет мотивацию выделения ее как науки. Вероятно, этим, по мнению Н. Л. Шубиной, «обусловлено введение такого термина для обозначения вспомогательной функционально-адаптивной системы письменной сферы коммуникации, как метаграфемика» [13, с. 185], то есть совокупность невербальных знаков, участвующих (наряду с вербальными) в организации текста как целостной семиотической системы [14, с. 3].

Современный публицистический текст организован так, чтобы привлечь к себе внимание потенциального читателя. Использование специальных способов коммуникативно-динамического членения информации в тексте, выразительного графического оформления вербального ряда обуславливает быструю «пропускную способность» информации. Таким образом, в семиотически обогащенных фельетонных текстах иллюстративно-визуальный и метаграфический ряды играют существенную роль в восприятии текста. К примеру, если один и тот же текст набрать латинским и готическим шрифтом, их интерпретация будет различной (в Германии готический шрифт зачастую ассоциируется с нацизмом, что может повлечь за собой соответствующие ассоциации при прочтении нейтрального текста [6]).

Для адекватного восприятия послания адресату необходимо не только понять эксплицитно представленную информацию, но и декодировать ее имплицитный слой. Этой цели служит метаграфемика. Рациональное использование метаграфических средств «делает письменный текст более мотивированным и прагматически выразительным» [13, с. 188].

В системе метаграфических средств Н. Л. Шубина различает [14, с. 3]:
— *синграфические* (ядерные пунктуационные знаки);

- *супраграфические* («единицы второго порядка»: пробел, курсив, разрядка, шрифтовое варьирование и др.);
- *топографические* (средства графической аранжировки текста, плоскостной синтагматики текста).

К метаграфическим средствам, участвующим в выражении смысла в публицистическом тексте и создающим его зрительный образ, относятся расположение текста на странице газеты, его графическая сегментация (в виде фигуры, в столбик и т.п.¹), кернинг (изменение интервала между буквами в слове, в частности — разрядка), интерлиньяж (межстрочный пробел), длина строки, шрифтовое варьирование, курсив, подчеркивание, нестандартное написание букв и необычная расстановка знаков препинания, вспомогательные графические знаки (% , № , * , # , \$, & , ^ , ~ , + , § и др.), формат бумаги, ширина полей и т.п. Некоторые авербальные средства могут быть самодостаточными для смысловой концептуализации (знак-символ, иконические знаки), другие — вспомогательными, вносящими дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в содержание вербального текста (использование необычного размера или начертания букв). Основа паралингвистических средств может быть языковой (стилистическое употребление прописной буквы и знаков препинания) и неязыковой (размещение текста на плоскости, использование цвета и др.).

Часть паралингвистических средств не имеет прямого отношения к содержанию фельетона, однако создает оптимальные условия для его восприятия (формат листа, расположение на странице, качество бумаги), настраивает читателя на определенный эмоциональный лад — подбор и соположение материалов, сходных по эмоционально-критическому отношению к референту, практикуется многими общественно-политическими журналами. Так, в польском еженедельнике «Polityka» фельетоны С. Мизерского расположены в обрамлении не связанных с ними тематически карикатур А. Млечко (обычно на 4–6 страницах), а также далее в рубрике «Fusy plusy i minusy», где фельетоны публициста находятся по соседству (а иногда и в виде врезок) с карикатурами Я. Козы и циклом политических карикатур «Gadające głowy». Такое сочетание на одной странице разных по базовому семиотическому коду сатирических жанров печатной продукции изначально дает читателю иронично-критический ключ к прочтению предложенных текстов.

В метаграфически активном тексте используются информационно значимые компоненты, а также метаэлементы, «информирующие» о том, как нужно читать текст. Фельетонистами вводятся в текст разно-

¹ В этом аспекте из примеров художественной литературы иллюстративна знаменитая «лесенка» В. Маяковского.

образные синграфические и супраграфические средства, влияющие на процесс декодирования: *И никто, кроме НЕГО, не в состоянии решить ни одного вопроса. Вертикаль обернулась столбняком. В довершении бед у ПУТИНА В. В., оставшегося один на один с восьмой частью земной суши, очень плохо с телефонной связью, и он регулярно не может дозвониться – то до распоясавшегося прокурора, то до отвалившего в Португалию губернатора Кондопоги...* [24].

Существенную роль в организации информативного поля текста играют «коммуникативные фокусы, которые маркируются при помощи особых супраграфических средств» [13, с. 188]. В приведенных примерах супраграфические средства не только активизируют внимание читателя, выделяют определенные фрагменты текста, но и усиливают авторскую оценочность. Современное графическое оформление фельетона свидетельствует об активном использовании следующих параграфических приемов: шрифтовое варьирование, вертикальный и горизонтальный пробелы, разрядка, скобки, многоточие, восклицательный, вопросительный, надстрочные знаки и др. Все перечисленные средства текстовой акцентуации информации задействованы публицистом Д. Быковым в стихотворном фельетоне «Русское недо». В качестве иллюстрации приведем фрагмент из него:

Я набрел на крамольную мысль, господа, обзрев наши грады и веси: что бы было сейчас, ограничься тогда сам Чубайс заявленьями в прессе? Если б ваучер он не вручал никому, обломив ожидания круто? Если б при-ва-ти-за-цию эту ему стало лень проводить почему-то? Если б он ее начал – и тут же свернул, как спецкор, убоявшись главреда? А взамен где-нибудь в уголке прикорнул, или нефть воровал, или с Кохом кирнул, ограничившись фирменным «недо»? Вот тогда бы Чубайса народ полюбил и ходил за ним радостным строем, а Квачков, что случайно его недобил, не считался бы русским героем.

Если хочешь тут жить, не теряя лица, – алгоритм тебе должен открыть я: ЗДЕСЬ НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО ДОВОДИТЬ ДО КОНЦА! Покушение, работу, распитье винца, и реформу, и даже соитье. Я – поэт, понапрасну не тратящий слов, – честно выстрадал это суждение. Это знают Зюганов, Квачков и Грызлов, это поняли тысячи местных орлов, а Верховный постиг от рожденья [19].

К важнейшим и весьма популярным синтаксическим супраграфическим средствам, активно используемым в заголовочном и основном тексте фельетона, относится *парцелляция* – «такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одном, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы» [11]. Парцелляция позволяет усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений: *No ale widocznie Pan Prezydent zdążył już poznać obu nowych dostojników na tyle, że był pewien, iż jednak wytrzymają i nie wyjdą, więc śmiało*

powtórzył mantrę. Po raz sto trzydziesty drugi. W tym miesiącu. [15, s. 247]. Отметим при этом, что в британской и американской лингвистической литературе термин «парцелляция» не употребляется. Построения данного типа определяются термином *phrase* и его производными, а также *fragmentary sentence, sentence fragment* [8]. В польском языке понятие «парцелляция» / «*parcelacja*» функционирует только в сфере земельного хозяйствования.

Итак, парцелляция — это конструкция экспрессивного синтаксиса, представляющая собой умышленное расчленение смыслового целого на несколько самостоятельных отрезков: *Może na przykład publiczne samobiczowania się odnowią? Wśród patriotów. Dla dobra ojczyzny* [18]. Показателем синтаксического разрыва является точка (или другой знак конца предложения), что способствует характерному интонированию текста.

Парцеллирование текстов становится частотным стилистическим приемом в современных СМИ. От высказывания отделяется фрагмент, который оформляется как самостоятельное высказывание, либо, наоборот, к полному, готовому предложению приписывается некоторый «довесок», несамостоятельный в смысловом отношении. Прагматическая цель парцелляции — выделить определенный смысловой отрезок, придать речи интонационную экспрессию путем ее отрывистого произнесения [5]: *Jeszcze się o koalicji SLD-PiS nie mówi, ale ona — jak widać — już w terenie scementowana. Jest. Porządna i z zasadami. Tylko będzie nas bardzo dużo kosztowała* [17]. Из приведенных примеров видно, что в сатирической публицистике парцеллируется, как правило, исключительно сильное по смыслу место фельетона, иррадирующее эмоциональное напряжение на общее восприятие текста. Таким сильным пунктом, оказывающим воздействие на содержание всего фельетона и реализующим фатическую стратегию публициста, является заголовок сатирического произведения, в котором все чаще используется парцелляция: «*Последняя империя. США или Россия?*» [21]; «*Новый Путин: из куколки в бабочку*» [22]; «*Россия. Экспортный вариант*» [26].

Частотно также использование парцелляции во вводной части публицистического текста, в так называемом *лиде*. Вводный блок несет в себе не только нагрузку предварительной репрезентации текста, но и выполняет аттрактивную и эмоционально-настраивающую функции: *Арестован Лимонов. Где-то на Алтае. Что-то с оружием. Или с нелегальным переходом границы. Или с боевыми отрядами. Препровожден в «Лефортово». В наручниках. Стараюсь представить его небольшую изящную руку — в стальном браслете.* [23]. Парцеллирована начальная часть текста, что сообщает ему определенную, заданную автором динамику и экспрессию.

Наиболее частотно и максимально эффективно, с точки зрения реализации прагматических возможностей, использование парцелляции в завершающей отрезке фельетона: *...г-н Никонов предложил слушателям внимательно изучать русскую культуру, учить русский язык, мол,*

все равно, будь вы казах или таджик, везде в вас будут видеть русских. Типа соответствуйте... На эти размышления достаточно резко ответила интеллигентная преподавательница из Киргизии, мол, мы тут все уважаем русскую культуру, учим ей своих детей, но позвольте уж нам оставаться самими собой. К примеру, киргизами...

Такой вот форум вышел в Астане. Вполне интеллигентный [20].

Б. Ю. Норман отмечает, что если парцеллирование содержит в себе некоторый элемент искусственности (особенно для письменной речи, хотя это соответствует принципам языковой игры), то «обратный процесс — интеграции, или объединения высказываний под "одной крышей", — выглядит значительно более естественным» [10, с. 168]. Усложненный синтаксис — принадлежность письменных текстов. Однако гипертрофированное использование этого принципа текстообразования может быть обусловлено целевой установкой — рассмешить адресата, вызвать комический эффект за счет нарушения представления о естественном и оптимальном размере предложения. Усложненный синтаксический склад фельетона может иметь концептуальные основания: таким способом изложения публицист стремится отобразить «непрерывный поток мыслительной деятельности, сложность ассоциативных цепочек, не укладывающихся в рамки обычных предложений с их знаками препинания» [10, с. 171]. Среди фельетонистов, тяготеющих к усложненному синтаксису, можно назвать польского публициста Е. Пильха. В качестве примера приведем фрагмент его фельетона «*Brudność kitny zeszyt*», в котором автор вспоминает свой голубой дневник времен военного положения в Польше, осмысляет исторические события и их проекцию на современную общественную жизнь. Воздействующий эффект разветвленных синтаксических конструкций в тексте усилен анафорой: **Ach, oczywiście** ponad wszystkim unosił się jeszcze Papiież Polak, widzialne Boże narzędzie wyzwolenia Polski z moskiewskiego jarzma i uwolnienia ludzkości z komunistycznej plagi; **ach, oczywiście** z roku na rok, a może nawet z miesiąca na miesiąc, Sojuz dusił się i zdychał ekonomicznie; **ach, oczywiście** sędziwi towarzysze z KC KPZR znękami wymieraniem kolejnych pierwszych sekretarzy oddali władzę młodzikowi Gorbaczowowi, który swe pąjdokrackie, a w istocie samobójcze reformy — zwłaszcza głośność i pierestrojkę — kto jeszcze pamięta te kontrrewolucje? — z własnie samounicestwiającym uporem wcielał w życie; **ach, oczywiście** światły Ronald Reagan umiejętnie usztywnił politykę zagraniczną; **ach, oczywiście** dziesiątki mniej lub bardziej znaczących okoliczności doszło — mniej wiadomo, jak to się skończyło. Nawet ci, co święcie wierzą, że wszystko się skończyło spiskiem w Magdalence, jak dziś rozglądają się wkoło, to przecież widzą — widzą, bo nie widzieć niepodobna — jak to się skończyło. Otóż: dobrze się skończyło [16, s. 271 — 272].

В современных печатных изданиях фельетонное повествование нередко формирует вертикально прием так называемой *короткой строки*, который также можно отнести к метаграфическим средствам смыслообразования. «Короткой строкой» [7] называют особую манеру на-

писания фельетона, при которой автор, стремясь к предельной ясности и краткости фразы, подчеркивает ее абзацем. Количество «коротких строк» обычно нарастает к концу фельетона, композиционно наиболее сильному месту произведения, чтобы замкнуть его строками, раскрывающими смысл повествования и подытоживающими его:

Я слышал, что Украина стремится в единую Европу – очень бы хотелось это увидеть... Но со взглядами г-на Илащука она придет только в единую Уганду: именно в этой чудесной стране задолго до г-на Илащука унифицировали национальные СМИ и уже лет сорок назад прогнали вон всех евреев. Теперь живут счастливо.

Но в Уганде.

В Европе живут иначе.

Там не в чести ксенофобы, а люди общаются на тех языках, которые им удобны.

Впрочем, люди общаются, а чиновники издают циркуляры. Циркуляр можно издать на любом языке – это не имеет значения, главное – смысл.

Язык Тараса Шевченко можно свести к слову «геть», но большой чести для Украины в этом не будет [24].

Таким образом, метаграфические средства следует расценивать не только как способ выражения дополнительных информационных слов текста, но и как инструмент реализации фатической стратегии отправления. Наиболее характерными функциями параграфем являются привлечение внимания читателя к важной, по мнению автора, мысли и участие в оптимальном распределении информации в тексте.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). URL: http://www.academia-moscow.ru/off-line/_books/fragment_15578.pdf (дата обращения: 15.09.12).

2. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. №1. С. 71–78.

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: [http://mobwiki.ru/Парцелляция_\(синтаксис\)](http://mobwiki.ru/Парцелляция_(синтаксис)) (дата обращения: 16.09.12).

4. Зенкова А. Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2004/9.pdf> (дата обращения: 14.09.12).

5. Квятковский А. П. Поэтический словарь. URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-1962.htm> (дата обращения: 20.09.12).

6. Креолизованный текст. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%F0%E5%E6%E8%E7%E2%E0%ED%ED%FB%E9_%F2%E5%EA%F1%F2 (дата обращения: 14.09.12).

7. Литературная энциклопедия : словарь литературных терминов : в 2 т. / под ред. Н. Бродского [и др.]. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/4720/Фельетон (дата обращения: 10.09.12).

8. *Марышова М. А.* Стилистическая функция парцелляции в текстах разных жанров. URL: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/14Marisova.pdf> (дата обращения: 15.09.12).

9. *Мишина О. В.* Средства создания комического в видеовербальном тексте (на материале английского юмористического сериала «Monty Python Flying Circus») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007.

10. *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М., 2012.

11. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/1057/парцелляция> (дата обращения: 16.09.12).

12. *Сонин А. Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. URL: http://www.dissercat.com/content/modelirovanie-mekhanizmov-ponimaniya-polikodovykh-tekstov?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7 (дата обращения: 12.09.12).

13. *Шубина Н. Л.* Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания. URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/shubina_97_184_192.pdf (дата обращения: 14.09.12).

14. *Шубина Н. Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999.

Список использованных источников

15. *Fedorowicz J.* Mantra // *PasTVisko*. Kraków, 2007. S. 247–249.

16. *Pilch J.* Brudnobłękitny zeszyt // *Pociąg do życia wiecznego*. Warszawa, 2007. S. 269–274.

17. *Тут S.* Błahostka // *Polityka*. 26.04.2011. URL: <http://www.polityka.pl/spoleczenstwo/felietony/1515314,1,pies-czyli-kot.read> (дата обращения: 12.06.12).

18. *Тут S.* Wiosna średniowiecza // *Polityka*. 19.01.2011. URL: <http://www.polityka.pl/spoleczenstwo/felietony/1512308,1,pies-czyli-kot.read> (дата обращения: 12.06.12).

19. *Быков Д.* Русское недо // *Огонек*. 2008. № 50. URL: <http://www.ogoniok.ru/4924/13/> (дата обращения: 10.08.12).

20. *Дубнов А.* Как я оказался рядом с «нашим везде». URL: <http://www.freeas.org/index.php/?nid=7520> (дата обращения: 15.06.12).

21. *Наст А.* Последняя империя. США или Россия? 2010. URL: <http://www.proza.ru/2010/07/01/1056> (дата обращения: 15.06.12).

22. *Проханов А.* Новый Путин: из куколки в бабочку // *Завтра*. 2009. № 33 (821).

23. *Проханов А.* Красный Лимон // *Завтра*. 2001. № 16 (385).

24. *Шендерович В.* Проблемы языкознания // *Ежедневный журнал*. 2008. 19 июня. URL: <http://www.shender.ru/paper/text/?file=214> (дата обращения: 12.07.12).

25. *Шендерович В.* Размер стопы // *The New Times*. 2007. 5th Nov. URL: <http://www.shender.ru/paper/text/?file=186> (дата обращения: 20.06.12).

26. *Шендерович В.* Россия. Экспортный вариант // *Ежедневный журнал*. 2006. 23 мая. URL: <http://www.shender.ru/paper/text/?file=120> (дата обращения: 20.06.12).

**РЕЗЮМЕ АВТОРСКИХ ПРОЕКТОВ
УЧАСТНИКОВ ФОРУМА**

...цель преподавателя — создать атмосферу непринужденного общения, благодаря которой усвоение материала происходит не путем «зубрежки».

А. Беловодская

...студент, знающий сленговую лексику хотя бы в какой-то степени, пассивно, осознает опасность неправильного употребления сленгизмов в речи.

Т. Вильк

Учитель видит свою задачу... в том, чтобы мотивировать учеников быть активными участниками обучения.

Е. Иванова

...без объективного контроля умений и навыков в любой области знаний не существует эффективного обучения.

Ю. Сутугинене

Игра способна иметь несколько уровней сложности, которые условно можно соотнести с «уровнями прочтения».

Л. Бондарь

...в условиях военного вуза необходима внеаудиторная работа, чтобы сформировать у курсантов положительное отношение к русскому языку и русской культуре.

А. Обчинникова, Е. Слюсар, А. Дронова

...выпускники средних школ сегодня уже не заинтересованы в том, чтобы изучать «чистую» филологию.

И. Мампе

Студенты из европейских университетов хотят понимать русские шутки и анекдоты, язык прессы и язык молодежи, текст телевизионной рекламы и популярной песни и т.д.

О. Вертинская

Лексико-пунктуационная конструкция «— и —» действительно напоминает две части распахивающегося занавеса и два крыла бабочки.

А. Крысанова

И. Бродский... прибегает к конкретным физико-астрономическим величинам, объектам, формулам и накладывает на них свою эстетико-философскую установку.

С. Шевченко

Изучение иностранного языка на материале сказок дает возможность познакомиться с фольклором народа изучаемого языка, понять лучше его культуру.

А. Мощиньска

Лишь немногие газеты смогли объективно посмотреть и на приговор, и на саму нашу мевшую акцию и предложить своей аудитории взвешенные точки зрения.

Е. Смирнова

*Анастасия Беловодская
(Вильнюс, Литва)*

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ СМЕШАННОГО (ИНТЕГРИРОВАННОГО) ОБУЧЕНИЯ РКИ

Доклад посвящен описанию опыта использования модели смешанного (интегрированного) обучения РКИ в условиях неоднородной по уровню владения русским языком группы студентов и при достаточно ограниченном количестве часов, выделенных для работы в аудитории. Под моделью смешанного обучения в докладе понимается комбинирование традиционных учебных материалов и работы в аудитории с возможностями ИКТ. При этом сам процесс обучения русскому языку как иностранному основан на креативной методике, когда цель преподавателя – создать атмосферу непринужденного общения, благодаря которой усвоение материала происходит не путем «зубрежки», а в процессе творческого взаимодействия. О преимуществах подобного творчески ориентированного подхода в обучении иностранным языкам говорит опыт многих преподавателей: «Если при традиционной подаче учебного материала усваивается не более 20 % информации, то в игровых формах – до 90 %» [1].

Очень важную роль при использовании креативной методики играет организационно-структурный аспект обучения. Достижение оптимальных результатов обучения зависит от того, насколько гармонично взаимодействуют и дополняют друг друга все составляющие учебного процесса. В идеальном варианте элементы смешанного обучения должны функционировать в постоянной взаимосвязи друг с другом, образуя единое целое.

В качестве основного инструмента, позволяющего организовать учебный процесс и самостоятельную работу студентов, используется специально созданный учебный сайт, который позволяет максимально эффективно и гибко реализовать возможности интегрированного обучения. В ходе презентации мы описываем два учебных сайта. Один из них предназначен для работы со студентами начального уровня (изучающими русский язык только второй семестр), второй – для работы со студентами продвинутого уровня (изучающими русский язык пятый семестр).

Творческая ориентация студентов, изучающих язык на разных уровнях, осуществляется различным образом. На начальном уровне благодаря игровым заданиям (например, созданию видеоролика на тему «Кулинарное шоу») стимулируется запоминание языкового ма-

материала и элементарных коммуникативных конструкций. На продвинутом этапе задания носят более объемный и сложный характер (например, создание собственного сайта, посвященного одной из пройденных в течение семестра тем). При этом все творческие задания носят командный характер, что стимулирует коммуникацию студентов на изучаемом языке. Этому же взаимодействию способствует и интерактивный характер всех заданий, включающий в методический процесс не только преподавателя, но и всю группу, которая имеет возможность оставлять свои комментарии работ коллег на учебных сайтах и обсуждать те темы, которые вызывают наибольший интерес как в аудитории, так и вне ее. Благодаря этому обучение делается управляемым с обеих сторон, а возникающее при этом взаимодействие всех участников процесса обучения создает особую атмосферу, способствующую наиболее эффективному усвоению материала.

Краткая характеристика учебных сайтов

Учебные сайты (созданы с использованием сервиса <https://sites.google.com/site/>, однако возможно применение и любого другого сервиса, позволяющего создавать сайты, а также виртуальной обучающей среды Moodle) используются в качестве сетевой инструментальной оболочки, позволяющей размещать в сети Интернет:

- ссылки на электронные учебники и словари, на интерактивные тренировочные учебные программы;
- аутентичные материалы (например, фрагменты телевизионных программ и т. п.);
- материалы занятий в аудитории и для самостоятельной работы вне аудитории и т. д.

Однако наиболее важная роль учебного сайта заключается в том, что для студентов очной формы обучения создана своеобразная виртуальная языковая среда, в которой отдельные разделы посвящены интерактивному взаимодействию с преподавателем. В них студенты не только размещают свои творческие работы (или ссылки на них), но и получают рецензии преподавателя, указания для работы над ошибками, ссылки на полезные справочно-информационными ресурсы, которые необходимы для подготовки к отчетным работам в аудитории. Благодаря этому процесс обучения оказывается максимально гибким и позволяет учитывать индивидуальные потребности каждого студента.

Список литературы

1. Бухалина Л. В. Творческий аспект в системе созидательной лингвистики. URL: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/fcd/qiscosypevwwgsgt.pdf> (дата обращения: 03.09.2012).

Габриэла Вильк
(Катовице, Польша)

РОЛЬ СЛЕНГА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Язык, как известно, является постоянно пополняющейся и обновляющейся многоуровневой системой. То, что он находится в динамическом развитии, можно заметить во всех его подсистемах и уровнях, однако лексика и фразеология в наибольшей степени и значительно быстрее, чем другие составляющие, отображают происходящие перемены. В последние десятилетия изменения в словарном составе русского языка происходят за счет проникновения сленга в нормативный язык. Сленг начинает выполнять ту же роль, что народные говоры, то есть крестьянская речь российской деревни в XIX веке и городское просторечие в начале XX века.

Актуальность данного исследовательского проекта обусловлена новыми потребностями и условиями изучения русского языка польскими студентами в результате активного процесса жаргонизации литературного языка, «вспышки сленговой стихии» (Н. Ф. Алефиренко) как в русской, так и в польской языковых культурах. Целью проекта было показать целесообразность практического знакомства учащихся со сленгом как неотъемлемой частью современной лексико-семантической системы языка и возможность включения некоторых сленговых элементов в процесс обучения русскому языку как иностранному. Дидактическая ценность проекта состоит в углублении знаний польских студентов-русистов относительно места и функций сленга в речи, а также закономерностей его развития.

Немаловажным в указанном смысле является то, что сленговая лексика представлена лишь в нескольких учебниках и учебных пособиях по русскому языку, появившихся в последние годы на польском рынке. Материал для исследования был извлечен из словарей современного русского молодежного сленга (жаргона, арг) и пополнялся единицами из электронных источников, таких как «Slang.ru – Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона», «Teenslang.su – Словарь молодежного сленга», составляемых, в частности, нефилологами. С учетом исследовательской задачи наше внимание было сосредоточено на элементах школьно-студенческого жаргона, поскольку студенту-филологу особенно полезно и интересно знать, как говорят его сверстники из России.

Сленговый материал может найти применение на занятиях по практике русской речи в рамках реализованного на третьем курсе в Силезском университете тематического блока, посвященного системе образования в Польше и России. Цель упражнений – познакомить учащихся с кругом наиболее употребительных сленгизмов, общих для всех студентов независимо от того, в каком вузе, на каком факультете и по какой специальности они учатся, а также попытаться подобрать к ним польские эквиваленты (например, рус. *студак* (*студень, студик*) ‘студенческий билет’, польск. *legit* (*legitka*) ‘legitymacja’).

В исследовании подробно представлено также сленговое словотворчество, которое можно рассматривать как эксперимент, вид языковой игры. На основании упражнений по образованию новых слов, связанных с учебой или досугом, студенты могут сделать вывод о том, какие словообразовательные процессы характерны для современного русского молодежного сленга. Как показывает анализ, сленгизмы появляются в результате морфологической деривации (в частности, суффиксации, усечения и пр.) либо семантической, суть которой сводится к метафорическому или метонимическому переосмыслению исходных слов на основании шуточных или далеких ассоциаций.

Рассмотренный языковой материал позволил сделать вывод о том, что ознакомление учащихся со сленговой лексикой имеет ряд неоспоримых преимуществ, так как помогает понять язык средств массовой информации, произведений современной литературы и кинематографа, облегчает общение с носителями языка, а достижение взаимопонимания является показателем успешной коммуникации. Кроме того, студент, знающий сленговую лексику хотя бы в какой-то степени, пассивно, осознает опасность неправильного употребления сленгизмов в речи (например, из-за неадекватности стиля в отношении к ситуации либо из-за чрезвычайной изменчивости сленга).

Елена Иванова
(Тарту, Эстония)

УРОК РКИ В ЭСТОНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Доклад посвящен одному уроку РКИ, проведенному в эстонской вечерней гимназии г. Пярну. Для ознакомления аудитории с некоторыми общими проблемами преподавания РКИ в Эстонии на этапе средней школы показываются различия между требуемой от выпускника гимназии компетенцией владения РКИ и реальной языковой компетенцией учеников.

Ориентируясь на реальную ситуацию, учитель составляет урок таким образом, чтобы были представлены темы учебной программы и варьировались методы обучения. Совмещаются традиционные методы (чтение текста вслух, перевод, ответы на послетекстовые задания) и гуманитарные (применение метода *Community language learning*) (см. об этом: [1, р. 90–98]). Учитель видит свою задачу, помимо осуществления собственной активной роли в процессе обучения, в том, чтобы мотивировать учеников быть активными участниками обучения, чего особенно сложно добиться от учащихся вечерней гимназии. Учитель осознает, что каждый урок должен быть обучающим и для него самого, необходимо учитывать индивидуальные особенности учеников, анализировать положительные тенденции и исключать неудачные задания, опираясь на практику обучения.

Список литературы

1. Richards J. C., Rogers Th. S. *Approaches and Methods in Language Teaching*. Cambridge, 2007.

Юлия Сутугинене
(Вильнюс, Литва)

ТЕСТОВЫЕ МЕТОДИКИ ПРИ ОЦЕНКЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Современная педагогическая наука настаивает на том, что без объективного контроля умений и навыков в любой области знаний не может быть эффективного обучения, поскольку все, что есть в природе, находится в каком-либо количестве, а все, что существует в каком-либо количестве, может быть измерено [3]. Проведенный нами анализ действующих экзаменационных материалов литовских (Вильнюсский университет, Литовский университет эдукологии) и российских вузов (СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена) позволяет сделать вывод, что в системе высшей школы «на выходе» по-прежнему используются традиционные устные и письменные опросы по экзаменационным билетам. Как показывает практика, к сожалению, ответы студентов на таких экзаменах зачастую оцениваются субъективно, так как для них нет научно обоснованной базы. Отсутствие единого критерия для оценки ответа на экзамене косвенно подтвердил проведенный нами эксперимент: для выявления обязательных единиц информации педагогам указанных вузов было предложено самим сформулировать предпола-

гаемый ответ на все экзаменационные вопросы; заметим, анализ опросных листов выявил существенные разночтения.

Поскольку тестирование нацелено на измерение уровня тех же компетенций, которые традиционно проверяются и оцениваются на государственном экзамене для бакалавров-русистов, оно, с одной стороны, позволит измерить теоретические знания, определить, знает ли студент предмет, который будет преподавать, с другой — покажет, готов ли он методически грамотно преподнести дидактический материал. Учебное содержание, отражающее проблематику указанных компетенций и сформулированное в вопросах, на которые потенциальный специалист отвечает на экзамене, получая в итоге традиционную оценку (максимум «пять» в России и максимум «десять» в Литве), может стать основой тестовых батарей, что безусловно позволит эту оценку значительно объективизировать.

С нашей точки зрения, экзаменационные вопросы могут быть заменены заданиями в тестовой форме, при этом совершенно очевидно, что ответы на предложенные задания теста будут интерпретироваться однозначно и объективно, а создание фасетных (то есть взаимозаменяемых) заданий позволит защитить тестовые батареи от раскритеривания.

Поскольку профессиональный филолог не мыслим без творческого владения письменной речью, считаем необходимым проводить итоговый контроль по дисциплине «Методика РКИ» не только по проверке знания методики (при помощи тестов закрытого типа), но и оценивать умения осознанно применять эти знания на практике (при помощи тестов открытого типа). Считаем целесообразным предложить выпускникам написать конспект урока, поскольку каждый потенциальный педагог на последних курсах обучения в вузе проходит педагогическую практику с обязательным предоставлением конспектов урока для оценки руководителю этой практики.

Подобное тестовое задание со свободно конструируемым ответом в полной мере демонстрирует самостоятельную работу студента, его творческий подход к педагогической деятельности, при этом исключает возможность списывания, использования шпаргалок, а в результате позволяет объективно оценить итоговую работу студента. В этом случае возникает трудности стандартизации такого задания и подготовки интерпретационной базы для его оценивания, однако в тестологической литературе подробно описываются конкретные способы преодоления этих трудностей [1; 2].

Таким образом, научно разработанная, апробированная и стандартизированная тестовая батарея, используемая вместо традиционных экзаменационных билетов, позволит более объективно измерить

качество подготовки специалиста, зафиксировать реальный педагогический потенциал бакалавров-русистов и тем самым повысить эффективность процесса обучения в целом.

Список литературы

1. *Кирейцева А.Н.* Как объективно проверить сочинение? // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. 2–20 марта 2004 г. СПб., 2004. Вып. 16. (Русский язык как иностранный и методика его преподавания).
2. *Тестирование по иностранным языкам в США.* М., 1972.
3. *Цатурова Н.А.* Из истории развития тестов в СССР и за рубежом. Таганрог, 1982.

Леонид Бондарь
(Калининград)

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Когда человек перестает читать книги, он начинает играть в компьютерные игры. В первую очередь это касается подростков, для которых книга утратила не только рекреационное, но и образовательное значение. Для современного геймера чаще всего культура реального мира замещается культурой виртуальной, а игра имеет только рекреационную функцию. Однако во время игры человек готов усваивать новую для него информацию, а какой она будет, зависит от контента игр. Человек, заинтересованный в прохождении игры, может выучить, помимо правил игры, еще и историю игрового мира, его географию, физику, механику, философию, литературу. К сожалению, такие знания малоприменимы в реальной жизни.

Подросток не будет играть в специальные обучающие программные продукты, которые ориентированы в первую очередь на детей от трех до десяти лет. В этих продуктах на первое место поставлено обучение, а не геймплей, поэтому в такие игры играть неинтересно. В настоящее время почти не прилагается усилий для создания компьютерных игр, наполненных культурным, литературным или лингвистическим контентом, тогда как технические возможности вполне позволяют создавать такие игры. Жанр игры с контентом подобного типа может зависеть от разработчика и особенностей рынка, но некоторые основополагающие параметры останутся неизменными.

Например, игровой процесс помещается внутрь культурного пространства Серебряного века, а игровой фокус формулируется следующим образом: «Герой, управляемый игроком, путешествует по миру

Серебряного века, встречается с ключевыми представителями литературы и с героями произведений, выполняет их задания, исследует игровую мир». Подобная игра должна быть наполнена текстом — как вербальным, так и визуализированным, озвученным, замененным действиями игрового персонажа. Сюжетная составляющая игры может быть заимствована из произведений поэтов и писателей Серебряного века. Кроме того, в структуре игры будет необходима энциклопедия, позволяющая в любой момент игры обратиться к компетентному справочному материалу, составленному литературоведами и лингвистами. Игра способна иметь несколько уровней сложности, которые условно можно соотнести с «уровнями прочтения». Так, «наивное» прохождение игры не потребует от игрока специальных знаний, однако в этом случае он познакомится лишь с минимальной частью игрового мира. Для полного погружения в игру может потребоваться не только освоение справочных материалов, представленных во внутренней энциклопедии, но и неоднократное прохождение игры. Такая игра также может быть снабжена контрольным материалом, что позволит использовать ее в учебных заведениях.

Одной из основных проблем при создании компьютерной игры подобного типа может стать нежелание разработчиков браться за проект как за коммерчески невыгодный, поскольку его потенциальные пользователи ограничены преимущественно носителями русской культуры или желающими к ней приобщиться. Следовательно, проект будет нуждаться в сторонней поддержке и финансировании.

*Лада Овчинникова
Екатерина Слюсар
Анастасия Дронова
(Калининград)*

РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ЗАНЯТИЯ В АУДИТОРИИ И НЕ ТОЛЬКО

Калининградский филиал военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова (ранее — Балтийский военно-морской институт им. адмирала Ф. Ф. Ушакова) существует более 60 лет, а иностранные курсанты приезжают в него с 1992 года. За это время на кафедре русского языка здесь обучались курсанты и офицеры из 15 стран мира — Анголы, Бурунди, Гвинеи-Конакри, Гвинеи-Бисау, Алжира, Ливии, Сирии, Йемена, Судана, Китая, Вьетнама, Мьянмы, Грузии, Казахстана и Туркменистана.

Своеобразие обучения русскому языку как иностранному определяется спецификой военно-морского образования — его сугубо практической ориентированностью и жесткой регламентированностью. В связи с этим очевидно, что в условиях военного вуза необходима внеаудиторная работа, чтобы сформировать у курсантов положительное отношение к русскому языку и русской культуре. С этой целью на кафедре русского языка более двух лет существует военное научное общество курсантов, где обучающиеся имеют возможность заниматься исследовательской деятельностью, главным образом в области сравнительного языкознания, под руководством преподавателей кафедры. Поскольку иностранные военнослужащие являются носителями редких, экзотических языков, то такие исследования вызывают особый интерес. Лучшие работы представляются на ежегодных научных студенческих конференциях, проводимых совместно с БФУ им. И. Канта и КГТУ, и публикуются в сборниках материалов конференций. Участие в исследовательской работе — это сложный, но интересный процесс, который позволяет курсантам углубить знания русского языка и сделать первые самостоятельные научные открытия, а публичные выступления развивают лидерские качества, необходимые будущим командирам.

Однако научной деятельностью внеаудиторная работа с иностранными военнослужащими не исчерпывается. На кафедре регулярно организуются и проводятся экскурсии на Куршскую косу, в калининградский зоопарк и Музей янтаря. По мере возможности посещаются Историко-художественный музей, музей «Блиндаж», Кафедральный собор.

Поскольку иностранные военнослужащие получают в нашем вузе морскую специальность, первым и обязательным объектом посещения становится Музей Мирового океана. Для этой экскурсии необходима тщательная подготовка и введение на занятиях специальной лексики. Приложенные усилия оправдывают себя, и радость от узнавания наименований различных элементов корабля запоминается курсантам надолго. Также большой удачей является возможность посетить с курсантами знаменитый барк «Крузенштерн». Хотя барк базируется в Калининградской области, экскурсии на него расписываются по часам, поэтому они возможны далеко не каждый год. Зато ожидание, несомненно, компенсируется удовольствием от посещения.

Ежегодно 9 Мая на кафедре в разных формах проводится Урок мужества. Например, это может быть марш-бросок «Чкаловск — Калининград», когда курсанты вместе с преподавателями за 20 минут проходят путь, который Советская армия в 1945 году преодолевала в течение двух дней, или мини-спектакль, урок-презентация с последующим возложением цветов к памятникам воинской славы.

На кафедре русского языка практикуются и другие формы внеаудиторной работы. Для иностранных военнослужащих открыт клуб

любителей русской словесности «Парус». Цель клуба – в максимально легкой, непринужденной, развлекательной форме познакомить иностранных военнослужащих с русской культурой, русскими обычаями, традициями. Чтобы это знакомство было интересным и доступным даже тем курсантам, которые только что приехали, мы проводим разные игры и конкурсы, совсем простые, подвижные. Не меньше, чем соревнования, курсанты любят перевоплощения, и на заседаниях клуба «Парус» ставятся небольшие шуточные спектакли, во время которых иностранные военнослужащие превращаются в Бабок Ёжек, Кощеев Бессмертных, Дедов Морозов и богатырей. При этом преподаватели не ограничиваются ролью зрителей и организаторов – они принимают в представлении активное и непосредственное участие, перевоплощаясь в Снегурочек и Снежинок, добрых сказочниц или злодеек. Конечно, на заседаниях клуба «Парус» всячески поощряется любое творчество иностранных военнослужащих. При этом курсанты из Азии и Африки, как правило, прекрасно поют, играют на музыкальных инструментах, танцуют современные и национальные танцы.

Результатом такой тщательно спланированной работы является тот факт, что иностранные военнослужащие действительно начинают любить русский язык, а кафедра русского языка ассоциируется у них не только с уроками, но и с юмором, праздником, сотрудничеством и сотворчеством. Без внеаудиторной работы им было бы гораздо труднее справиться с огромным объемом учебной информации и адаптироваться к жизни в незнакомой стране и жестким условиям военного вуза.

*Иоанна Мампе
(Гданьск, Польша)*

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ГДАНЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В последнее время в Польше русский пользуется большим интересом среди обучающихся иностранным языкам. Абитуриенты, желающие познакомиться с этим языком, все чаще становятся студентами факультетов, осуществляющих подготовку в области русской филологии. Школы иностранных языков, ранее предлагавшие индивидуальные занятия, теперь объединяют желающих в группы, насчитывающие в среднем до 13 человек. Русский также изучают взрослые, которым язык необходим для работы, многие начинают учить его «для себя». Кроме вышеперечисленных групп учащихся, которых, несомненно, объединяет высокая мотивация и стремление выучить русский язык, обратим особое внимание на то, как интерес к нему поддерживается политикой Гданьского университета.

Университет в Гданьске уже несколько лет организует диктанты по русскому языку для студентов и учеников средних школ, что позволяет приблизить русскую филологию к польскому учащемуся и пробудить интерес к изучению русского языка. Ученики, принимающие участие в этом конкурсе, позднее довольно часто при получении высшего образования выбирают русский язык для профессионального освоения.

В Гданьском университете введено новое направление подготовки студентов – «Россиеведение», которое не только предоставляет студентам возможность выучить русский язык, но и знакомит их с историей, экономикой и политикой России. Обучение русскому языку этой группы учащихся обладает своими особенностями: преподаватели обязаны обращать больше внимания на изучение лексики и процесса говорения, чем на грамматику. Специальность выпускает не филологов-преподавателей русского языка, а в широком смысле знатоков русской экономики, говорящих на русском. При этом обучение на специальности начинается «с нуля», то есть с алфавита.

В докладе анализируется процесс и результаты обучения русскому языку на специальности «Россиеведение» и делается вывод о необходимости открытия похожих специальностей в других университетах. К сожалению, выпускники средних школ сегодня уже не заинтересованы в том, чтобы изучать «чистую» филологию (во всем многообразии ее аспектов). Будущим выпускникам в меньшей степени интересно приобретать знания о грамматике, будь она исторической или современной, всё большим спросом пользуются специальности, где язык преподается в коммуникативном ключе. Наряду с изучением орфографии и синтаксиса студенты заинтересованы в получении информации о релевантных коммуникативных особенностях языка и о том, каким образом функционирует политика и экономика страны, в которой на этом языке говорят. Перечень предметов в таких программах довольно разнообразен: это история русской культуры, России, СССР, Восточной Европы, политические отношения в России на рубеже XX и XXI веков, изучение российского кино, русской философии, обычаев и верований, дипломатии, курсы по интеграции культур (российской и польской), языку бизнеса, функционированию предприятий на российском рынке, международному маркетингу, организации зарубежной торговли, технике ведения переговоров и др.

В ближайшее время в Гданьском университете планируется открытие подобных специальностей и по другим языкам и культурам – «Введение в арабский мир», «Сравнительная филология китайского языка» и др. Думается, в условиях современных реалий такие направления будут пользоваться большим спросом, чем традиционная подготовка студентов в области «чистой» филологии.

Ольга Вертинская
(Калининград)

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПОЙ: ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ РКИ В БФУ ИМ. И. КАНТА

Реализация образовательных проектов и программ по обучению русскому языку как иностранному в Балтийском федеральном университете им. И. Канта осуществляется научно-образовательным центром «Русистика и прикладная лингвистика». Иностранному студенту можно выбрать языковой курс, который будет соответствовать его индивидуальным образовательным интересам и учебному графику родного вуза. Так, приезжая на языковую практику, организованную в учебное время, он получает возможность активного погружения в студенческую среду (русские и иностранные студенты живут в одном общежитии, посещают общие лекции, могут быть со-участниками образовательных и культурных мероприятий). Становясь участником летних языковых школ, работающих во время европейских каникул, иностранный студент совмещает учебу в российском вузе с насыщенной культурной программой и отдыхом на Балтийском побережье. Некоторые европейские студенты, особенно хорошо владеющие русским языком и расположенные к общению, говорят, что на время учебы в нашем городе они не просто становятся русскими студентами — они превращаются в калининградцев.

Научно-образовательный центр «Русистика и прикладная лингвистика» существует около 15 лет, и вся история его развития, практические результаты работы, а также растущее число друзей из числа бывших учеников позволяют говорить о том, что для студентов из Польши, Литвы и Германии Балтийский федеральный университет им. И. Канта является одним из наиболее популярных центров обучения русскому языку. Чем же объясняется столь стабильный интерес к учебе в БФУ им. И. Канта и почему партнерами вуза традиционно оказываются наши ближайшие соседи?

Первая причина, объективная, — это географическое положение Калининградской области. Студентам из Польши (Гданьска, Торуня, Ольштына, Вроцлава, Познани, Быдгоща и др.) и Литвы (Вильнюса) добираться до Калининграда удобно: это близко и недорого. Тем, кто приезжает в наш университет совсем ненадолго (например, для краткосрочной работы в университетской библиотеке), не нужно тратить много времени и средств на дорогу и проживание. А студенты из Германии, отправляющиеся в Калининград на долгосрочную учебу, имеют возможность ездить домой, совмещать учебу и путешествия.

Вторая причина, субъективная, кроется в принципе работы Центра: обучение русскому языку здесь реализуется на основе индивидуального подхода и педагогической толерантности. Центр осуществляет обучение иностранцев по программам, ориентированным на разный уровень подготовки — от нулевого до продвинутого, однако основной контингент составляют студенты среднего уровня, изучающие русский язык в европейских вузах и желающие углубить свои знания в российском университете. И если обучение русскому языку в группах начального уровня ведется в пределах образовательного стандарта, то работа в продвинутых группах нередко выходит далеко за эти рамки. Преподаватели Центра корректируют учебную программу в зависимости от индивидуальных запросов студентов. Открытость, гибкость учебных программ, таким образом, обусловлена насущным интересом учеников.

Главным аргументом европейских студентов традиционно является следующий: «Нормам русского языка нас учат в родном вузе, а в Россию мы приезжаем, чтобы овладеть языком практически, научиться говорить по-русски так, как говорят его современные носители». Поэтому востребованными у иностранных студентов остаются занятия, на которых рассматриваются прагматические аспекты языка, ведется работа с актуальной фразеологией, многозначностью. Студенты из европейских университетов хотят понимать русские шутки и анекдоты, язык прессы и язык молодежи, текст телевизионной рекламы и популярной песни и т. д. И задача преподавателей Центра состоит не только в том, чтобы совершенствовать их лингвистические знания, но и расширять их представление о России и русской культуре. При этом преподаватели знакомят студентов как с «традиционной» Россией (отдельный тематический блок занятий посвящен русским праздникам, особенностям национального характера, его «стереотипам» и «мифам»), так и с Россией «сегодняшней», воспринимаемой глазами современной молодежи. Нередко в занятиях принимают участие и русские студенты — это дает возможность «из первых уст» узнавать о вопросах, актуальных для современного человека, знакомиться с уникальными фактами наших культур и обнаруживать «точки пересечения».

И наконец, третьей причиной, по которой студентам из Польши, Германии и Литвы нравится учиться в нашем университете, является его богатая европейская история и традиции образования, аккумулирующие опыт западных и российских вузов. Студенты из Европы чувствуют себя в Калининграде одновременно и как дома, и как «за границей», в частности благодаря сочетанию во внешнем облике города европейского и «новорусского» архитектурных стилей и его специфической атмосфере. И все-таки европейцы осознают, что они находятся в России, поэтому относятся к окружающему как к «чистой» экзотике.

Примечательно, что, несмотря на известную противоречивость чувств Европы по отношению России, традиционно на учебу в Центр приезжают молодые люди, открытые к диалогу с нашей страной, интересующиеся русской культурой и заинтересованные в перспективных партнерских отношениях (культурных, научно-образовательных и деловых). Поэтому свою конечную задачу преподаватели Центра видят в том, чтобы, раскрывая сложный, многогранный образ России (Россия — и в неулыбчивости продавцов в магазинах, и в потрясающей гостеприимности и отзывчивости к чужой беде), поддерживать этот интерес.

Анастасия Крысанова
(Калининград)

ЛЕКСИКО-ПУНКТУАЦИОННАЯ БАБОЧКА: ТРАНСГРЕССИВНЫЙ «ПОЛЕТ» В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В идиостиле М. Цветаевой тире выступает в качестве исключительно многофункционального знака, который не раз становился объектом исследований. Наш интерес сосредоточен в области спациосвойств лексико-пунктуационной конструкции, в которой слово или словосочетание с двух сторон обрамлено тире.

Конструкция с двумя тире часто становится в лирике Цветаевой своеобразным семиотическим шлагбаумом. Его функциональная нагрузка — графически визуализировать границу между пространствами и зафиксировать момент выхода в инобытие.

М. Л. Гаспаров говорил о том, что в «звуковом и морфологическом составе слова... поэт силится уловить тот глубинный смысл, который наконец даст ему возможность высказать не поддающееся высказыванию» [1, с. 146]. Для Цветаевой найти словесные формы фиксации невыразимого — одна из самых актуальных поэтических задач, которая осложнена тем, что необходимость *записывать* стихи, придавать языку человеческие, опознаваемые формы Цветаева называла сделкой. В книге «Земные приметы» она пишет: «Преподносить свои стихи голосом (наисовершеннейшим из проводов!), использовать *Психею* для *успеха*?! Достаточно с меня великой сделки записывания и печатания!» [4, т. 4, с. 519].

Слова в понимании Цветаевой — это «неизмеримые пространства... сам вид слов (широта и долгота)» [3, с. 15]. Слова «всегда малы, всегда тень» и «за словами — всегда — еще все» [3, с. 185]. В этом смысле для Цветаевой тире становится трансгрессивным прорывом в засло-

весные пространства. Когда слова становится недостаточно и необходимо буквально прочертить траекторию движения, Цветаева прибегает к графическому спациальному жесту в виде конструкции с двумя тире. В таких случаях уже не слово, а именно спациальный жест выражает невыразимое или, согласно концепции В.П. Ракова, апеллирует к меональному, является «синтаксическим символом неисследимого» [2, с. 124], «знаком невыговариваемого» [2, с. 119].

В стихотворении «Окно» в качестве границы между пространством абсолютной духовности, или пространством поэтического вдохновения, и материальным миром выступает окно. Занавес является главным признаком окна и символизирует преодолеваемую границу.

Процесс преодоления границы реализован посредством строфики и конструкции «– и –». Событийная основа первой строфы – распаивание занавеса. Ветер постепенно наполняет занавес воздухом, как бы оживляет его и поднимает вверх, отчего он перестает быть единым полотном, распаивается и развеивается на ветру подобно крыльям бабочки: «Атлантским и сладостным / Дыханьем весны – / Огромною бабочкой / Мой занавес – и –» [4, с. 196]. Событием второй строфы становится перемещение героини в «законое» пространство, или в пространство абсолютной духовности: «Вдовою индусскою / В жерло златоустое, / Наядою сонною / В моря законые» [4, с. 196]. Образ индусской вдовы связан с ритуальной традицией сати, согласно которой вдова сжигает себя вместе с покойным мужем на погребальном костре. Сати на санскрите означает *настоящая, существующая*. Лирическая героиня уподобляется индусской вдове, сати – настоящей, существующей, но не в земном мире, а в инобытии, куда она и перемещается, преодолевая границу. Наяда (здесь, вероятно, морская нимфа) – образ, который реализует стремительную силу тяготения в законое пространство.

Композиционным центром, событийным и смысловым средоточием стихотворения является конец первой строфы – конструкция «– и –», которая графически фиксирует момент распаивания занавеса. Буквально *на этих тире*, а точнее, *этими двумя тире* и происходит разрушение пространственной преграды. Тире становятся визуальным свидетельством этого процесса.

Лексико-пунктуационная конструкция «– и –» действительно напоминает две части распаивающегося занавеса и два крыла бабочки. Одним словом, это универсальная конструкция, «полет» бабочки, Психеи, «нарисованный» как бы из словесных, неизмеримых пространств.

Список литературы

1. *Гаспаров М.Л.* Марина Цветаева. От поэтики быта к поэтике слова // Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб., 2001.
2. *Раков В.П.* О сферичности стиля М. Цветаевой // Раков В.П. Филология и культура. Иваново, 2003.
3. *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
4. *Цветаева М.* Собр. соч. : в 7 т. М., 1994.

Сергей Шевченко
(Калининград)

БЕЛЫЕ ПЯТНА, ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ: АСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

Научный прогресс, которым характеризуется весь XX век, отразился не только на обыденной человеческой жизни, но и на творческой.

В лирике И. Бродского образ вселенной употребляется прежде всего в прямом значении и отождествляется с космосом и человеческим миром. Так, в стихотворении «Лучше всего / спалось...» Савеловский вокзал называется тупиком вселенной: «Лучше всего / спалось на Савеловском. / В этом / полузабытом сержантами / тупике Вселенной» [1, т. 1, с. 34].

Одна из немногих негативных коннотаций относится к номинации мира людей, не желающих знать поэзию. Этот мир обоснованно сравнивается поэтом с «глухонемой вселенной»:

Великая душа, поклон через моря
за то, что их нашли, — тебе и части тленной,
что спит в родной земле, тебе благодаря
обретши речи дар в глухонемой Вселенной [1, т. 3, с. 178].

В стихотворении из цикла «Часть речи» «Заморозки на почве...» вселенная прочитывается в пределах человеческого мира: «в поисках милой всю-то / ты проехал вселенную» [1, т. 2, с. 411].

В «Эклоге 4-й (зимней)» (1980) Бродский описывает отношения между временем и вселенной. А в пятой части стихотворения поэт утверждает: «Время есть холод [1, т. 3, с. 14]» — и развивает свою мысль

далее: «Время есть мясо немой Вселенной. / Там ничего не тикает [1, т. 3, с. 17]». Фактически здесь происходит описание свойств космоса: во-первых, в нем не существует времени как такового, и, во-вторых, звук не распространяется в космосе (вакууме). На протяжении всего периода творчества Бродский осознанно применяет ряд физических реалий к поэзии как таковой.

В поэтическом мире Бродского существует пять видов скоростей, некоторые из них заимствованы из физики и обозначают те же самые физические явления, что и в науке: скорость света и скорость звука. Наряду с ними Бродский говорит и о скорости мира, и о скорости зрения, и о скорости внутреннего прогресса.

В 1973 году в стихотворении «Лагуна» Бродский впервые прибегает в своем творчестве к физическому термину «скорость света» и отождествляет его с выдуманной физической величиной «скорость зренья»:

В эпоху тренья
скорость света есть скорость зренья;
даже тогда, когда света нет [1, т. 2, с. 321].

В «Эклоге 5-й (летней)» поэт трансформирует известнейшую формулу А. Эйнштейна $E = mc^2$, отрицая тождество $m = E/c^2$: «Данная масса, / увы не кратное от деленья / энергии на скорость зренья / в квадрате, но ощущение тренья / о себе подобных» [1, т. 3, с. 36]. В поэзии Бродского назван особый локус, где может существовать скорость света, — пустота (космос): «И скорость / света есть в пустоте [1, т. 2, с. 456]». В более поздних стихотворениях скорость света воспринимается Бродским как возможность вечной жизни, так как свет может проходить огромнейшие пространства вселенной многие миллиарды лет:

С другой стороны, взять созвездия. Как выразился бы судья,
поскольку для них скорость света — бедствие,
присутствие их суть отсутствие, и бытие — лишь следствие
небытия [1, т. 4, с. 24].

В поэтическом мире Бродского магистральной физической величиной за счет своей соотнесенности с голосом / творчеством / языком становится скорость звука:

Эти слова мне диктовала не
любовь и не Муза, но потерявший скорость
звука пытливый, бесцветный голос [1, т. 2, с. 351].

Помимо указанных физических величин — скорости света и скорости звука — Бродский обращался к образу черной дыры, являю-

щейся такой областью в пространстве-времени, гравитационное притяжение которой настолько велико, что покинуть ее не могут даже объекты, движущиеся со скоростью света. Именно это свойство черных дыр описано в шестнадцатой части стихотворения «Полдень в комнате»:

Но, как звезда через тыщу лет,
ненужная никому,
что не так источает свет,
как поглощает тьму,

следуя дальше, чем тело, взгляд
глаз, уходя вперед,
станет назад посылать подряд
все, что в себя вберет [1, т. 2, с. 453].

В более позднем стихотворении «Тритон» поэт называется еще одно свойство черной дыры — искривление пространства: «У тел и у их небес / нету, как ни криви / пространство, иной среды» [1, т. 4, с. 33].

Таким образом, И. Бродский начиная с середины своего творческого пути прибегает к конкретным физико-астрономическим величинам, объектам, формулам и накладывает на них свою эстетико-философскую установку (лингвоцентризм).

Список литературы

1. Бродский И. Собр. соч. : в 4 т. СПб., 1992.

Лариса Мощинська
(Вроцлав, Польша)

ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИЧЕСКАЯ МНОГОПЛАНОВОСТЬ СКАЗОЧНОГО ОБРАЗА БАБЫ ЯГИ

Баба Яга — это один из наиболее популярных, загадочных и самых мистических персонажей фольклора, в котором причудливо и своеобразно отложились многовековые культурные напластования. В сказках раскрывается неоднозначность и многосторонность характера этой героини. Баба Яга — важнейший структурный и смыслообразующий элемент сказочного повествования.

Исторические корни этого образа в общем виде выявлены. Исследователей, занимающихся вопросом генеологии образа Бабы Яги, можно разделить на две группы: 1) сторонники ее славянского (клас-

сического) происхождения; 2) сторонники неславянского (неклассического или заимствованного) происхождения Бабы Яги. С точки зрения сторонников славянского происхождения образа (В. Балушок, Р. Бекер, Л. Виноградова, Е. Левкиевская, Т. Листова, М. Мирончиков, В. Пропп, Т. Топорков), немаловажным аспектом является принадлежность Бабы Яги сразу к двум мирам – миру мертвых и миру живых. Крупнейшим специалистом в области русского фольклора В. Проппом было высказано предположение, что появление образа Бабы Яги связано с обрядом инициации, существовавшим в древности у многих народов. Сторонники неклассического происхождения (А. Захаров, С. Коневский, Д. Лаушкин, Н. Новиков, Н. Шапарова) утверждают, что это персонаж не исконно славянский, а заносной, или заимствованный, возникший как результат многовекового взаимодействия на общем фоне славянской и иных отдаленных территориально культур.

Внешний портрет Бабы Яги в волшеббно-фантастической сказке представлен значительно ярче, чем всех остальных персонажей, хотя и не очень подробно. Чтобы в общих чертах описать портрет Бабы Яги, необходимо слить воедино разбросанные по отдельным сказкам элементы ее образа. Согласно восточнославянским и западнославянским сказкам, Баба Яга обладает характерным демоническим обликом: народная фантазия представляет ее злой, безобразной, с длинным носом, растрепанными длинными волосами, к тому же хромой и иногда слепой на один глаз старухой.

На основании проанализированных сказок можно заметить удивительную многогранность и многосторонность характера Бабы Яги. Она является сказочным существом, в котором одновременно уживаются и доброта, и угроза, и мудрость. Некоторые исследователи подчеркивают двойственную (амбивалентную) природу Бабы Яги в фольклоре и связывают ее с образами, во-первых, хозяйки леса, которая кормит героя и провожает в мир мертвых, во-вторых, злобного существа, похищающего и пытающегося зажарить детей в печке. Необходимо подчеркнуть, что эта зафиксированная исследователями амбивалентная природа Бабы Яги, которая прочно укоренилась в фольклоре и славянском сознании, не отражает истинной природы образа, а лишь характеризует его частично. Она выступает составляющим элементом системы ключевых архетипов, отражающих мифологическое мировидение восточных и западных славян.

После реконструкции генезиса и характеристики сказочного образа Бабы Яги мы осуществим его сопоставительный анализ в русской и польской народной сказке. Следует отметить, что сравнительный анализ – очень важный момент в процессе обучения, который помогает

выявить различия и сходства образов, мотивов, сюжетов, персонажей, стилевых форм и логики в сказках. На основании сравнительного анализа комплекса русских и польских волшебных сказок и сказочного образа Бабы Яги можно сформулировать вывод, что сказки двух разных народов, обладающих схожими территориальными и временными факторами, имеют единый корень. Эти две близкие культуры предполагают большим количеством общих архетипов и мифологем, с помощью которых можно реконструировать генезис и представить семантическую многоплановость сказочного образа Бабы Яги.

Подводя итог, подчеркнем, что обучение русскому языку как иностранному можно оптимизировать за счет привлечения русских народных сказок и сказочных образов. Изучение иностранного языка на материале сказок дает возможность познакомиться с фольклором народа изучаемого языка, понять лучше его культуру.

Екатерина Смирнова
(Калининград)

ОСВЕЩЕНИЕ АКЦИИ ГРУППЫ «PUSSY RIOT» В ХРАМЕ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ В НЕМЕЦКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Акция группы «Pussy Riot» 21 февраля 2012 года в Храме Христа Спасителя стала одним из важнейших событий, широко освещавшихся в западных СМИ и повлиявших, на наш взгляд, на образ России за рубежом. Немецкие печатные периодические издания не остались в стороне. Мы проанализировали знаковые для формирования общественного мнения публикации, посвященные как самой акции, так и связанному с ней судебному процессу.

Из всего массива материалов мы выбрали статьи из ведущих немецких печатных периодических изданий как федерального, так и регионального значения: «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Der Spiegel» и «Rheinische Post». Ключевыми материалами, как представляется, стали следующие. Это опубликованная в еженедельнике «Der Spiegel» 13 августа 2012 года (№ 33) статья под названием «Страх собственного народа»¹ («Der Angst von eigenem Volk»), в которой выступление группы было названо политической акцией, а виновником «несправедливого

¹ Здесь и далее перевод автора. — Е. С.

и показательного судебного процесса» — президент РФ В.В. Путин. «Der Spiegel» (№34) 20 августа 2012 года публикует интервью с А.А. Навальным под заголовком «Мы должны выйти на улицы» («Wir müssen auf die Straße»), где связывает «Pussy Riot» с оппозицией и протестным движением в России. Эти публикации в ведущем и самом цитируемом немецком печатном СМИ стали точкой наивысшего напряжения в освещении акции группы «Pussy Riot» и последующего судебного процесса.

Но уже 26 августа 2012 года «Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung» (№34), воскресное издание самой популярной ежедневной газеты Германии, публикует статью «Леди суповая курица» («Lady Suppenhuhn»), в которой развенчивается «миф "Pussy Riot"», в частности описываются подробности их предыдущих акций и семейной жизни участниц, показывающие их в ином свете. Одна из ведущих региональных газет Германии «Rheinische Post» в материале от 28 августа 2012 года «"Pussy Riot" атакуют церковь» («Pussy Riot's Angriff auf die Kirche») обосновывает приговор участницам, ссылаясь на культурные, этические и религиозные нормы, и дает жесткую оценку их действиям. А 1 сентября 2012 года в материале «Панк-молебен как традиция» («Pank-Gebet als Tradition»), размещенном в электронном приложении «Rheinische Post +», комментирует акцию в Храме Христа Спасителя в историко-культурном контексте, привлекая российских экспертов-культурологов.

На основании анализа вышеперечисленных материалов мы составили список слов и словосочетаний, употреблявшихся в немецких печатных СМИ для освещения акции и судебного процесса. В публикациях, оправдывающих акцию «Pussy Riot» в Храме Христа Спасителя, мы выделили следующие показатели эмоциональной окраски: «борьба с режимом», «противницы Путина», «оппозиционерки», «выступление за реформы и прогресс», девиз «Pussy Riot» «Вытащим страну из Средневековья!» Участниц группы называли «героинями», «символами», которые проявили «мужество и силу».

Публикации, осуждающие процесс над «Pussy Riot», подчеркивают гендерный фактор: «угнетенные русские женщины». Власть, по мнению некоторых немецких печатных СМИ, использует «тиранические методы, политический террор». Персона президента РФ В.В. Путина упоминается в материалах о «Pussy Riot» исключительно в негативном контексте: «беспощадность, месть Путина», «Путин — деспот».

В ходе анализа публикаций, посвященных акции группы «Pussy Riot», мы выявили следующие тенденции:

1. Однообразность освещения акции и судебного процесса в разных немецких печатных СМИ. Независимо от политической направ-

ленности, аудитории и статуса издания акция оценивалась в большинстве материалов нейтрально или положительно, а судебный процесс – резко отрицательно. При этом делался акцент на политическую составляющую выступления активисток. Религиозные, культурно-исторические и этические вопросы играли второстепенную роль.

2. Группа «Pussy Riot» была поводом снова упрекнуть российские власти в нетолерантности и недемократичности. В большинстве печатных СМИ критика концентрировалась на персоне президента РФ В. В. Путина.

3. Резкая перемена в освещении деятельности группы «Pussy Riot» происходит после публикации от 26 августа 2012 года во «Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung» на первой полосе статьи, называющей группу феминисток порнографической. После чего критические взгляды на «Pussy Riot» и их деятельность, а также оправдания жесткому приговору стали появляться и в других печатных СМИ. Так одна статья стала катализатором процесса дегероизации участниц группы.

Лишь немногие газеты смогли объективно посмотреть и на приговор, и на саму нашумевшую акцию и предложить своей аудитории взвешенные точки зрения. Среди таких изданий оказались «Süddeutsche Zeitung» и «Frankfurter Allgemeine Zeitung», в то время как еженедельник «Der Spiegel», считающийся флагманом качественной прессы в Германии, проявил, на наш взгляд, некорректность в освещении ситуации с русской группой, так же, как и многие менее крупные печатные СМИ.

По сути, освещение акции и судебного процесса против «Pussy Riot» в целом вписывается в уже сложившуюся традицию подачи материалов о России: тенденциозность, часто притянутость некоторых выводов и обобщений, а также стремление обвинить во многочисленных российских проблемах лично В. В. Путина.

ПЕРСОНА
Владимир Иванович
Грешных
(1941—2012)

...это был мужественный человек, но мужественности не броской, а незримой, внутренней, животворной силой духа.

Т. Стадников

С его именем всегда ассоциировался балтийский город Калининград-Кёнигсберг. Именно так: как сочетание традиции старинного немецкого университетского города и сегодняшних успехов нашей науки.

Д. Чавчанидзе

Поражала удивительная отзывчивость Владимира Ивановича: он всегда откликался на заслуживающую внимания научную работу.

Т. Шарыпина

Блок называл романтизм «шестым чувством». Владимир Иванович был им наделен в полной мере.

А. Ботникова

Владимир Иванович умел видеть и умел соединять внимание к мелочам с перспективами истории культуры и литературоведения.

С. Исаев, Н. Владимирова

...хотелось бы отметить у Владимира Ивановича... умение открывать за такими имеющими широкое хождение понятиями, как «фрагмент», «диалог», «историзм», «двоемирие», сложные, глубокие, дифференцированные миры, требующие для своего описания более тонкого инструментария.

А. Ерохин

Прошло более трех десятилетий с того времени, а я прекрасно помню, как Владимир Иванович назвал нам почти недоступный тогда булгаковский роман «Мастер и Маргарита».

Л. Ольховская

Двадцать четыре года назад в обшарпанном коридоре филфака моему Учителю хватило пяти минут перемены, чтобы влюбить меня в Пушкина и Байрона, в XIX век.

Т. Яновская

...лекции Владимира Ивановича все еще хранятся у меня на полке, и когда я открываю их, мне слышится мягкий, но уверенный голос и видится ироничный взгляд из-за приспущенных очков.

А. Васкиневич

*Геннадий Стадников
(Санкт-Петербург)*

НЕ ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ ГРЕШНЫХ

Владимир Иванович Грешных был одним из тех редких людей, которых называют «Светлый». «Свет Владимир Иванович» — так нарекли его коллеги по кафедре зарубежной филологии Балтийского федерального университета им. И. Канта, заведующим которой он был в течение многих лет [5, с. 11].

Редкого обаяния человек, Владимир Иванович располагал к себе с первых же минут знакомства с ним. Добрый свет излучали его глаза, доверчивой и лучистой была его речь, выразительно дружескими были его улыбка и скупые жесты. Это был человек талантливый во всем: талантлив как ученый, талантлив как организатор значительных научных проектов, талантлив как руководитель кафедрального коллектива, талантлив в дружбе и общении. И это был мужественный человек, но мужественности не броской, а незримой, внутренней, животворной силой духа.

Последний раз я встретился с Владимиром Ивановичем в мае этого года, незадолго до его кончины. Он был тяжело болен, очень тяжело. Когда его супруга Любовь Васильевна на минутку выходила, чтобы проводить меня, он негромко напомнил ей: «Не забудь взять ключи». Встать с постели и подойти к дверям своей квартиры он уже не мог.

Мы много говорили в этот памятный для меня вечер. Физически он чувствовал, что болезнь его необорима, но разумом упорно не хотел этому верить. Он очень любил жизнь и очень хотел жить. И говорил он со мной в этот вечер не о своей болезни, не о непрекращающихся уже много дней непереносимых болях, а о будущем, в которое

продолжал упорно верить. Говорил о том, какое новое необычное издание задумал, говорил о делах своих аспирантов, о незавершенной статье, которую нужно было срочно сдать в печать. Я слушал его и вопреки всему верил, что свет и сила его мужественности должны победить. Случилось, к сожалению, другое: 17 июля Владимир Иванович ушел из жизни.

Мои встречи с Владимиром Ивановичем, обычно на научных конференциях в Санкт-Петербурге и Калининграде, были нечастыми. Но каждая осталась в памяти светлой страницей. Особенно дорого вспомнить, что Владимир Иванович просил меня быть оппонентом на защите его докторской диссертации, которая состоялась в Московском университете в октябре 2001 года. Диссертация «Художественная проза немецких романтиков: формы выражения духа», высоко оцененная ученым советом, в том же году была опубликована в виде монографии с кратким названием «Мистерия духа» [3]. Этот капитальный, во всех отношениях новаторский труд был итогом многолетних штудий, первые результаты которого отражены в ряде статей и двух книгах [1; 2]. В этих работах, и особенно в итоговой монографии, Грешных предложил новую, оригинальную, научно обоснованную трактовку немецкого романтизма. Предметом основного внимания ученого была специфика художественного мышления романтиков, предстояло, как он писал, «изучение различных форм выражения духа (субъективного), изучение смысла слова и его места в творении литературного произведения» [3, с. 4]. Всесторонне исследуя эти вопросы, Грешных обосновал теорию развития романтического духа, выделив три модели эстетического отношения к миру: энтузиазм, карнавал, смятение. Ученый показал, что эти модели проявили себя не только в линейной последовательности, но и по принципу возвращения, тесного сопряжения того, что было в начале и обнаружилось потом. Вместе с тем Грешных предложил наиболее обоснованную в современной науке трактовку фрагмента, раскрыв его определяющее значение в словесной культуре немецкого романтизма. По мнению ученого, фрагмент монологичен по форме и диалогичен по содержанию, он одновременно и не завершен и целостен. Фрагмент и разрушает классические структуры, и возвращает к ним. Рожденный особым типом мышления романтиков, фрагмент и сам оказал влияние на их художественное сознание.

Труды Грешных отличаются не только глубиной и обобщающим масштабом теоретической мысли. Грешных был мастером конкретного филологического анализа текста. Рассматривая специфику очень разных по индивидуальной манере писателей (Вакенродер, Тик, Ф. Шлегель, Новалис, Brentano, Клейст, Гофман, Эйхендорф, Гейне),

ученый показывает особенность сюжетостроения их произведений, выявляет своеобразие авторского начала, раскрывает способы и формы его проявления в словесном тексте.

Немецкая литература была предметом главного внимания ученого. Но Грешных, исследователь широкой эрудиции и обширных знаний, нередко обращался и к литературе других стран. Одним из примеров этого стала написанная в соавторстве интереснейшая книга, посвященная английской писательнице Вирджинии Вулф [4].

Из жизни безвозвратно ушел замечательный человек, талантливый ученый, добрый друг. Но остались его книги, остались благодарные ему ученики, остались те, кто его знал, с кем общался — все, кому он щедро дарил веру в неумирающий свет жизни. Он ушел, но мы не прощаемся с ним, он по-прежнему с нами: Свет Владимир Иванович.

Список литературы

1. *Грешных В.И.* Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л., 1991.
2. *Грешных В.И.* В мире немецкого романтизма: Ф. Шлегель, Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне. Калининград, 1995.
3. *Грешных В.И.* Мистерия духа. Калининград, 2001.
4. *Грешных В.И., Яновская Г.В.* Вирджиния Вулф: лабиринт мысли. Калининград, 2004.
5. *Художественный текст: современные интерпретации* : сб. науч. тр. Калининград, 2011.

Джультта Чавчанидзе
(Москва)

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА И GENIUS LOCI

Наши встречи с Владимиром Ивановичем не были частыми. В основном мы общались, когда он приезжал на конференции в Москву, несколько раз я участвовала в конференциях, проходивших в Светлогорске, была приглашена в Калининградский, нынешний Балтийский федеральный университет с курсом лекций по творчеству Э. Т. А. Гофмана.

Каким запомнился мне Владимир Иванович?

Это был человек, полный духовной энергии, жажды деятельности, смелых преобразований в делах, которым он отдавался с увлечением, новых планов, к которым умел привлечь коллег — вокруг себя и на расстоянии.

Это был ученый-германист, который, обратившись к материалу, исследуемому в последние десятилетия весьма широко, ставшему одним из самых значительных для литературоведческих научных обобщений, — к немецкому романтизму, нашел в нем свой аспект, настолько существенный и актуальный, что специалисты не могут не учитывать его при работе по любой тематике в данной области. Вряд ли какая-нибудь серьезная работа появится без ссылки на труды В. И. Грешных.

Это был человек, к которому всегда можно было обратиться за помощью — в организации конференции, в публикации, необходимой соискателю для защиты, — он всегда находил возможность откликнуться на любую просьбу, без всякого расчета на собственную выгоду, просто исходя из естественного человеческого понимания. Искренность отличала его как никого другого; его праздничные поздравле-

ния, его пожелания были не нормой вежливости, а проявлением большой дружеской сердечности. И ему отвечали тем же.

С его именем всегда ассоциировался балтийский город Калининград-Кёнигсберг. Именно так: как сочетание традиции старинного немецкого университетского города и сегодняшних успехов нашей науки. Это было единственное место, где атмосфера идущего из прошлого российско-немецкого научного содружества создавалась не присутствием каких-либо определенных лиц, а тем органичным восприятием «германского гения», которое с давних пор было присуще русской интеллигенции. Очень хочется надеяться, что оно сохранится как живая память о замечательном человеке.

*Татьяна Шарыгина
(Нижний Новгород)*

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПИСЬМА...

А моему знакомству с Владимиром Ивановичем в этом году исполнилось бы 22 года. В начале 1990-х годов мне посчастливилось принимать участие в Гофмановских семинарах, которые были организованы по его инициативе и проходили в Калининграде. С тех пор утекло много времени, прошла почти четверть века, но в памяти остались прекрасные осенние дни, чистый город, роскошь человеческого общения и скромный заботливый человек, одинаково обеспокоенный тем, как устроились в гостинице масти-

тые ученые и скромные, впервые участвовавшие в конференции аспиранты.

Творческой атмосфере семинаров способствовал и тот энтузиазм, с которым Владимир Иванович показывал нам город, рассказывая о его достопримечательностях. Он сам проводил экскурсии по литературным и окололитературным местам Калининграда, с упоением и юмором рассказывая подлинные истории и связанные с различными местами легенды, так что, казалось, за бузиными кустами мелькали и прятались образы, рожденные фантазией Гофмана, а по сумеречным улочкам с педантичной точностью вышагивал Иммануил Кант. Так сложилось, что по состоянию здоровья мне пришлось уехать раньше, и долгие годы Владимир Иванович, переписка с которым прочно установилась с того времени, сокрушался, что не побывала я тогда на Куршской косе, приглашал в Калининград неоднократно. Но все не складывалось: то время не позволяло, то здоровье, то обстоятельства... Встреча с Калининградом все же состоялась в этом году по настоящему приглашению Владимира Ивановича, и я на всю жизнь запомню

его добрый голос в телефоне (на конференцию он прийти уже не смог), полный заботы о том, как доехала, как устроилась, все ли хорошо.

Однако переписка не прерывалась никогда. Его письма всегда отличались эмоциональностью, с одной стороны, и обстоятельностью и серьезностью занимавших его проблем — с другой. Владимира Ивановича волновало современное состояние науки, германистики. Человек фундаментальных знаний, основательный теоретик не только в области романтизма, тонкий аналитик и организатор, с иронией он сокрушался, что «некоторые наши германисты так понятийно затуманивают свои открытия в области известного, что поражаешься словесной и содержательной эквилибристике» (2009. 22 нояб.).

Связанный проблемами со здоровьем, Владимир Иванович всегда поражал меня «планов громадью». Сколько он успевал! Сколько было задумано! И вопреки здоровью и убегающему времени создано! Ограниченный в передвижении, он всё равно самозабвенно планировал: «Дорогая Татьяна Александровна! Возможно ли мое заочное участие в Вашей октябрьской конференции с такой темой: "Национальный код малой прозы Ю. Куранова"? Я сейчас заканчиваю готовить к печати очередной номер БФК и следующий номер "Слова.ру". И все-таки полагаю, что к 15 апреля я смогу прислать Вам мои материалы. Получили ли Вы информацию о нашей конференции? Мне бы очень хотелось, чтоб Вы побывали у нас в это время. У меня в октябре намечается юбилей. Всего доброго. Ваш В.Г.» (2011. 2 апр.).

Крупный ученый, теоретик, энциклопедически знающий человек, он всегда с большим тактом, доброжелательностью и заинтересованностью относился к работам молодых коллег. Зачастую мы советовались о темах исследований, возможной структуре диссертаций, процедурных вопросах. Поражала удивительная отзывчивость Владимира Ивановича: он всегда откликнулся на заслуживающую внимания научную работу. Отзывы Владимира Ивановича, всегда тщательно взвешенные, высвечивали самую суть рецензируемых исследований.

Для меня (как научного руководителя) и моих молодых коллег и учеников представляло огромную цену мнение Владимира Ивановича о наших совместных научных усилиях: «Дорогая Татьяна Александровна! Поздравляю Вас с завершением очередного этапа работы. Я уже писал как-то, что Ваши подопечные делают интересные, запоминающиеся работы во многом благодаря Вашему руководству. Спасибо Вам и желаю всего самого доброго. Я очень рад! И за Вашу кафедру, и за И.Б. А Вам — особая благодарность и признание. Ваш В.Г. (2011. 10 нояб.).

Перечитывая собрание дорогих моему сердцу писем Владимира Ивановича, я остаюсь с глубочайшей признательностью за долгие годы духовного общения и уважением к его памяти.

*Алла Ботникова
(Воронеж)*

ПО ЖИВОМУ СЛЕДУ...

*П*охвастаться совсем близким знакомством с Владимиром Ивановичем не могу. Пальцев на одной руке достаточно, чтобы пересчитать наши с ним встречи. Две конференции в Калининграде, одна в Ольштыне (Польша), его, насколько знаю, единственный приезд в Воронеж на защиту своей аспирантки, да еще моя работа в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии в калининградском университете (тогда, кстати, Владимир Иванович большую часть экзаменационного времени про-

вел в госпитале). Все! Была, конечно, переписка, но по e-mail. Много не скажешь. Были его стишки, неплохие рисунки, тоже на компьютере... Мило, забавно, трогательно. Все это вместе немного, совсем немного... Поэтому не ручаюсь, что абсолютно правильно поняла непростую человеческую личность. Однако твердо знаю, что с его кончиной потеряла друга. Тут у меня сомнений нет.

Трудно сказать, как и почему мы почти безошибочно определяем близких себе людей, какая система знаков дает нам уверенность в духовной близости или, напротив, чуждости того или иного человека. Но знаки такие, бесспорно, существуют и работают практически безошибочно. Ощущение душевного родства с Владимиром Ивановичем возникло при первом же знакомстве, как кажется, в 1994 году. (Впрочем, он считал, что мы познакомились раньше, нас когда-то представил друг другу А. С. Дмитриев в Москве). Но мне запомнилась именно эта встреча.

Калининград праздновал юбилей своего университета. Предполагалась довольно представительная конференция. Пригласили — приехала. Конференция организована отлично: кто-то встретил, проводил до гостиницы... Гостиница — бывший теплоход, участников конференции расселили по каютам. Неплохо придумано... Только расположилась, стук в дверь: Владимир Иванович. Представляется. Знакомимся. С ходу предлагает вместо того, чтобы сидеть на официальной части, отправиться на Куршскую косу. Я еще не знаю, что такое эта коса, но форму и содержание официальной части представляю себе хорошо. Выбираю косу. И при этом сразу безотчетно фиксирую: *свой*.

Пребывание на косе оказалось приятным. Кроме нас с Владимиром Ивановичем там были еще два коллеги из Польши, тоже приехавшие на конференцию, и приятель Владимира Ивановича, предоставивший нам свою машину и вдобавок устроивший в прибрежном лесу импровизированный пикник с горячительным напитком и домашними разносолами. Последнее было весьма кстати, потому что день был прохладный, да и прогулка затянулась вплоть до вечернего заседания конференции. К нему мы прибыли благополучно и выслушали все положенные доклады.

Так началось наше знакомство. И хотя, как уже говорилось, встречи были редкими, к тому же почти никогда мы не оказывались один на один друг с другом, возникла какая-то удивительная доверительность в отношениях. Переписывались довольно регулярно, особенно на первых порах. Делились новостями, домашними и университетскими. Открывали друг друга.

Одним из бесспорных качеств Владимира Ивановича была какая-то спокойная, ненавязчивая благорасположенность. Он хорошо относился к людям, и они это чувствовали. Впрямую это не высказывалось. Насколько я себе его представляю, он не был пафосным человеком. Напротив, ему была свойственна легкая ироничность. Не обидная и снисходительная, а как бы спокойно-примирительная. Общаясь с ним, я никогда не испытывала ни малейшего стеснения. С ним не надо было «казаться», «держатъ ухо остро». Его можно было смело о чем-то спросить или даже попросить. С ним легко было быть самой собой. В сущности, это человеческое качество не так уж часто встречается. Словом, Владимир Иванович всегда представлялся мне человеком, с которым было неизменно легко, просто, комфортно и... интересно.

То, что мы с ним «профессиональные единомышленники», определилось не сразу. Сначала симпатию вызвала сама личность. Потом пришла очередь обмена научными интересами. Они оказались не

только близкими, но просто общими. Сближали любовь и интерес к литературе немецкого романтизма. Даже образованные филологи не всегда однозначно оценивают эту литературу. Понимание ее, как мне представляется, нуждается в каком-то особом органе. Те, у кого он отсутствует, ее не ценят, даже если знают. Блок называл романтизм «шестым чувством». Владимир Иванович был им наделен в полной мере. Об этом свидетельствуют его статьи и книги.

Однажды во время одного из моих пребываний в Калининграде Владимир Иванович принес мне рукопись. Попросил написать внутреннюю рецензию для издательства. Это был текст небольшой брошюры о трех немецких романтиках: Ф. Шлегель, Гофман, Гейне. Прочитала и поняла, что *этого* автора буду всегда читать вне зависимости от того, попросит он меня об этом или нет. Потому что стало интересно. Прочитанное сразу обратило на себя внимание нестандартностью и подлинной глубиной мысли. Изложение было спокойным и доказательным. Романтизм был прочитан изнутри и прочитан человеком, художественно одаренным, владеющим словом, безошибочно выбранным и поставленным на нужное место.

Таково было первое впечатление от знакомства с ученым по фамилии Грешных. Потом я узнала, что он может писать не только «ученым стилем». Достаточно прочитать его многочисленные статьи, рецензии, предисловие к сборнику рассказов Э. Т. А. Гофмана, изданному на родине писателя, и др.

На протяжении всей научной карьеры Владимира Ивановича немецкий романтизм оставался главным предметом его раздумий. Все его монографии посвящены именно этому предмету. Интересы ученого лежали на стыке философии с филологией. Жизнь «романтического духа», фазы его развития — вот что занимало его главным образом. Не случайно, потому что, как он полагал, «весь опыт развития литературы XX века показывает, что открытия романтиков в области художественного мышления необыкновенно плодотворны».

Художественному мышлению романтиков посвящен и главный труд исследователя — монография под названием «Мистерия духа», опубликованная в 2001 году. Это было подлинно новаторское сочинение философско-эстетического характера. Оно посвящалось изучению «бытия духа» романтических писателей, то есть художественного мышления особого типа, по определению «фрагментарного». Главная мысль очень интересна и по-своему плодотворна. Следить за ее развитием было увлекательно. Научный «сюжет» разворачивался последовательно, открывая различные фазы романтического сознания: энту-

зиазм, карнавал, смятение. Радовали и натиск мысли, и нестандартность подхода, и точно выверенные доказательства.

Монография легла в основу докторской диссертации автора. Диссертация называлась несколько по-иному: «Художественная проза немецких романтиков. Формы выражения духа». Мне довелось писать «отзыв ведущей организации» на этот труд. А потом я опубликовала и рецензию на книгу. Поэтому повторяться не буду.

Думаю, что Владимир Иванович был интересным лектором. Бывать на его лекциях мне не пришлось, однако это чувствуется по его книгам и другим публикациям. Зато о его издательской деятельности могу судить. Выпуски «Балтийского филологического курьера», журнала, вдохновителем и организатором которого был Владимир Иванович, альманах «Побережье», номер научного журнала «Слово.ру: балтийский акцент», появление которого — знаю по письмам — далось редактору не без трудностей, — свидетельства его неутомимой просветительской деятельности. Если учесть вдобавок, что вся эта работа осуществлялась тяжело больным человеком, в последнее время прикованным к инвалидному креслу, да еще испытывающему нестерпимые боли (об этом он очень сдержанно сообщал в письмах). Удивительная работоспособность! Жизнь как подвиг!

Удивительный человек! Добрый и мудрый. Настоящий ученый.

Трудно пока осознать масштаб понесенной потери. Не забудем, однако, что остались книги и статьи. Остались ученики. Осталась память. След еще живой. Остается и надежда, что, как сказал поэт,

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь...

Сергей Исаев, Наталья Владимирова
(*Великий Новгород*)

ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА: О ВЛАДИМИРЕ ИВАНОВИЧЕ ГРЕШНЫХ

С о 1993 года научные и человеческие контакты связывали нас преимущественно с московско-питерской гуманитарной интеллигенцией, особенно филологической — преподавателями, критиками, переводчиками. Мы жили тогда в Узбекистане и о Владимире Ивановиче Грешных ничего не слышали. Однако эта ситуация в корне изменилась с того момента, когда волею судеб мы оказались в Калининграде, познакомились с коллективом филологического факультета калининградского университета и с самим Владимиром Ивановичем, который открылся для нас не сразу. На первом этапе наших калининградских контактов общение сводилось к рабочим беседам во время проведения ГАК. В этой роли тогда выступил Сергей Георгиевич (Исаев. — *Ред.*). Он руководил ГАК и тесно сотрудничал с деканатом и заведующими кафедрами. Личность Владимира Ивановича и тогда еще не выделилась в нашем мире в четкую и ясно обозначившуюся фигуру. Однако вскоре мы оба активно включились в научную жизнь факультета, и когда на одну из конференций впервые приехала Наталия Георгиевна

(Владимирова. — *Ред.*), вдруг совершенно явно обозначилась ситуация «испытания» — что за тема, что за доклад будет прочитан некой Владимировой Н. Г., будет ли она воспринята просто как «жена Исаева С. Г.» или как самостоятельная самобытная личность. Наталию Георгиевну внимательно слушали все! Но Владимир Иванович — внимал каждому озвучиваемому мотиву незнакомой «доцентом-зарубежницей» особенно живо, и по его непосредственной радостной реакции мы сразу же поняли, что ему услышанное в тот день — понравилось! Подобные мгновения, когда душою слышишь подаваемые сигналы «Ты наш!!!», предопределили главный стержень последующих отношений.

И в самом деле, Владимир Иванович — для нас, а мы для него — оказались «СВОИ»! Нам интересны были его темы, его волновало то, чем занимались мы. Но в нашем общении, которое становилось все заинтересованнее и интенсивнее, выделился один мотив, который был для Владимира Ивановича, видимо, особенно дорог, потому что он его неоднократно подчеркивал. Он часто повторял, что ему тот или иной вопрос важно обсудить с нами как с профессионалами. Именно профпригодность явилась для Владимира Ивановича особым знаком, потому что она была для него синонимом подлинности, пропуском в мир его самых глубоких переживаний, где он открывался для нас не просто хорошим человеком, но человеком СВОЕГО ДЕЛА. Именно об этом свидетельствует небольшой фрагмент из письма Владимира Ивановича Наталии Георгиевне.

«28 мая 2011 года. Дорогая Наталия Георгиевна, я неоднократно пытался пробраться к Вам по скайпу, но он, действительно, наверное, закрывается... Спасибо Вам громадное за отзыв, очень, очень приятно читать такой отзыв. Речь, как Вы понимаете, идет не о благожелательности (хотя это тоже важно), а о высочайшем профессионализме... У меня сегодня была вторая лекция в областной библиотеке, неакадемическая, юбилейная. Все прошло хорошо, очень приятно внимание и понимание обыкновенной интеллектуальной публики. "ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГРЕШНЫХ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной филологии Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, представляет юбилейный курс неакадемических лекций FIO, ERGO NON SUM, ИЛИ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА РОМАНА (апрель — июнь, сентябрь — ноябрь 2011 года)". Это из афиши. Всего Вам доброго, С. Г. привет и вам обоим всякие хорошие пожелания по случаю Дня филолога. И Екат. С. И. привет от Л. В.».

В трудные, смутные 2000-е годы Владимир Иванович был очень собран и целеустремлен. Характерно, что в автобиографии он всего лишь в перечислительном стиле сообщает о колоссально-напряженном пятнадцатилетии следующее:

«В 1991 году в издательстве Ленинградского университета вышла монография "Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления". В издательстве Калининградского университета вышли учебные пособия: "В мире немецкого романтизма. Ф. Шлегель, Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне" (1995), "Немецкий романтизм: структура художественного мышления" (2005); монография "Мистерия духа. Художественная проза немецких романтиков" (2001). С 1990 по 2008 год под редакцией В.И. Грешных вышло 10 межвузовских и несколько тематических сборников научных трудов. По инициативе и под руководством В.И. Грешных в Балтийском федеральном университете им. И. Канта прошли четыре межвузовских научных семинара, посвященных творчеству Э.Т.А. Гофмана. С 1990 года является руководителем научных направлений "Проблемы типологии литературы", "Эпоха. Текст. Контекст", в рамках которых проведены международные конференции и семинары по проблемам отечественной и зарубежной литературы».

Итак, в 2001 году у Владимира Ивановича вышла большая монография с характерным названием «Мистерия духа: Художественная проза немецких романтиков», а вслед за этим в МГУ состоялась защита его докторской диссертации «Художественная проза немецких романтиков: формы выражения духа», в которой в полной мере обозначилось его неповторимое научно-исследовательское лицо! Мы сразу же высоко оценили историко-теоретические аспекты книги Владимира Ивановича, стали широко использовать собранные автором «Мистерии духа» материалы о фрагментации, ссылаясь на них в собственных трудах, привлекая внимание студентов к интересным соображениям в лекциях и в работе с аспирантами. Мы не сомневались, что не единственные, кто по достоинству оценит книгу. Когда нам позже удалось поделиться своими оценками с Владимиром Ивановичем, то услышали интереснейший рассказ о защите, который Владимир Иванович неподражаемо передавал в лицах, и самую искреннюю реакцию на то, что в его понимании по-другому и не могло быть. Как и все очень талантливые люди, он одновременно был уверен, что в своей работе о немецких романтиках сделал что-то очень значительное, и в то же время очень нуждался в признании, одобрении, даже просто в комплиментах. Когда он услышал, что его исследовательский труд уже «работает» на учебный процесс, в его глазах засветилась и гордость, и детская радость. «А слышали, — озорно воскликнул он, — как я "заме-

чательно" защищался!!!» И рассказал, как в самый день защиты, направляясь на совет, застрял в московских пробках и как весь совет со знаменитыми на весь мир мужами под командованием председателя совета профессора и заведующего кафедрой зарубежной литературы МГУ Леонида Григорьевича Андреева ждал (ну, разве это не чудо!!!), покуда калининградский мастер с помощью такси и метро явится весь взмыленный, перепуганный и виноватый, чтобы, встав за кафедру перед важным синклитом, с блеском пройти это испытание.

Во второй половине 2000-х годов руководящий коллектив факультета и, конечно, в первую очередь С.С. Ваулина и Владимир Иванович, наладили систематическое проведение замечательных научных конференций и регулярный выход факультетских научных журналов. И те, и другие уже вошли в современную историю литературоведения. На факультете был создан совет по защитам, то есть, в конце концов, сложилась та совершенно необходимая среда, без которой невозможны открытия, ученики и традиции!

Во всех этих начинаниях мы были непременно и желанными гостями-участниками Калининграда и Владимира Ивановича, что давало не только конкретные поводы, но и живой материал для нашего тесного общения. Мы жадно выслушивали выступления Владимира Ивановича, а он наши на пленарных и секционных заседаниях, несмотря на то, что знали их содержание еще до озвучивания. Владимир Иванович любил «проверять» свои гипотезы через реакцию тех, кому он доверял, и мы иногда «часами» беседовали по скайпу, а в других случаях были первыми читателями только что написанных им текстов, присланных с просьбой откликнуться на них. Так было с его замечательной статьей о коммуникативном безмолвии. Аналогичный сюжет закрутился и вокруг его статей о древнерусских повестях, в частности по поводу его искрящегося эссе, посвященного «Повести о Петре и Февронии». Что здесь любопытного! Мы были в восторге от статьи о коммуникативном безмолвии, что не помешало нам «разрешиться» по ее поводу длинными посланиями с соразмышлениями, не всегда совпадавшими с авторскими. Владимир Иванович все их выслушал с огромным вниманием. Мы целый вечер бурно обсуждали статью по скайпу (а потом и в письменных посланиях). Но в окончательный вариант своей статьи Владимир Иванович, как и большинство щедро одаренных людей, не внес ни одного замечания, не исправил там ни одной буквы. И мы это оценили по достоинству — как продуманность и убежденность в самостоятельной позиции.

Последнее не мешало Владимиру Ивановичу оставаться замечательным редактором. Он по несколько раз перечитывал присылаемый материал, относясь к нему по-хозяйски бережно. Иногда наши статьи

лежали в портфеле редакции по полгода, иногда и более. Но в действительности они просто ждали, потому что у Владимира Ивановича планы вынашивались на многие годы. Рано или поздно материал появлялся, оказываясь всегда на месте! Работая редактором, Владимир Иванович придумывал точные, актуальные и содержательные рубрики, нередко исходя из имеющихся материалов. Поэтому структура выходящих под его патронажем журналов всегда отличалась необычностью и подвижностью, способностью откликаться на живые запросы культуры! Это редкостное явление в журналистике, и потому его не всегда вовремя ценят. Сегодня трудно даже представить, какой огромный объем работы выполнял этот хрупкий и необычайно мужественный человек.

Особая форма общения — юбилеи. Здесь искреннее в общении настолько плотно прикрыто ритуалом, что, порою, и не докопаешься до сокровенного. В 2011 году Владимир Иванович отмечал свое 70-летие. Приехать на торжества, проходившие на разных уровнях, мы не могли. Поэтому и знаем о них лишь по рассказам коллег и учеников Владимира Ивановича. Они прислали нам текст сценария его проведения на кафедральном уровне, где с добрым юмором представляли любимого Шефа, который передвигался уже в коляске, но смотрелся в ней, как на Троне. Разыгранный мини-спектакль в его честь порадовал юбиляра, щедро наделенного чувством юмора. Слышали, что чтение Владимиром Ивановичем отрывков из его собственного романа, запланированное в программе торжеств, огорчило его. Роман не имел успеха. Не в том ли дело, что проза не всегда доступна на слух! Наше участие ограничилось письменным поздравлением, и мы вложили в поздравительный текст всю гамму нашего искреннего отношения к юбиляру. Мы писали, что юбилей только повод для того, чтобы высказать юбиляру «наше повседневное уважение и восхищение всем, что делается» им и связано с его именем. Главное, что нам тогда и сегодня хотелось выделить, это тезис: все, что исходит от Владимира Ивановича: «мысли, чувства, размышления в кругу друзей», все, что им создается: «статьи, книги, живопись, редактируемые издания, все, что связано с его социальным и личным поведением — лекции, руководство кафедрой и аспирантами — все это отличает целостность и подлинность!» Мы искренне писали о том, что нас «удивляет и восхищает» многосторонность юбиляра — «признанного в литературоведческих кругах зарубежника», что его «статьи по русской и древнерусской литературе отличаются свежестью прочтения», что блестящие защиты его учеников — это грани и его неисчерпаемой образованности, а редактируемые и выпускаемые под его руководством издания — представляют высокий уровень издательской деятельности Балтийского

федерального университета! С удовольствием, а не приличия ради приняли деятельное участие в юбилейном сборнике научных работ, посвященных Владимиру Ивановичу. Но даже все это в совокупности лишь в малой степени выразило всю глубину нашего уважения и восхищения, потому что чем затейливее была юбилейная вязь текста, тем труднее было с ее помощью выйти на живое общение.

А Владимир Иванович мог и это! В день 70-летнего юбилея Сергея Георгиевича Владимир Иванович прислал официальное поздравление, в котором нет привычного глянца, но дается настолько точная оценка профессиональных качеств, что исключительно и только благодаря ей ясно и просто воспринимаются основы жизненного ракурса и того, о ком пишут, и того, кто готовил текст. Вот небольшая выдержка из поздравления: «Дорогой Сергей Георгиевич! Я всегда испытываю чувство глубокого профессионального удовлетворения, когда получаю для публикации Ваши материалы. Они интересны своим свежим взглядом на проблемы развития теории и истории отечественной литературы, в них пульсирует мысль открытия деталей, эпизодов, которые оказались не востребуемыми или вовсе забытыми в науке о литературе. Ваши интерпретации текста отличаются научной скрупулезностью и точностью, они позволяют вернуть текст в "русло" текста, сконструировать исследовательское поле, которое вбирает в себя опыт предшественников и позволяет выработать свою стратегию. У Вас есть свой исследовательский профиль, а это представляется мне очень важным в творческой жизни ученого...» Владимир Иванович умел видеть и умел соединять внимание к мелочам с перспективами истории культуры и литературоведения. В том же поздравлении он писал: «Мне весьма приятно отметить, что наше общение выражает более широкий контекст творческих контактов — взаимодействие научных коллективов современных филологов двух крупнейших университетов Северо-Запада России».

Сказать, что Владимир Иванович был бойцом, что он умел отстаивать свои позиции, — значит воспользоваться штампом. Да, он умел доказывать, да, он не отступал от того, во что твердо верил. Но он прекрасно понимал и то, что жизнь всегда «отклоняется», «уклоняется», «уходит» и «отходит», что приспособливаться надо не к обстоятельствам, а к особому устройству бытия с его гибкостью, течениями и перетеканиями из одной ипостаси в другую. Вот почему, говоря о жизненной применимости в судьбе Владимира Ивановича, хочется отметить его бесконечное терпение, выносливость и настоящее мужество!

Это проявлялось и в работе с аспирантами. Постепенно сложилась школа филологов-зарубежников, которые помнили не только все, чему их научил Владимир Иванович, но восприняли от него и отноше-

ние к профессии, и сам стиль интеллигентного общения с коллегами. Они становились его преданными друзьями, чуткими, понимающими и всегда готовыми по первому зову прийти на помощь. Он помнил каждого, с кем прошел этот путь в науку и профессию, но особенно тепло в беседах с нами отзывался об Ирине Валентиновне Егоровой и Ксении Андреевне Прасоловой.

Владимир Иванович был настоящим мастером красноречия, не записным говоруном, а человеком, который обладал непередаваемо-убедительной интонацией. Достаточно было услышать особенный тембр его голоса, чтобы согласиться со всем, что он скажет, еще до полного перечня аргументов. Это особый дар особых людей. Вспоминается семинар сентября 2010 года «Автор и жанр: классика незавершенного диалога». Перед его открытием в полном отчуждении и даже в какой-то растерянности восседали друг перед другом четверо основных участников: знаменитый француз Мишель Деги, витавший в филологической атмосфере Парижа 1960-х годов, свидетель «крушения романа» и начала катастрофической эпохи — постструктурализма и деконструкции (почетный профессор университета «Париж VIII», друг Деррида и главный редактор журнала «Поэзи»), немец Герффрид Хорст — председатель немецкого Общества почитателей философии Канта в Берлине, профессор НовГУ Н. Г. Владимирова, которую волновали поэтологические приключения автора в современном английском романе, и профессор НовГУ С. Г. Исаев, стиснувший в руках распечатку сообщения о масках в сказках В. Одоевского. В аудитории застыла в напряженном ожидании молодая профессура, доценты и любопытная студенческая молодежь с вопросом во взорах: «И что же из этого выйдет?» Но вот появился Владимир Иванович. И сразу же всё и все оказались на своих местах. Владимир Иванович в первых словах остроумно предупредил слушателей о том, что «сегодня мы не сможем обстоятельно ответить на многие вопросы, рожденные заявленной темой. Но мы и не прогнозировали законченность размышлений по данной теме в рамках семинара, мы возвращаемся к проблеме, которая, несмотря на многие попытки ее фундаментального изучения, существовала и будет существовать до неопределенного времени. Будем надеяться, что это надолго». Смелый шаг навстречу открытости и незавершенности процесса — удел отважных. Семинар прошел успешно, оставив свой след не только в сознании его непосредственных участников, но и тех, кто воспринимал его перипетии по материалам отчетов в печати.

А еще Владимир Иванович был мачо! Он любил изящество позиции, он был по-настоящему и по-мужски великодушен, приветлив, шутлив и ироничен! Этот многоученный человек — бесконечно обаятелен на отдыхе и во время застолий, от устройства которых никогда

не отказывался и которые искренне любил как праздник близкого общения. Он часто пользовался минутами отдыха, чтобы поговорить о жизни, рассказать о своей молодости, нередко вспоминал родные липецкие места, в которых вырос и вдали от которых тосковал. Его тянуло к истокам, особенно в последние годы. Один из таких внутренних импульсов однажды завершился великолепной застольной сценкой. Владимир Иванович, уже раскрепощенный и свободный, размышлялся, как он пребывает на родине, поселившись там в маленьком уютном домике, на природе, среди зелени, среди цветущих кустов и деревьев. В его воображении солнце сияло, птицы пели, а хозяйством управляла незаменимая Любовь Васильевна. Мы, благодарные слушатели, мысленно путешествовали с ним. Но Любовь Васильевна только иронично улыбалась. Эхом ее реакции прозвучала реплика: «Владимир Иванович, а как быть, если Любовь Васильевна откажется от вашей задумки?» В углу за столом стояла коляска, а за нею костыли Владимира Ивановича. Но он и глазом не моргнул. Озорно повернулся и, как истинный мачо, ответил: «Ничего! Поселянку возьму!!!» — и через секунду вместе со всеми готов был от хохота упасть на пол.

А еще он рисовал — когда не мог держать в руке кисть или карандаш, пользовался компьютером и рисовал с помощью «мышки». Вот один из великолепных рисунков, присланных нам.

В электронном письме Наталия Георгиевна, описывая впечатление, высказала пожелание, которое, как нам обоим кажется, актуально и сегодня: «Ваша картина очень понравилась. Она и с подтекстом, и с гофмановским флером, при том что индивидуально-творчески – ВАША! У Вас, возможно, уже набирается альбом. Вот бы его напечатать к юбилею (наряду с трудами)!»

В ответ 4 марта 2011 года Владимир Иванович писал по поводу своего маленького шедевра: «Спасибо за "философию", я хотел давно Вам послать это, но все как-то не случилось. Посылаю свою поделку в стиле ЭП (эстетический примитив) и говорю до свидания! Ваш В. Г.».

Эстетическое чувство, стремление избежать штампов проявлялось даже в традиционном праздничном поздравлении, которое часто отправляется между делом, просто как сигнал: «Я вас помню!» Вот одна из присланных им милых поздравительных картинок:

Владимир Иванович был успешным профессором и читал курсы по зарубежной литературе от Античности до XX столетия. Его образованность и эрудиция восхищали. В последние годы московские и питерские издательства с особой охотой рассматривали его фигуру в качестве исполнителя своих научных заказов. Как жаль, что мы не дожили до завершения этого уже начавшегося на наших глазах блестящего этапа в жизни видного филолога и человека на все времена!

*Александр Ерохин
(Ижевск)*

**«ПОИСК УСКОЛЬЗАЮЩЕЙ МЫСЛИ»:
В. И. ГРЕШНЫХ О СТРУКТУРЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ
НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА**

Пишущему эти строки довелось лично познакомиться с Владимиром Ивановичем лишь в последние несколько лет его жизни и прочитать некоторые из его работ, к несчастью, из-за малотиражности не всегда доступных исследователям из других российских городов. Но уже сейчас очевидно, что книги В. И. Грешных по истории и эстетике немецкого романтизма составляют особую главу в истории отечественной германистики, дают ему заслуженное право именоваться основателем «калининградской школы» по изучению этого уникального феномена мировой литературы.

Прежде всего хотелось бы отметить у Владимира Ивановича нежелание следовать по уже однажды проторенным академическим «тропам», точнее, его умение открывать за такими обобщающими, имеющими широкое хождение понятиями, как «фрагмент», «диалог», «историзм», «двоемирие», сложные, глубокие, дифференцированные миры, требующие для своего описания более тонкого инструментария. Так, романтическая фрагментарность в его текстах диалектически увязывается с диалогизмом и встраивается в перспективу концептов «бесконечности» и «переходности».

Проблема переходности романтизма как исторического этапа литературной эволюции также решается В. И. Грешных нетривиально:

он говорит не о последовательных фазах-периодах развития немецкой романтической литературы, а о фазах движения романтического духа. Тем самым разговор переводится из плоскости рациональной хронологии, построенной на причинно-следственных связях, в область психологии творчества и языковой философии. Очевидно, что изучение того, как порождается и облекается в слово «ускользающая» романтическая мысль, для Владимира Ивановича имеет первостепенное значение. Для него строгое следование историко-литературным фактам, по-видимому, образует лишь внешний, неосновной план в работе историка литературы; внутренним, главным по сути планом для него становится «поток ассоциаций, формирующий мыслительную панораму литературного процесса», как это сказано в одной из его последних работ, посвященной разбору лекции о Клейсте еще одного выдающегося специалиста по немецкому романтизму — А. В. Карельского [1, с. 88–89].

Двуплановость подачи материала, присущая как А. В. Карельскому, так и (особенно!) В. И. Грешных, отдает первенство принципу нелинейности («панорамности») в рассмотрении литературных явлений, прежде всего — немецкого романтизма. Линейная историческая конструкция, во главу угла ставящая последовательную смену литературных явлений, у В. И. Грешных усложняется за счет введения принципа синхронности и simultанности существования различных фаз романтического духа [2, с. 15]. Нелинейный, панорамный, или полифонический, способ рассмотрения включает в себя внимание к психологическим и языковым способам смещения смыслов или создания особой, неисторической «переходности». Это средства метафоризации, контраста, вариативности, а также — и не в последнюю очередь — работа памяти как основного источника романтического словотворчества. Память художника, в свою очередь, в поисках образного «материала» обращается к истории. История — в случае с романтиками это преимущественно европейское Средневековье — актуализирует и интенсифицирует эстетические и языковые ресурсы, но не является при этом центральной движущей силой романтического метода.

Такова, на взгляд автора заметки, «структура художественного мышления» немецкого романтизма, манифестированная в работах В. И. Грешных. Эта структура не вписывается в схематику «двоемрия» или «историзма». Она предельно динамична и в некотором роде ситуативна, «контингентна», поскольку предполагает действенное, актуальное самораскрытие романтического духа или, иными словами,

романтическую авторerefлексию, разворачивающуюся в такие универсальные философско-художественные принципы и методы, как ирония, герменевтика или диалектика.

Еще одна плодотворная аналогия связывает работы В. И. Грешных о немецком романтизме с перспективами изучения литературы и искусства XX века. Эстетика фрагмента, «с виртуозной тщательностью» (А. А. Гугнин) проанализированная Владимиром Ивановичем, находит своих продолжателей в литературе XX века. Принцип фрагмента проявляет себя, в частности, в творчестве двух антиподов в немецкой литературе — «левого» Вальтера Беньямина и «правого» Эрнста Юнгера.

Беньямин, в начале своего творческого пути основательно занимавшийся йенскими романтиками, позднее как автор и исследователь сам обращается к жанру фрагмента в автобиографических текстах — в частности, в «Берлинской хронике» и «Берлинском детстве в начале двадцатого века». Это сцепление фрагмента и автобиографии не случайно с точки зрения жанра и структуры мышления Беньямина — в поисках «потерянного времени» собственного прошлого он, едва ли не буквально следуя за прихотливой работой творческой памяти, описанной В. И. Грешных на материале немецкого романтизма, демонстрирует ее комплексную нелинейность во фрагментарных «мыслеобразах» (Denkbilder), своеобразных прозаических миниатюрах, располагающихся на пересечении философии и эссеистики. Интересно, что проблему прерывности воспоминания у Беньямина и Мандельштама и их отношение к историческим повествовательным конструкциям исследовал в 2005 году Е. Павлов, пришедший, независимо от Владимира Ивановича, к близким выводам [3].

Что же касается Эрнста Юнгера, то его творческая биография заставляет вспомнить другую модель состояний романтического духа, предложенную В. И. Грешных: «энтузиазм», «карнавал» и «смятение». Как и у Владимира Ивановича, у Юнгера о последовательной смене этих состояний или фаз говорить едва ли возможно; перед нами — именно «модусы» двупланового процесса созидания и разрушения, по-разному акцентуированные на различных стадиях его творческого пути. Во всяком случае, Юнгер, начинавший в 1920-е как неоромантический «энтузиаст» — националист и нигилист, уже в конце 1920-х и в 1930-е годы создает амбивалентный сюрреалистический «карнавал» в двух редакциях «Рискующего сердца».

Как у Юнгера, так и у Беньямина фрагментарный стиль мышления подобен ударам молнии, высвечивающим отдельные осколки — или глыбы — истины в деформированном, «всклоченном» истори-

ческими катастрофами ландшафте. Так в XX столетии обнажается структура художественного мышления. Место монадического фрагмента занимает чудовищный лик Горгоны, являемый нам в цепи вспышек-мгновений и озаренный странным, искусственным, нечеловеческим светом познания. Здесь стоит еще раз отдать дань уважению В.И. Грешных, нащупавшему своими смелыми ассоциациями (достаточно хотя бы вспомнить сравнение Клеменса Брентано и Сэмюэла Беккета) ряд новых возможностей для рассмотрения литературы модернизма и авангарда через призму романтической эстетики.

Список литературы

1. *Грешных В.И.* Генрих фон Клейст: лекция А. В. Карельского // Балтийский филологический курьер. 2011. №8.
2. *Гугнин А.А.* В.И. Грешных как исследователь немецкого романтизма: несколько юбилейных заметок // Художественный текст: современные интерпретации. Калининград, 2011.
3. *Павлов Е.* Шок памяти: Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. Берлинская хроника. М., 2005.

Людмила Ольховская
(Полтава, Украина)

УЧИТЕЛЬ. ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

Когда мы, вчерашние школьники, поступили на литфак Новозыбковского пединститута, судьба уготовила нам встречи со многими прекрасными людьми — преподавателями этого вуза. Античную литературу должен был читать старший преподаватель Владимир Иванович Грешных. Идя в первый раз на его лекцию, мы еще не знали, что для многих девочек (а на литфаке ведь всегда были преимущественно девочки) этот человек станет первой любовью, идеалом мужчины, преподавателя, филолога. А стал, это бесспорный факт. И для меня, и для многих моих сокурсниц, и даже, как потом выяснилось, для многих предыдущих и таких же многочисленных последующих поколений студенток.

Высокий, худощавый, в неизменном сером пуловере под горло, с неповторимым римским профилем, он очень быстро приобрел над нами удивительную власть. Что бросалось в глаза сразу? Его оригинальность (и внешнего, и внутреннего облика), его объективность, его спокойствие, деликатность, его независимость мнений. Мы стали любить то, что он любил, интересоваться тем, о чем он хотя бы мельком упомянул. Прошло более трех десятилетий с того времени, а я прекрасно помню, как Владимир Иванович назвал нам почти недоступный тогда булгаковский роман «Мастер и Маргарита». На следующий день этот роман, опубликованный в журнале «Москва», был у нас в общежитии, и мы, стараясь по очереди, но все же выхватывая его друг у друга, читали, читали. Стоит ли говорить о том, что когда роман, уже в отдельном издании, попался мне позже, я купила его за немислимые тогда деньги — 35 рублей (почти половина моей тогдашней

зарплаты!) — в память о любви к Владимиру Ивановичу. Равно как и «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле. Этого, правда, выменяла за серебряные полтинники — бабушкино наследство. Обе книги стоят сейчас на книжной полке.

Помню, как мы бегали к Владимиру Ивановичу на репетиции какого-то литературного вечера в старый корпус нашего еще не Брянского — Новозыбковского института (в Брянск нас перевели на втором курсе) и я читала блоковское:

Мне страшно с тобой встречаться,
Страшнее — тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
Во всем находить печать... —

а Владимир Иванович слушал так, как мог слушать только он.

Он жил тогда со своей семьей (женой и маленьким Антоном) в нашем общежитии. Телевизор был один на всех, и стоял он на какой-то общей кухне. Вспоминается, как Владимир Иванович позвал всех нас смотреть «Гамлета» с Иноккентием Смоктуновским. Это тоже был урок. Вполглаза следили за действием на экране, вполглаза — за реакцией Учителя.

В комнате у Грешных я никогда не бывала, как, впрочем, и многие другие студентки, мы только знали, что приходит в гости к любимому учителю второкурсница Ира Дроханова, очень полная девочка, которая не пользовалась успехом у наших мальчиков, редактор литфаковской стенной газеты «Слово». Легко догадаться, как мы все ей завидовали, и как бы с радостью отдали всех наших тогдашних воздыхателей за право бывать там, и как с пристрастием выпытывали все подробности таких посещений после ее возвращения из «святого места» — комнаты преподавателя с прекрасной библиотекой и забавным Антошкой.

На старших курсах, уже в Брянске, Владимир Иванович Грешных вел у нас курс зарубежной литературы. В общежитии он уже не жил, вероятно, получил отдельную квартиру. Одеваться стал более разнообразно (мы всегда за этим следили!). Однако главным было не это. Главным были его лекции, его слова. На эти лекции мы ходили, как на свидания. Вспоминается, как однажды он говорил о любви к женщине, пересказывая фрагмент какого-то произведения, — ясно, что вся зарубежная литература, по большому счету, об этом: вот есть простая веточка — и ничего в ней особенного, но если поместить ее в раствор соли, а потом вынуть, она, покрывшись кристаллами, вся заискрится, засияет, станет волшебной. Так и любовь, поклонение способны пре-

творять обыденное в чудесное, обычную женщину сделать богиней, музой, возвести на пьедестал. Запомнилось на всю жизнь. Это уже сейчас, с вершины моего возраста мне жаль всех моих женихов, которые не выдержали — да и могли ли выдержать?! — сравнения с Владимиром Ивановичем Грешных. Нужно ли говорить, что я им всем в обязательном порядке о Владимире Ивановиче рассказывала. Может быть, они даже его не любили...

Совсем еще молодой, лет на 15–16 старше нас, уже тогда он становился в наших глазах самым значительным человеком из всех встреченных людей. Своим присутствием он изменял, облагораживал целый мир вокруг себя, а мы были, как в воронку, в этот сказочный мир, втянуты. Круг его интересов был необычайно широк, и он умел делиться своими сокровищами со всеми, кто только хотел брать. Все, что бы он ни делал, напоминало нам, вчерашним школярам, что существуют ценности, от которых нельзя отречься ни в коем случае: достоинство, внутренняя свобода, уважение к человеку, здравый смысл. От него исходила глубокая добрая сила. Он будто показывал всем нам, каким может быть человек, он поднимал планку высоко-высоко и держал ее, ни разу не дав повода усомниться, разочароваться, устать. Видеть Владимира Ивановича, слышать его, общаться с ним было величайшим счастьем, щедрым подарком судьбы. Мы объединялись вокруг нашего любимого Учителя, и не знаю, получал ли что-то он от такого общения, но мы приобретали сполна, мы имели возможность хоть в такие короткие минуты объединения подышать чистым воздухом вершин. Многие пишут сейчас, что им до сих пор слышится его неповторимый голос. Действительно, стиль его лекций был стилем его души. Так, как говорил он, могут говорить только люди особенные, те, которым был дан дар человеческого, слишком человеческого. Он был центром, вокруг которого кипела жизнь, потому что он умел прислушиваться к шороху каждой мысли, выпрямлять все существенное, развить все недоразвитое... Может, мы были тогда слишком романтичны и мало практичны — все наше поколение, но от такого романтизма я не хотела бы избавляться даже сейчас, прожив большую часть жизни и оказавшись, как все, совсем в других реалиях...

А потом мы расстались, а когда встретились (через три десятилетия!), пусть и в социальных сетях, виртуально, оказалось, что наши чувства к Владимиру Ивановичу — к его облику, к его творчеству — нисколько не потускнели. Мы снова были с ним, мы, его ученики, все, кто любит и помнит. Были — трудно в это поверить! — в его друзьях, среди его друзей! Можно было запросто написать этому великому че-

ловеку и получить ответ. «Я горжусь Вами», — эти его слова до сих пор на моей страничке в «Одноклассниках», а мои книжечки о короленьковском музее, которые он захотел прочитать, — в его доме.

Его облик достиг завершенности, ведь и внешней завершенности человек достигает по мере того, как заканчивается его земной путь. Этот облик был не менее притягателен, чем в молодости! И об этом мы не преминули смело заявить своему учителю. Его друзья-ровесники удивлялись: «Как же тебя, оказывается, любят, Володя».

Диалоги, выставки все новых и новых картин, комментарии к ним... Оказалось, Владимир Иванович обладает незаурядным художественным талантом! «Мне все интересно», — писал он нам. А я ему писала: «Рада, что Вы живы, легко откликаетесь и неподражаемо рисуете».

Думаю, он понимал, чем был для нас, поэтому, несмотря на свою занятость и тяжелую болезнь, был с нами (единственным из наших институтских преподавателей) до конца.

Когда я сейчас размещаю новые фотографии на своей страничке в «Одноклассниках», первая мысль: Владимир Иванович этого не увидит, как жаль! Не напишет в комментариях к изображению музейных предметов: «Как прелестно!»

И все-таки в литературном / творческом мире смерти нет. Останутся книги, статьи, рукописи, рисунки Владимира Ивановича, останемся, наконец, пока на этой земле мы, на которых навсегда его отпечаток, а мы передадим знания и чувства другим — и так будет длиться эстафета и не закончится никогда-никогда, а все мы живем на этом свете лишь миг, более или менее продолжительный.

Обаянию его слова и облика нет предела во времени.

Галина Яновская
(Калининград)

ДУХ УЧИТЕЛЯ: НЕРАСТОРЖИМА СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Да разве сердце позабудет
Того, кто хочет нам добра,
Того, кто нас выводит в люди,
Кто нас выводит в мастера!

1987 год. Первый курс филфака. На перемене в узком коридоре старшекурсники восторженно обсуждают лекцию, спорят. Тут и там раздается «А Грешных сказал...», «Нет, наоборот, с точки зрения Грешных...» Первокурсная мелюзга заинтригована: Грешных, Ницше, Кафка, Пруст — все в одном магическом сплаве. «Дорастете до 4-го курса — узнаете, кто такой Грешных. В двух словах не скажешь. Его надо СЛЫШАТЬ!» По иронии судьбы моему курсу так и не посчастливилось услышать Владимира Ивановича: он ушел в творческий отпуск писать докторскую диссертацию. И в памяти моих однокурсников зарубежная литература XX века осталась невыразительной серой глыбой: Кафка, Джойс, Сартр, Пруст без Грешных разом лишились жизни.

Я оказалась самой счастливой. Позже, будучи уже ассистентом кафедры, которой руководил Владимир Иванович, я услышала зарубежную литературу в исполнении своего Наставника. Это было откровение! «Виртуозно», «потрясающе», «грандиозно» — ни один из эпитетов не способен выразить всю полноту переживаний, охватывающих зрителей во время величественной мистерии Духа под названием «XX век. Грешных». В сопровождении Мастера мы попадали в Ма-

гический театр Германа Гессе, входили в Замок Франца Кафки, блуждали по лабиринтам сознания Джеймса Джойса, ждали Годо с Сэмюэлем Беккетом, искали утраченное время с Марселем Прустом... А попутно совершали фантастические экскурсии в глубину веков. И перед нами разворачивались необозримые просторы мировой культуры. Все оказывалось связано со всем незримыми нитями животворящего Духа. Вселенная дышала.

А ведь все это богатство было прочитано мною еще на 4-м курсе. Но тогда не цепляло — было последней частью обязательной программы общего курса зарубежной литературы. И только теперь в слове Мастера обрело новую жизнь. Неожиданная параллель, скрытая аналогия, сходство и контраст, загадочно-ироничная и возвышенно-патетическая интонации, шепотка интриги и мистификации вдруг переворачивали шаблонные представления о, казалось бы, знакомом произведении. «Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой» — и в романе А.С. Пушкина, и в магическом слове Мастера.

Тот вид занятий, который в учебном плане именуется лекцией, под рукой Мастера становился художественным произведением. На наших глазах из зачитанной до дыр книги Мастер создавал настоящий шедевр, живую Вселенную. Одна фраза: «Фоновому персонажу Сартр дает убийственную характеристику: "Наедине с собой этот человек всегда спал"» — и Сартр становится таким родным, близким, живым. Одна фраза: «Я Марсель Пруст. Я подписываю этот роман "В поисках утраченного времени"» — и сердце бьется в упоенье, и хочется бежать домой сломя голову, чтобы схватить книгу и перечитать заново, уже другими глазами — глубокими, зоркими глазами моего Учителя.

Так Владимир Иванович влюбил меня в зарубежную литературу XX века. Какое-то время мы с ним читали этот курс на разных отделениях филфака, а потом и на разных факультетах. Вводную лекцию я начинала так: «Этот курс буду вести я. Вам не повезло. У зарубежных его читает Владимир Иванович Грешных — мой Учитель. В своих лекциях я буду опираться на его концепцию. Но советую посещать и его занятия. Я и в подметки ему не гожусь». Теперь мои студенты знают только его имя и основные идеи трудов. А я по-прежнему не гожусь ему в подметки, несмотря на 20-летний опыт преподавания.

Двадцать четыре года назад в обшарпанном коридоре филфака моему Учителю хватило пяти минут перемены, чтобы влюбить меня в Пушкина и Байрона, в XIX век. Это была наша первая встреча и первая консультация по курсовой работе длиною в выкуренную сигарету, но продлившаяся более 20 лет. Ну что нового можно найти у Пушки-

на и Байрона, чего до тебя не откопали ученые мужи? Владимир Иванович грациозно закурил сигарету: «Голубушка, прочитайте тексты с карандашом в руках, бесстрастно, как филолог. Сделайте пометки на полях обо всем, что покажется вам интересным. Текст сам направит вас в нужное русло. Тексты с пометками принесите мне. По ним я пойму, сможем ли мы сработаться. Обратите внимание: английский романтизм... — Пауза, струйка дыма. — Русский романтизм... — Пауза, струйка дыма. — Бунт... — Пауза, струйка дыма. — А что, если посмотреть с другой стороны — с точки зрения художественной формы... — Пауза, струйка дыма. — Поэма... — Пауза, струйка дыма. — Прочитаете, голубушка, приходите». Прозвенел звонок на пару. Сигарета погасла.

По ключевым словам моего Учителя, как по нити Ариадны, я написала курсовые работы и дипломное сочинение, а потом тезисы докладов, научные статьи и диссертацию. С диссертацией отношения никак не клеились. Пять раз с карандашом в руках дочитывала роман Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй» до 13-й страницы и швыряла книгу. Ну не идет, хоть тресни! Не вижу нити, все рассыпается. Владимиру Ивановичу не признавалась. Он сам все понял: «У меня сегодня ваша Вирджинька. Правда, не "Миссис Дэллоуэй", а "Пятно на стене". Приходите. Четвертая пара». Аудитория была заполнена полусотней студентов. Но этот маленький рассказ В. Вулф мой Учитель превратил в шедевр только для меня. Из одного рассказа он протянул мне нить, ставшую ключом к пониманию романа, всего творчества и самой Вирджинии Вулф.

«Поздравляю. Чувствуется школа Владимира Ивановича», — сказала после защиты диссертации мой оппонент — профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Н.В. Владимирова. И это была чистая правда. Все, что я есть в профессиональном плане, — это школа моего Учителя. Нет, не его стиль, не его почерк — это уникально, гениально и невоспроизводимо. Во мне живет его Дух. Видеть скрытое между строк, улавливать ускользающее, не бояться полета мысли, в чашечке цветка обрести весь мир — этому научил меня мой Наставник.

Перечитала грешинки. Есть такой жанр — стихотворная пародия на сотрудников кафедры по случаю важных событий. Его изобрел Грешных. Рассмеялась сквозь слезы. Ведь и этому я научилась у него. Нет, не грешинкам — этому не научишься, харизма нужна, — а внимательному, чуткому отношению к тем, кто рядом с тобой, за кого ты ответственен, кто близок и дорог — не по крови, а по общему Делу, по Духу, по Судьбе.

Показалось, что с уходом Владимира Ивановича я осиротела: что-то важное, громадное, сущностное вдруг покинуло мою жизнь. Как же теперь входить в аудиторию и читать зарубежку БЕЗ НЕГО? Ведь я осталась один на один с прекрасным и безобразным XX веком!..

На лекции все рассыпалось. Слова становились липкими и тягучими. Мысль то буксовала, то бунтовала. Будто КТО-ТО ждал, чтобы я произнесла главную фразу всей своей жизни: «Этот курс я посвящаю памяти великого ученого, моего Учителя — Владимира Ивановича Грешных. Без него не было бы меня». И через несколько минут несобранность улетучилась, нервозность исчезла, слова обрели плоть и кровь, будто КТО-ТО вновь вдохнул в них жизнь. Скептики и циники могут ухмыльнуться, но в тот момент мой Учитель был не рядом со мной, а во мне. Его Дух наполнил аудиторию дыханием Вечности. В глазах студентов заблестели слезы.

Теперь я точно знаю, что невозможное возможно. По XX веку мы по-прежнему проходим вместе — Учитель крепко держит за руку свою ученицу. Его незримое присутствие поможет нашим ученикам найти кошку под дождем, выбраться из сада расходящихся тропок, написать письмо полковнику, поиграть в бисер, расследовать случай в зоопарке. С ним мы не будем бояться Вирджинии Вулф.

Связь времен нерасторжима. Дух Учителя с нами.

Низкий Вам поклон, Владимир Иванович!

*Анжелика Васкиневич
(Калининград)*

«АТМОСФЕРА ДУХА КАК РЕАЛЬНОСТЬ»: ИЗ ЛЕКЦИЙ В. И. ГРЕШНЫХ

«*Т*офман родился 24 января 1776 года на улице недалеко от Нижнего пруда (возле Историко-художественного музея). В этом доме Гофман прожил немного, затем вместе с матушкой переехал на Постштрассе. На третьем этаже жил Захария Вернер. Он воплощал в себе все черты человека энтузиастического типа (он напоминает Ансельма)».

Именно так — *in medias res* — началась лекция Владимира Ивановича Грешных о Гофмане в далеком 1991 году, которую мне довелось слушать, будучи студенткой романо-германского отделения Калининградского государственного университета. Теперь и отделения такого нет, и университет называется иначе, а лекции Владимира Ивановича все еще хранятся у меня на полке, и когда я открываю их, мне слышится мягкий, но уверенный голос и видится ироничный взгляд из-за приспущенных очков. Гофман... недалеко от Нижнего пруда... матушка... Это вдруг делало чужой для меня город, в который я приехала за год до поступления в университет, хоть чуточку живым и близким. До того в школе учительница русского языка и литературы однажды оставила меня после уроков и три часа пыталась мне доказать, что литература должна быть партийной... Разительный контраст. Оказывается, человек энтузиастического типа может быть иным, ему это позволено в романтизме: «Центральным является не просто сам человек, романтиков интересует только индивидуальное, личностное, неповторимое». Индивидуальное, личностное и неповторимое — с каким тру-

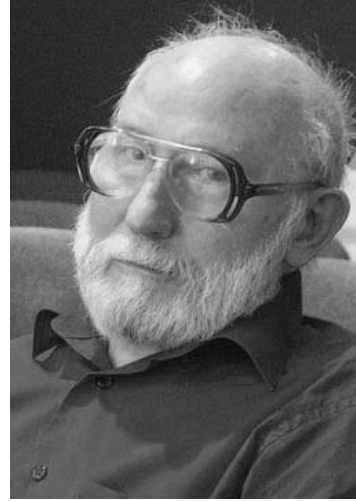

дом все это отстаивалось, как все это теряется сегодня снова, под горами стандартов — было и в самих лекциях Владимира Ивановича. Это было именно то, что привлекало и завораживало нас, тогдашних студентов, только-только глотнувших свободы: кто-то — личной, все — политической, и вот теперь, в университете — духовной. Казалось, нам открывается весь мир... И ключ к тайне этого мира нам сейчас и передают: «Это диалог, незавершенная система мыслей, утверждающий этой незавершенностью бесконечность мира и мыслей о человеке. Герои — Учитель и Ученик. Они беседуют о природе, о человеке и о способах познания мира и человека». Это уже из лекции о Новалисе, переходящей в разговор о романтическом фрагменте. «Я человека — это центр человечества. Только в себе самом, в средоточии своего собственного существа можно найти смысл жизни путем духовного созерцания». А это уже из Шлегеля. И далее — для нас, студентов, не ясно, цитата это или комментарий: «Человек никогда не может отворотиться от бесконечности. Человек — частица бесконечности». Но при этом — удивительные вещи! — оказывается, бургомистром Кёнигсберга был Гиппель — писатель! — и Гофман дружил с его сыном! Надо же, какие бывают бургомистры... Ибо «мир велик, и в нем многое может существовать одновременно»... А у Гофмана «открываются перспективы художественной литературы будущего — XX столетия. Атмосфера духа как реальность». Тогда — быть может, потому, что нам слишком этого хотелось — эта перспектива представляла не кафкианской, несмотря на то, что именно о таком повороте говорил Владимир Иванович, но в образе кавалера Глюка перед нами — знающими немецкий язык и любящими игру слов — возникало Счастье, правда, русскоязычные ассоциации намекали на его иллюзорность и создавали иронический контекст, усиливающий иллюзорность и ироничность самого произведения...

«Атмосфера духа как реальность». Мы поняли это тогда по-своему. Мы старались жить и работать так, чтобы атмосфера духа стала нашей реальностью. И какое-то время нам даже удавалось так жить. А теперь... теперь пришла пора перечитать другую лекцию Владимира Ивановича — об эпопее Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»...

<ФРАГМЕНТ О ФРАГМЕНТЕ>¹

Думается, что одной из самых значительных жанровых форм идеализма стал фрагмент, который в эстетике ранних немецких романтиков не только узаконил свое существование, но и определенным образом повлиял на художественное сознание эпохи [1, с. 12–23]. Открытость и незавершенность фрагмента означала не только выражение в литературном контексте философских идей этого времени понятия бесконечного, но и решительный поворот в художественном мышлении. Жанр и литература в целом понимались как изменение и бесконечное становление и развитие. Но что такое бесконечное становление и развитие для литературы в целом и для жанра?

Фрагментарный принцип построения произведений предполагал не только открытость и незавершенность целого (произведения), но и незавершенную открытость части, которая утрачивала логическую, коммуникативную связку (разорванность на уровне целого).

Каждая часть как фрагмент способна к самодвижению, саморазвитию, к порождению другого текста. Идея фрагмента саморазвивается, и ее развитие бесконечно. Мысль «ускользает», она вырывается из фабулярного корпуса; продолжить ее можно на другом уровне, в другом тексте. Любопытны в этом смысле признания Гёте о художественной функции ретардации в гомеровской поэме, которыми он делится с Шиллером по поводу своей работы над «Германом и Доротеей». Гёте сообщает Шиллеру, что он реализует план, согласно которому в эле-

¹ Републикация фрагмента учебного пособия: *Грежных В. И.* В мире немецкого романтизма: Ф. Шлегель, Э. Т. А. Гофман, Г. Гейне. Калининград, 1995.

гии все «кажется разрешенным и законченным, меж тем как попятное движение словно бы вызывает к жизни некую новую поэму» [2, т. 1, с. 339]. Эта мысль Гёте чрезвычайно интересна. Ведь он, в сущности, говорит о «подвижной» структуре поэмы (жанра в целом), о ее незавершенности, о праве автора включать все новые и новые части, «чтобы сделать целое более ясным и доступным и чтобы своевременно подготовить будущие события» [2, т. 1, с. 336]. Он выдвигает идею построения произведения, которая «возвращает» его к принципам художественного мышления Античности и приближает к романтикам, которые в своей художественной практике активно развивали принцип порождающего текста или идеи. Сам же Гёте плодотворно использует этот принцип в «Западно-восточном диване». Дело в том, что гётевский цикл представляет собой прекрасно структурированный хаос поэтических текстов, лирических этюдов, в каждом из которых доминирующая мысль, философия, идея отражают картину работающего сознания. Этот цикл по многим своим формальным параметрам можно сравнивать с послегётевскими произведениями – трагедией А. С. Пушкина «Борис Годунов», романом М. Пруста «В поисках утраченного времени», романом Д. Джойса «Улисс», гиперроманом Майкла Джойса «Полдень». Основным признаком текста художественных образований подобного рода является их фрагментарная природа.

Конечно, гётевский цикл по своей структуре (внешней, традиционно обозначаемой и представляемой) далек от современного постмодернистского текста или гипертекста, в которых сама форма демонстрирует несогласие с традицией, с определенной эстетической нормой, но структура внутреннего самосозидающего мира «Западно-восточного дивана» близка современной. Гётевский цикл сближает с современной литературой то, что в нем, как и в экспериментальной литературе XX века, логика мышления демонстрирует не картину нанизывания возникающих идей на повествовательный (сюжетный) стержень, а создание атмосферы столкновения этих мыслей, открытый для всех (автора, читателя) процесс творения полилога (предполагаемого, реального, интертекстуального), утверждение идеи свободы творческого мышления.

В статье «Литература» (1803) Ф. Шлегель писал: «Необычайная свобода мышления не только пробуждена некоторым образом, но и провозглашена и организована, так что нам следует позаботиться лишь о всеобщем распространении и более тщательном развитии однажды достигнутого достоинства, которому нельзя дать исчезнуть вновь» [3, т. 2, с. 21]. Речь, как видно из текста, идет о свободе мышле-

ния, которую так ценили ранние немецкие романтики и утверждали всей своей художественно-практической деятельностью. Сам Ф. Шлегель написал роман «Люцинда», в котором демонстрируется и свобода художественного мышления, и свобода поведения человека.

Современники Ф. Шлегеля приняли этот роман неоднозначно и из-за формы, и из-за содержания. Так, Ф. Шиллер сообщил Гёте о появлении этого романа следующее: «Несколько часов тому назад у меня просто голова пошла кругом из-за шлегелевской "Люцинды", и я до сих пор не могу прийти в себя. Вам нужно познакомиться с этим изданием хотя бы любопытства ради... Все та же вечная бесформенность и фрагментарность <...> сочинение это является апогеем современной аморфности и неестественности, и кажется, словно читаешь какую-то мешанину из "Вольдемара", "Штернбальда" и непристойного французского романа» [2, т. 2, с. 231 – 232].

В ответе на письмо Шиллера Гёте благодарит его за то, что он помог ему «составить более точное представление о диковинном издании Шлегеля». Но вот, пожалуй, главное в определении сути этого романа: «Все читают его, все бранятся, однако уяснить, в чем же, собственно, состоит дело, невозможно» [2, т. 2, с. 233]. Не правда ли, эти слова Гёте перекликаются с признаниями П. А. Вяземского: «Романтизм, как домовый. Многие верят ему: убеждение есть, что он существует: но где его приметить, как обозначить его, как наткнуться на него палец?» [4, с. 36]. Гёте пытается понять, что же такое роман Ф. Шлегеля, а Вяземский – романтизм. Впрочем, для Гёте и Шиллера романтизм был реальностью времени, как и для Вяземского, но дело тут в их отношении к этому явлению в литературе, в их стремлениях понять его суть. Ведь как бы не ругали метры немецкой литературы роман Ф. Шлегеля, его появление стало значительным событием в художественной практике романтиков [5, с. 135].

Этот роман дает довольно четкое представление о структуре художественного мышления ранних романтиков, в нем реализуются теоретические выводы, к которым пришел Ф. Шлегель, размышляя о сути романтизма. В «Люцинде» Ф. Шлегель буквально и символично выразил понятие бесконечного движения, «ускользающей» мысли, образа. В романе раскрывается сам «механизм» мышления, в него включаются «куски сознания», которые свободно вступают во взаимодействие, что с точки зрения здравого смысла является нарушением привычной логики мышления (тезис – антитезис – синтез; причина – следствие). «Куски сознания» сопрягаются, диалогизируют по принципу «отдаленной причины» (Борхес). То есть причина появления какой-то мысли, эпизода «памяти» в том, что этой реальной причины нет. Мысль «всплывает» из глубин сознания, нарушая диахронию и синхронию

фабулы — рассказа о Юлии и Люцинде. Это можно рассматривать и как ассоциативный принцип сцепления мыслей, но разумнее, наверное, это надо понимать как свободное (анархическое) монтирование мыслей, которые «всплывают» в памяти писателя.

Читаем Ф. Шлегеля: «Скромные наши души осознают, что им предназначено, как и всему существу на земле, цвести, созреть и увядать. Но они знают, что одно в них является непреходящим. Это — вечное томление по вечной юности, которая всегда здесь и всегда ускользает» [6, т. 1, с. 179]. В этих предложениях (а шире — во фрагменте: «Я люблю мысленно возвращаться к весенней поре нашей любви...» [6, т. 1, с. 179]) формулируется мысль (но не завершается!) об осознании жизни как смене этапов (молодость, зрелость, старение) и о томлении по вечной юности, «которая всегда здесь и всегда ускользает» (*die immer da ist und immer entflieht*) [7, S. 72]. То есть жизнь как смена этапов осознается, представляется, потому что это показатели реалий времени, а томление по вечной юности — это состояние, которое предчувствуется, предугадывается, но осознать его довольно трудно.

Надо сказать, что томление (*Sehnsucht*) у Ф. Шлегеля, как у ранних романтиков вообще, — это инвариант эйдетизма, смысл которого широко представил и раскрыл Л. Тик в своем «Штернбальде» [8, с. 38–42]. Томление — сложное психологическое состояние, ориентированное на воссоединение прошлого (памяти) и настоящего, на реконструкцию целостности духа, на изображение его движения, на синтез его концептов, выражающих бесконечность его движения и изменения. Томление довольно точно выражает неопределенность состояния присутствия (сиюминутность) и ускользания. Выразить невыразимое, удержать в сознании отблеск прошлого или предчувствие будущего, изобразить, «схватить и запечатлеть на полотне хотя бы некоторые нежные очертания ускользающей жизни сейчас...» [6, т. 1, с. 179]. Томление — это психологическое состояние, всегда присущее человеку, состояние, выражающее прежде всего осознание человеком Времени, его движения; это выражение его тоски по всеобщему, универсальному, космическому; это память о коллективном бессознательном и ощущение своего отрыва от Вселенной (от первоматерии), наконец, это осознание трагизма своего индивидуального, своего Я, своего личностного, индивидуального одиночества.

В лекциях по философии (Кёльн, 1804–1805) Ф. Шлегель отмечал: «Бесконечное томление, рассматриваемое как деятельность, — это бесконечное распространение во все стороны и во всех направлениях. <...> Томление в его изначальной форме — это неопределенное бесконечное влечение, неопределенная деятельность, распространяющаяся во все стороны и во всех направлениях в бесконечность. Даже в чело-

веке томление в его изначальной форме — это такое духовное распространение во все стороны и во всех направлениях, неопределенное бесконечное влечение, ненаправленное на определенный предмет, но имеющее бесконечную цель, неопределимое духовное развитие и формирование, бесконечную полноту духовного совершенства и завершенности» [3, т. 2, с. 184].

Обратим внимание на то, что, по мнению Ф. Шлегеля, томление — это деятельность духа, имеющего «бесконечную цель», которая, в конечном счете, должна привести к «духовному совершенству и завершенности». Парадокс шлегелевского заключения очевиден: с одной стороны, бесконечная цель, а с другой — «духовное совершенство и завершенность». Но парадокс Ф. Шлегеля, условно говоря, продуктивен. Томление как «бесконечная цель» — это выражение бессознательного начала. Завершенность и законченность — это «возвращение» деятельного духа к традиционным, известным формам. Дух обретает в таком «возвращении» какую-либо форму. То есть это «деятельность духа» Я-повествующего, которое находится во власти культурно-исторической традиции, и, может быть, поэтому оно прекрасно осознает художественную форму. Я-повествующее конструирует форму по законам традиции, оно тяготеет к формированию произведения как явления целого, завершенного, законченного. Это явление искусственной поэзии.

Я-вспоминающее формы не знает, поскольку, очевидно, можно согласиться со словами героя К. Brentano: «...у самой формы не должно быть никакой формы» [9, с. 346–347]. То есть Ф. Шлегель создает произведение, в котором происходит встреча традиционно-представимой формы с бесформенностью. Причем если форма происходит из вне-меня, то она имеет устойчивые координаты, тогда как бесформенность возникает во-мне, и она являет собой бесконечное движение и развитие. В письме к Новалису (июль 1798 года) Ф. Шлегель, размышляя о форме повествования, подчеркивал, что ее можно «высказать бесконечно многими способами», что она «абсолютно свободна» [3, т. 2, с. 409]. Заметим, Ф. Шлегель высказал эту мысль по поводу формы письма — одного из самых субъективных жанров.

Модель индивидуально-бессознательного сознания представлена Я-вспоминающим. С точки зрения Ф. Шлегеля, человек «в земной истории представляет собой последнюю ступень длинного ряда созданий, целью которых является организация совершенного тела. Только на этой вершине органического развития пробивается душа земли, и в человеке возникает духовное сознание» [3, т. 2, с. 186].

Следует специально отметить, что дух героя романтиков (духовная субстанция) стремится к тому, чтобы познать себя не только через свое

Я, но и через инобытие себя. У Ф. Шлегеля это выражено в сосуществовании и духовном контакте Юлия и Люцинда. Для Юлия — носителя определенного «духовного сознания» — Люцинда является моделью «инобытия». В сюжетной конструкции Юлий и Люцинда — это два героя, но с точки зрения исследования «духовного сознания» они являют единое целое, диалогичное по своей сути.

Кроме того, инобытие выражается в том состоянии, которое мы традиционно называем одиночеством романтического героя. Ведь его одиночество всегда демонстративно, театрально; оно требует зрителей. Но автор всегда создает ситуацию, в которой непременно подчеркивается внешняя печать одиночества. У Пушкина в «Кавказском пленнике» одиночество героя «развертывается» в среде черкесов. Свое одиночество проносит по странам Европы Чайльд Гарольд Байрона. Таким образом, естественное состояние человека, обусловленное обстоятельствами жизни, в определенной романтике нормативной ситуации приобретает облик одиночества. Это инобытие человека как духовной данности, в маске которой он (человек, герой) пытается осознать себя.

Надо отметить, что Ф. Шлегель, как и все экспериментаторы в области художественной формы, отвергая традиционную, в создании новой романной формы идет, отталкиваясь от того, что уже есть, — от традиции. Но этот прием создает определенную дистанцию, «иронический» взгляд на старую форму, которая существует как исторически свершившаяся данность, но истинная суть которой «поглощается» движением времени. Она есть, но она «ускользает», потому что пришло другое время, сформировались (или формируются) новые представления о форме, утвердились новые эстетические принципы. Старая форма, существующая как историко-литературная данность, в восприятии другого творческого поколения неминуемо модернизируется; она понимается как явление сего времени, хотя в действительности несет в себе код своего времени.

Роман Ф. Шлегеля открывается «Прологом», то есть традиционно используемой писателями формой вступления к произведению, частью его, в которой предваряется «общий смысл, сюжет или основные мотивы произведения» или кратко излагаются события, «предшествующие основному действию (сюжету)» [10, с. 307]. Обратим внимание на то, что «пролог» — это «скелет» сюжета, определенная схема и концентрация мысли, которая будет потом, в ходе событий, развития сюжета, раскрываться. Так было в античной трагедии, так было у Сервантеса, на которого ссылается Ф. Шлегель в своем романе. Правда, у Сервантеса «Пролог» многофункционален и по своей структуре, конечно, отличается от античного. Если в античной трагедии пролог,

например у Софокла в «Эдипе-царе», — это осуждение незнания причины мора в Фивах (своего рода повествовательная фикция, введение, возвращение Эдипа к своей судьбе; это смысл события, уже известного зрителю), обсуждение «смысла» трагедии, то у Сервантеса Пролог — это игра с читателем по поводу неосведомленности автора о характере предисловия (как говорит Сервантес), о том, что ему (автору) трудно писать Пролог к книге о Дон Кихоте. Однако самопризнание («Много раз брался я за перо и много раз бросал, ибо не знал, о чем писать...» [11, т. 1, с. 5]) следует понимать буквально. Автор не может теперь, в прологе как части произведения, в краткой форме изложить события, «предшествующие основному действию (сюжету)», потому что действие уже состоялось, и автору, чтобы вернуться к тому, что он пережил в своем романе, трудно излагать кратко. Здесь уместно вспомнить известное толстовское признание о том, что пересказать «Анну Каренину» невозможно, поскольку изложить сюжет — значит написать новый роман. В этом смысле вполне понятны «мучения» Сервантеса.

Да, автор следует устоявшейся традиции и предпосылает своему роману «Посвящение». Оно выдержано в духе, стиле всего иронического подтекста романа. Известно, что герцог Бехарский отличался невежеством, «долгое время отказывался дать свое согласие на посвящение к "Дон Кихоту"» [11, т. 1, с. 536]. Сервантес же, напротив, восхваляет достоинства, которыми тот не обладал. Найти и обнародовать качества, которые не существуют, создавать видимость примирения с тем, что, в сущности, отвергается, — вот логика Сервантеса в «Посвящении». Такова и логика «Пролога». Только в «Прологе» Сервантес развертывает картину этой логики: видимость беспомощности в написании «Пролога» оборачивается для читателя мощью рассказовой ситуации, а для самого писателя — искусством «сцепления» мыслей, которые рождены переживанием сотворенного романного действия, истории Дон Кихота.

Вспоминая «Пролог» Сервантеса, Ф. Шлегель пишет: «И даже великий Сервантес, будучи старцем, уже в агонии, но все еще дружелюбный и преисполненный тонкого остроумия, облачает пестрое зрелище своих полных жизни произведений драгоценным ковром вступления, которое само по себе является прекрасной романтической картиной» [6, т. 1, с. 117]. Думаю, что Ф. Шлегель почувствовал в «Прологе» нечто созвучное своему романтическому настрою, с которым он конструирует повествование под названием «Люцинда». Ведь Сервантес показал движение мысли создателя, творца; мысли, становящейся и облекающейся в определенную форму. Он «втянул» читателя в область мышления. Его искусство как искусство художника в том и со-

стоит, что он, незаметно для нас, создает ситуацию мыслительной деятельности, соучастниками которой мы невольно становимся. Собственно, любое произведение искусства, которое находит отклик в нашем сознании, захватывает нас, ангажирует как своего соучастника, свидетеля, сотворца. Но Сервантес, а за ним и Ф. Шлегель обращаются к читателю не как к свидетелю рассказываемых событий, а как к соучастнику-аналитику, способному понять «рассечение», расслоение сознания, движение мысли.

В чем суть пролового повествования у Ф. Шлегеля? В первом предложении: «Mit lächelnder Rührung überschaut und eröffnet Petrarca die Sammlung seiner ewigen Romanzen» [7, S. 7]. Ф. Шлегель вспоминает Петрарку и его «бессмертные» романсы как историко-культурную данность, как прошлое в литературе (пусть и прекрасное!) и как нечто предшествующее сему моменту, как предшествующее Я-сейчас, авторскому сознанию, которое одержимо целью написать «Пролог» или начать рассуждения, письмо. Эта память о прошлом провоцирует процесс мышления. Без памяти, как говорят современные психологи, «не могло бы существовать и мышление» [12, т. 1, с. 358].

Обращение к Петрарке как к культурно-историческому феномену активизирует работу памяти и открывает картину движения мысли автора. Это мысль образная, возвращающая нас к прошлому и заставляющая, исходя из смысла предложения, вообразить присутствие Петрарки.

Далее. Первое предложение и следующие за ним — это, в сущности, «подготовительное мышление» [13, с. 142, 191] к роману², в котором заявляются логические акценты будущего повествования. Ведь в

² Здесь следует отметить, что структура художественного мышления Ф. Шлегеля во многом предвосхищает рассуждения М. Хайдеггера о специфике мышления: «Но какова же та стихия, в которой происходит мышление? — задается вопросом М. Хайдеггер и отвечает: — Если верно утверждение, что мы еще не мыслим, то оно в то же время и то, что наше мышление еще не двигается специально в свойственной ему стихии, а именно потому, что то, что требует осмысления, уклоняется от нас. То, что таким образом от нас скрывается и поэтому остается непомысленным, сами мы не можем заставить явиться, даже в том благоприятном случае, если мы уже отчетливо предуготовили мыслью пути тому, что от нас утаивается» [13, с. 142]. У Ф. Шлегеля «удаление» от начала повествования — это все нарастающая провокация появления мыслей («вытягивание» их) из глубин сознания и «втягивание» их в духовное пространство созидаемого авторского размышления. Роман Ф. Шлегеля является, условно говоря, панорамой бесконечно возникающих и угасающих мыслей. Подробнее см. об этом: [1, с. 132].

«Прологе» Ф. Шлегель конструирует картину движения мысли, совершает пробу текста. «Дело в том, — пишет М. Мамардашвили о мышлении Декарта, — что текст иногда как бы пробует себя на кончике пера, написанием его человек что-то в себе устанавливает (чего без этого не было бы) — какой-то в последующем порождающий механизм движения как состояния мысли, которое потом будет воспроизводиться. И если такой механизм установлен, то текст не имеет значения» [14, с. 9]. Обращение к именам Петрарки, Боккаччо, Сервантеса и является у Ф. Шлегеля «пробой текста», в которой он устанавливает для себя определенный стиль мышления — фрагментарный, позволяющий ему начинать картину движения мысли в одном направлении (прошлое), потом обозначить ее безадресное (абстрактное) движение, размышление, правда, спровоцированное первым, и обратить внимание на ход своей мысли, на развитие субъективного сознания; направить размышления на свое Я. Таким образом, возникает эффект «разорванного сознания», формально-содержательным выражением которого является фрагмент, обозначающий в своей сути появление мысли, логически не сопрягаемой с предшествующей, но имеющей, в конечном счете, «отдаленную причину» появления. Такой причиной может стать культурный текст, современность, философская идея, литературные теории сего дня, субъективное отношение к миру, к его проблемам.

Незавершенность фрагмента содержит в себе побудительное начало рождения мысли, развитие которой непредсказуемо. Кроме того, важно иметь в виду и неначность (безначальность) фрагмента. Сгусток мыслей, каким является фрагмент, создается из различных мыслительных жестов человека или мыслей, которые существуют в ноосфере. Задача автора-транслятора этих мыслей — на острие пера зафиксировать их движение. Именно исходя из этого тезиса можно объяснить «Дон Кихота» Борхеса или бродячие сюжеты и сюжетные архетипы, о которых пишет Е. Мелетинский [15, с. 9–62].

Читаем 84-й фрагмент Ф. Шлегеля: «С субъективной точки зрения философия всегда начинается с середины, подобно эпическому произведению» [3, т. 1, с. 294]. Здесь Ф. Шлегель транслирует мысль, которая родилась задолго до истории философии, получила в ней развитие и «бродила» в ноосфере конца XVIII — начала XIX века. Слово Ф. Шлегеля — это выражение представлений о философии, о конечном и бесконечном, о центре и антицентре, периферии пространства мышления. Наконец, это мысль о начале, которое трудно представить. В самом деле, попробуйте определить начало эпического произведения. Условное, текстуально обозначаемое начало эпического произведе-

дения — его название, заглавие. Но уже в этом заглавии существует мысль, которая, в сущности, является продолжением, а может быть, «серединой» этого повествования. Продумаем ряд ситуаций, с которыми сталкивается творец произведения:

1. Автор написал текст, но не сформулировал еще окончательный вариант названия. Несомненно, имелось какое-либо рабочее название, но когда автор закончил текст, то снова вернулся к мысли о названии, то есть автор заново «прочитывает» произведение, пытается кратко, лаконично обозначить смысловой пласт повествования. Бессознательно или совершенно сознательно автор идет к условному началу, к определенному его знаку из «глубин» повествовательного пространства. Таким образом, название становится своеобразным смысловым сигналом какого-то центрального момента произведения.

2. Условное начало (или начало текста произведения) всегда есть продолжение чего-то, что оставлено за повествовательной рамой. Даже классическая романная история о рождении Тристана в знаменитом средневековом романе является продолжением рассказа о мире, который существовал до него и который будет теперь существовать в рамках истории о Тристане.

3. Наконец, следует сказать, что сама конструкция «сюжета» мысли фрагмента схватывает ее текучесть, анонимность ее существования и субъективность ее трансляции. Мысль, существовавшая до Ф. Шлегеля, в его субъективном «оформлении» становится его мыслью. Как автор (Я-повествующее) Ф. Шлегель оформляет эту анонимную мысль в виде краткого высказывания, но как лицо, транслирующее анонимную мысль, как лицо, вспоминающее ее (Я-вспоминающее), не стремится к строительству формы, потому что она уже была, есть, она — бесформенна.

Фрагмент имеет такую организацию (структуру), которая показывает, как мысль сама себя мыслит. Это плотинское положение было блестяще развито Ф. Шлегелем не только во «Фрагментах», но и в романе «Люцинда». «Мыслительная» деятельность мысли отмечена тремя этапами: формирование (творение), ситуативно-сюжетная жизнь (сохранение) и ускользание (разрушение). Такой процесс движения мысли во многом символичен, он несет в себе глубинный смысл, код движения, жизни. Как в природе все ритмично, так и мысль знает рождение, жизнь и исчезновение — ускользание из памяти.

Так, обозначая разговор о классиках мировой литературы (Петрарка, Боккаччо, Сервантес), Ф. Шлегель, определяя к ним свое отношение, пробует выразить мысль о целостном восприятии произведения искусства, а потом переключает внимание на свое Я, на свой творче-

ский эгоцентризм. В «Прологе», следовательно, моделируется структура текста романа, апробируется логика фрагмента. И самое главное: в «Прологе» Ф. Шлегель создает атмосферу «подготовительного мышления», стиль которой выразится в романе. А о самом мышлении Ф. Шлегель сказал в духе своей романтической теории: «Мышление имеет то свойство, что после самого себя оно охотнее всего размышляет о том, о чем можно размышлять бесконечно» [3, т. 1, с. 194].

Список литературы

1. *Грешных В.И.* Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л., 1991.
2. *Гёте И.-В., Шиллер Ф.* Переписка : в 2 т. М., 1988.
3. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. М., 1983.
4. *Ванслов В.В.* Эстетика романтизма. М., 1966.
5. *Дмитриев А.С.* Проблемы иенского романтизма. М., 1975.
6. *Шлегель Ф.* Люцинда // Избранная проза немецких романтиков : в 2 т. М., 1979.
7. *Schlegel Fr. Lucinde. Schleiermacher Fr. Vertraute Briefe.* Leipzig, 1970.
8. *Грешных В.И.* Модели романтического эйдетики в литературах Германии, Польши и России первой половины XIX века // Сопоставительное литературоведение: подходы, критерии, опыт. Витебск, 1990.
9. *Эстетика немецкого романтизма.* М., 1986.
10. *Литературный энциклопедический словарь.* М., 1987.
11. *Сервантес Сааведра М. де.* Хитроумный Идадьго Дон Кихот Ламанчский : в 2 т. М., 1979.
12. *Годфруа Ж.* Что такое психология : в 2 т. М., 1992.
13. *Хайдеггер М.* Разговоры на проселочной дороге. М., 1991.
14. *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. М., 1993.
15. *Мелетинский Е.М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Мировое древо. М., 1993. Вып. 2.

SUMMARY

The bulk of the issue is constituted by the proceedings from the International Youth Humanities Forum, *Russian Word in Russia and Abroad in the 21st Century*, which took place at the Immanuel Kant Baltic Federal University on October 4th through 6th. The Forum was financially supported by the 'Russian World' Foundation.

The first chapter, FEATURE, opens with the transcripts from the round table, The Russian Word: Creating the Image of Russia Abroad, which, in turn, had opened the Forum itself. Vitaly Tretyakov started the discussion by addressing the negative impact of modern information society on the Russian language. The Italian journalist and political scientist, Giulietto Chiesa then proceeded to analyze how European and American media create a negative image of Russia abroad, and engaged the audience into thinking about the reasons for such *status quo*. Vladimir Mamontov took a broader view on the relationships of a Russian person with the Western civilization by looking at the problem from the point of view of historical development. Suren Zolyan, in his presentation discussed the integral role of Russian language in the creation of the common higher educational space in post-Soviet countries. Oleg Kling, a scholar of literature, spoke about the part that the Russian literature plays in safekeeping and transmitting of Russian cultural tradition. Natalia Kulibina drew attention to the decrease of the interest to reading and underlined the importance of the Russian literature as a Russian language teaching resource. Viktor Molchanovsky dedicated his talk to the issues of preservation of the Russian language and to the image of Russia that is created by modern RSL textbooks. Jury Domansky presented his view of modern civilization as an information series and pointed out the role that the Russian culture plays in this setting. The round table proceedings are concluded with the presentation of Natalia Babenko, who summarized the discussion and informed the participants about new interactive e-learning resources created by the IK BFU team for students of Russian as a Second Language.

The next chapter, LANGUAGE: THE PULSE OF TIME is comprised of summaries and full texts of the presentations made by the young Forum participants – young scholars, teachers, journalists and Ph.D. candidates from Russia and the Baltic Sea States (Poland, Lithuania, Latvia, Estonia). The participants of the Forum managed to discuss a wide range of topics,

including the proposal to create an interactive national language museum (Natalia Polytzya); the creation of Russian image by the Polish media (Julia Klyus, Katarzyna Momot, Rafal Siwicki); the methods of comparative analysis of languages and culture in a Baltic school (Ekaterina Kolesova, Janeli Nõlvand); reception of Nabokov's literary criticism by the Polish students (Monika Karwacka); modern expressive means in the language of publicism (Zanna Sladkiewicz). This chapter also showcases a variety of methods and techniques that can be used in an RSL classroom. In particular, the participants discussed the role of slang in the teaching process; educational value of videogames; the difference of teaching methods in Russia, Poland and Estonia; the distinctive features of Russian folklore and literature; and the coverage of the most recent political events in Russia by the foreign media.

The final chapter, PERSONA, is dedicated to the memory of an outstanding literary scholar, and a topmost expert on German Romanticism, professor Vladimir Greshnykh, an inspiration and editor-in-chief to a number of scholarly and publicist journals. His colleagues (Gennady Stadnikov, Julietta Chavchanidze, Tatiana Sharypina, Alla Botnikova, Sergey Isaev, Natalia Vladimirova, Alexander Erochin) and his former students-turned-literary scholars of language and literature (Ludmila Olhovskaya, Galina Yanovskaya, Angelica Vaskinevich) go down the memory lane to commemorate this outstanding person. The chapter is finalized with the publication of a fragment of Prof. Greshnykh's study of German literature, which gives an idea of the critical method employed by this truly unforgettable scholar.

Об авторах

Бабенко Наталья Григорьевна – д-р филол. наук, профессор кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), banagr@rambler.ru

Беловодская Анастасия – ассистент Института иностранных языков Вильнюсского университета (Вильнюс, Литва), anastasijabelovodskaja@gmail.com

Бондарь Леонид Евгеньевич – студент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (Калининград), ricardtowntown@gmail.com

Ботникова Алла Борисовна – д-р. филол. наук, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж), botnikova@yandex.ru

Васкиневич Анжелика Игоревна – канд. филол. наук, доцент кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания БФУ им. И. Канта (Калининград), vaskinev@mail.ru

Вертинская Ольга Михайловна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), v-olga@hotmail.ru

Вильк Габриэла – преподаватель Института восточнославянской филологии Силезского университета (Катовице, Польша), gabriela.wilk@op.pl

Владимирова Наталия Георгиевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы НовГУ (Великий Новгород), natvl_942@mail.ru

Доманский Юрий Викторович – д-р филол. наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ (Москва), p000278@yandex.ru

Дронова Анастасия Леонидовна – преподаватель кафедры русского языка ВУНЦ ВМФ «ВМА» (Калининград), anaatasiya.dronova@list.ru

Ерохин Александр Владимирович – д-р филол. наук, зав. кафедрой издательского дела и книговедения Института социальных коммуникаций УдГУ (Ижевск), erochin@ua.ru

Золян Сурен Тигранович – д-р филол. наук, профессор, член комитета экспертов Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (Ереван, Армения), surenzolyan@gmail.com

Иванова Елена – магистрант Тартуского университета (Тарту, Эстония), leniv87@gmail.com

Исаев Сергей Георгиевич – д-р филол. наук, профессор Новгородского университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород), isaev_2042@mail.ru

Карвацка Моника – преподаватель Института восточнославянской филологии Силезского университета (Катовице, Польша), monika.karwacka@us.edu.pl

Клинг Олег Алексеевич – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой теории литературы МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва), okling@yandex.ru

Клюс Юлия – докторант Вроцлавского университета (Вроцлав, Польша), julia.klyus@gmail.com

Колесова Екатерина – аспирант, преподаватель гуманитарного факультета Латвийского университета (Рига, Латвия), vanessa88@inbox.lv

Крысанова Анастасия Владимировна – ассистент кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), kryvla@mail.ru

Кулибина Наталья Владимировна – д-р пед. наук, профессор, декан факультета повышения квалификации Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина (Москва), nkulibina@yandex.ru

Кьеца Джульетто – журналист, политолог, экс-депутат Европарламента (Рим, Италия), post@kantiana.ru

Мамонтов Владимир Константинович – журналист, президент редакции газеты «Известия» (Москва), post@kantiana.ru

Мампе Иоанна – преподаватель Института восточнославянской филологии Гданьского университета (Гданьск, Польша), joannamampe@mail.ru

Молчановский Виктор Васильевич – д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе и инновационным проектам Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина (Москва), profimvv@yandex.ru

Момот Катажина – магистрант филологического факультета Университета имени Николая Коперника (Торунь, Польша), kmom@op.pl

Мощиньска Лариса – преподаватель Института славянской филологии Вроцлавского университета (Вроцлав, Польша), lib@poczta.onet.pl

Нылванд Янели – докторант Тартуского университета (Тарту, Эстония), janeli.nolvand@gmail.com

Обвинникова Лада Олеговна – канд. филол. наук, профессор кафедры русского языка ВУНЦ ВМФ «ВМА» (Калининград), hairere@list.ru

Ольховская Людмила Васильевна – ведущий научный сотрудник Полтавского литературно-мемориального музея В.Г. Короленко (Полтава, Украина), olhovsk_luda@mail.ru

Польция Наталья – аспирант кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта (Калининград), xohlovka@yandex.ru

Сивицки Рафал – аспирант филологического факультета Университета имени Николая Коперника (Торунь, Польша), rsiwicki.umk@gmail.com

Сладкевич Жанна Ромуальдовна – канд. филол. наук, адъюнкт кафедры прагматики коммуникации Гданьского университета (Гданьск, Польша), zanna.sladkiewicz@wp.pl

Слюсар Екатерина Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка ВУНЦ ВМФ «ВМА» (Калининград), katjonak@mail.ru

Смирнова Екатерина Александровна – студент Института социально-гуманитарных технологий и коммуникации БФУ им. И. Канта (Калининград), ekaterinasmirnova39@gmail.com

Стадников Геннадий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), briefe@inbox.ru

Сутугинене Юлия – докторант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Литовского эдукологического университета (Вильнюс, Литва), sutuginiene@mail.ru

Третьяков Виталий Товиевич – декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), hstv@bk.ru

Чавчанидзе Джульетта Леоновна – д-р филол. наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), juchav@mail.ru

Шарьтина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой зарубежной литературы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород), swawa@yandex.ru

Шевченко Сергей Александрович – аспирант кафедры зарубежной филологии и историко-сравнительного языкознания БФУ им. И. Канта (Калининград), gorlum88@mail.ru

Яновская Галина Владимировна – канд. филол. наук, доцент Института социально-гуманитарных технологий и коммуникации БФУ им. И. Канта (Калининград), GYAnovskaya@kantiana.ru

About authors

Natalia Babenko – Doctor of Philology, professor of the Department of Slavic and Russian Philology of IK BFU (Kaliningrad), banagr@rambler.ru

Anastasja Belovodskaja – assistant at the Institute of Foreign Languages of Vilnius University (Vilnius, Lithuania), anastasjabelovodskaja@gmail.com

Leonid Bondar – a student at the Institute of Humanities IK BFU (Kaliningrad), ricardt@gmail.com

Alla Botnikova – Doctor of Philology, professor of Voronezh State University (Voronezh), botnikova@yandex.ru

Angelica Vaskinevich – Ph. D. in Philology, associate professor of the Department of Foreign Philology and Comparative Linguistics of IK BFU (Kaliningrad), vaskinev@mail.ru

Olga Vertinskaya – Ph. D. in Philology, lecturer of the Department of Slavic and Russian Philology IK BFU (Kaliningrad), v-olga@hotmail.ru

Gabriela Wilk – lecturer at the Institute of Eastern Slavonic Philology at the University of Silesia (Katowice, Poland), gabriela.wilk@op.pl

Natalia Vladimirova – Doctor of Philology, professor of the Department of Russian and Foreign Literature of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod), natvl_942@mail.ru

Jury Domansky – Doctor of Philology, professor of the Department of Theory and History of Literature of the Russian State University for the Humanities (Moscow), p000278@yandex.ru

Anastasija Dronova – lecturer at the Department of Russian Language at the Baltic Naval Academy (Kaliningrad), anaatasiya.dronova@list.ru

Alexander Erochin – Doctor of Philology, Head of Department of Publishing and Book Studies at Udmurt State University (Izhevsk), erochin@ya.ru

Suren Zolyan – Doctor of Philology, professor, member of the Expert Committee of the European Charter for Regional or Minority Languages (Yerevan, Armenia), surenzolyan@gmail.com

Elena Ivanova – Master Student at Tartu University (Tartu, Estonia), leniv87@gmail.com

Sergey Isaev – Doctor of Philology, professor of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod), isaev_2042@mail.ru

Monika Karwacka – Lecturer at the Institute of Eastern Slavonic Philology at the University of Silesia (Katowice, Poland), monika.karwacka@us.edu.pl

Oleg Kling – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Literary Theory of Moscow State University (Moscow), okling@yandex.ru

Julia Klyus – Ph. D. candidate, Wrocław University (Wrocław, Poland), julia.klyus@gmail.com

Ekaterina Kolesova – Ph. D. candidate, Lecturer at the Faculty of Humanities at the Latvian University (Riga, Latvia), vanessa88@inbox.lv

Anastasija Krysanova – assistant at the Department of Slavic and Russian Philology of IK BFU (Kaliningrad), kryvla@mail.ru

Natalia Kulibina – Doctor of Education, dean of the Faculty of Continuous Education of the Pushkin Institute of Russian Language (Moscow), nkulibina@yandex.ru

Giulietto Chiesa – journalist, political scientist, ex-MP of the European Parliament (Rome, Italy), post@kantiana.ru

Vladimir Mamontov – journalist, President of the Editorial Board of the Daily Newspaper *Izvestia* (Moscow), post@kantiana.ru

Joanna Mampe – Lecturer at the Institute of Eastern Slavonic Philology at Gdansk University (Gdansk, Poland), joannamampe@mail.ru

Viktor Molchanovsky – Doctor of Education, vice-rector on Research and Innovation of the Pushkin Institute of Russian Language (Moscow), profimvv@yandex.ru

Katarzyna Momot – Master Student of the Faculty of Philology of the Nicolaus Copernicus University (Torun, Poland), kmom@op.pl

Larisa Moschinska – Lecturer at the Institute of Slavic Philology at Wrocław University (Wrocław, Poland), lib@poczta.onet.pl

Janeli Nõlvand – Ph. D. candidate, Tartu University (Tartu, Estonia), janeli.nõlvand@gmail.com

Lada Ovchinnikova – Ph. D. in Philology, professor of the Department of Russian Language at the Baltic Naval Academy (Kaliningrad), hairete@list.ru

Ludmila Olhovskaya – Senior Researcher at the V. Korolenko Memorial Museum (Poltava, Ukraine), olhovsk_luda@mail.ru

Natalia Polytzya – Ph. D. candidate at the Department of Slavic and Russian Philology IK BFU (Kaliningrad), xoxlovka@yandex.ru

Rafal Siwicki – Ph. D. candidate of the Faculty of Philology of the Nicolaus Copernicus University (Torun, Poland), rsiwicki.umk@gmail.com

Zanna Sladkiewicz – Ph. D. in Philology, Department of Communicative Pragmatics at Gdansk University (Gdansk, Poland), zanna.sladkiewicz@wp.pl

Ekaterina Slusar – Senior Lecturer at the Department of Russian Language at the Baltic Naval Academy (Kaliningrad), katjonak@mail.ru

Ekaterina Smirnova – student of the Institute of Communication and Technology of IK BFU (Kaliningrad), ekaterinasmirnova39@gmail.com

Gennady Stadnikov – Doctor of Philology, professor of the Department of Foreign Literature of Russian State Pedagogical University (St. Petersburg), briefe@inbox.ru

Julia Sutuhiniene – Ph. D. candidate, Department of Russian Language and Cross-cultural Communication of Lithuanian University of Education (Vilnius, Lithuania), sutuginiene@mail.ru

Vitaly Tretyakov – the dean of the Higher School (Faculty) of Television of Moscow State University (Moscow), hstv@bk.ru

Julietta Chavchanidze – Doctor of Philology, professor of the Department of History of Foreign Literature of Moscow State University (Moscow), juchav@mail.ru

Tatiana Sharypina – Doctor of Philology, head of Department of Foreign Literature of the University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod), swawa@yandex.ru

Sergey Shevchenko – Ph. D. candidate at the Department of Foreign Philology and Comparative Linguistics of IK BFU (Kaliningrad), gorlum88@mail.ru

Galina Yanovskaya – Ph. D. in Philology, associate professor of The Institute of Communication and Technology of IK BFU (Kaliningrad), GYAnovskaya@kantiana.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2012

№ 4

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 28.12.2012 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 12,4
Тираж 1000 экз. Заказ 10

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14